

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

ЛЮТОВА С. Н.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА:

Курс лекций.

Рецензенты: **Глаголев В. С.**, д. ф. н., проф.
Самарин А. Н., к. ф. н., доц.

МОСКВА – 2002

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В КЛАССИЧЕСКОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ	12
Глава первая. Психоаналитический детектив: доктор Фрейд и доктор Уотсон ...	12
Глава вторая. Защитные механизмы личности как продукт социализации	33
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОТИВАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛУБИННОЙ И ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	56
Глава первая. Личность как отражение иерархии ее потребностей. Мотивация психотерапевтического взаимодействия.....	56
Глава вторая. Метамотивация общения. Методы образоцентрической терапии .	74
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ В ПРАКТИКЕ ЮНГИАНСКОГО И ТРАНСАКТНОГО АНАЛИЗА.....	99
Глава первая. Архетипические модели межличностных отношений	99
Глава вторая. Сценарная теория Э. Бёрна. Практическая работа с семейной мифологией.	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	175
ЛИТЕРАТУРА	177

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее учебное пособие посвящено проблемам социальной психологии личности и развивает ключевые темы базового курса психологии, читаемого в МГИМО(У).

Социально-психологический подход к личности, основанный на психоаналитической традиции, определил концепцию учебного пособия. Теоретическая преемственность, идущая от З. Фрейда через К. Г. Юнга к Дж. Хиллману и Э. Бёрну, прослежена досконально. В той степени, в какой теории гештальтистов, гуманистических и когнитивных психологов согласуются с парадигмой глубинной психологии, они также нашли отражение на страницах учебного пособия.

Исследования отечественных ученых относительно влияния на социальное поведение личности неосознаваемых психических процессов проанализированы в части, посвященной мотивации деятельности.

Однако основной задачей автора стала демонстрация практического применения открытий академической психологии в повседневной жизни молодых людей, для которых и предназначен этот курс лекций.

Более двух десятков реальных ситуаций межличностного общения рассмотрены в учебном пособии с точки зрения теоретической интерпретации или практического разрешения связанных с ними внутриличностных проблем.

Круг этих проблем определен, главным образом, социальной сферой семейных и дружеских отношений. Комплекс же социально-психологических вопросов, связанных с профессиональным становлением молодого человека, автор надеется осветить в последующих изданиях учебного пособия «Социальная психология личности».

ВВЕДЕНИЕ

«Терра инкогнита», разделявшая психологию и социологию, в начале XX в. была освоена новой наукой – социальной психологией. Приграничные области двух смежных дисциплин также оказались в сфере ее интересов. Поэтому **определение предмета социальной психологии** достаточно широко: она, во-первых, изучает закономерности поведения и деятельности людей, обусловленные включением их в социальные группы, а во-вторых, изучает психологические характеристики самих этих групп. Причем под группой может подразумеваться любое социальное образование от диады (пары взаимодействующих людей) до многомиллионного народа.

Такое определение позволяет различным социальным психологам фокусировать внимание на любой из широкого диапазона проблем: от психологии личности и межличностных отношений до этнопсихологии и психологии массового сознания.

От социологии социальную психологию отличает интерес к конкретному человеку, к тому, как общественные закономерности проявляются на уровне реального индивида, а не абстрактного представителя социальной группы.

Сложнее разделить «сферы влияния» между социальной психологией и общей психологией. Сложность в том, что **объектом познания** и в той и в другой является душа или, выражаясь более научным языком, психическая жизнь человека, рассматриваемого как личность.

Личность формируется в результате взаимовлияния биологических (врожденных) характеристик психики индивида и его социального опыта. Поскольку человек уже с момента рождения оказывается в системе разнообразных социальных связей, практически невозможно разделить биологические и социальные детерминанты его будущей личности. Генетически обусловленные черты психики (пол, темперамент, природные задатки) определяют усвоение социального опыта. Последний, в свою очередь, призван преобразовать врожденные черты.

Почему бы тогда все исследования личности не рассматривать как социально-психологические?

Специфика общепсихологического подхода к социально детерминированной личности заключается в том, что особенности последней рассматриваются как некая данность – вне определяющих прошлых влияний и вне актуальных взаимоотношений с другими людьми.

Специфика социальной психологии личности связана, **во-первых**, с исследованием закономерностей и причин поведения личности в контексте реальной группы. В центре внимания социальной психологии личности находятся взаимоотношения человека с окружающими его людьми, оказывающие влияние на непрерывный процесс становления его личности.

Во-вторых, социальная психология личности выделяет специфический аспект рассмотрения проблем, традиционных для социальной психологии малой группы: проблем лидерства, эмоциональных связей между членами группы, их конформизма или самостоятельности, принятия ими ролевых позиций. Данный аспект предполагает анализ индивидуальных социально-психологических качеств личности.

В-третьих, социальная психология личности занимается вопросами социализации – усвоения и воспроизводства индивидом норм, ценностей и обычаев своего общества. При этом важно, через посредство каких групп и каким именно образом осуществляется социализация данной личности, от чего зависят особенности или, возможно, патология протекания этого процесса. Итоги социализации проявляются в деятельности, общении и самосознании (в том числе социальной идентичности) человека.

В-четвертых, социальная психология личности уделяет особое внимание происхождению и реализации социальных установок личности (аттитюдов) – т. е. готовности вести себя тем или иным образом в определенных ситуациях, связанных с общением.

В отечественной науке проблематику социальной психологии личности разрабатывают такие ученые, как А. Г. Асмолов, В. А. Богданов, Е. В. Шорохова, В. А. Ядов, Е. П. Белин-

ская и др. Г. М. Андреева, один из ведущих отечественных социальных психологов, считает: «При определении специфики социально-психологического подхода к исследованию личности следует опереться на понимание личности, предложенное А. Н. Леонтьевым»¹.

Согласно концепции Леонтьева, личность неотторжима от ее **деятельности** – целеустремленной активности по удовлетворению потребностей. Личность выступает одновременно и как условие, и как продукт деятельности. Поскольку человек одновременно бывает вовлечен в несколько видов деятельности, приходится говорить об «иерархии деятельностей» с непременным выделением «ведущей деятельности».

Иерархия деятельностей, с точки зрения Леонтьева, определяет структуру личности человека. Но, поскольку признаком деятельности является наличие ее мотива, за иерархией деятельностей лежит иерархия мотивов и потребностей личности.

Таким образом, социальная психология личности не может обойти проблему мотивации личности в различных видах совместной деятельности людей, проблему мотивации социального поведения.

Под **социальным поведением** человека подразумевается форма его активности в обществе и социальных группах, направленная на поддержание и развитие этого общества, групп и самой личности. Регуляторами социального поведения на уровне личности являются ее социальные установки, психологические особенности, ценности, потребности и мотивы.

Мотивации социального поведения и аттитюдам личности уделено особое внимание в настоящем издании.

Мотивы и установки поведения могут быть (полностью или частично) осознаваемы человеком, но могут и совершенно им не осознаваться, особенно если противоречат общественным нормам и отвечающему им «идеальному образу Я» в сознании. В этом случае подлинная **мотивация** поступков прикрывается рациональной их **мотивировкой**, оправдывающей сомнительные, с моральной точки зрения, действия.

¹ Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996. С. 271.

Мотивы могут не сразу осознаваться личностью и в том случае, если ее социальное поведение осуществляется интуитивно в непривычной для индивида ситуации. (Едва ли впервые влюбленная девушка поверит, что ее чувствами руководит потребность продолжения рода. Едва ли малыш, с увлечением малюющий свои первые «шедевры», сознает, что им движет потребность в самореализации.)

Неосознаваемые механизмы человеческого поведения на уровне личности, главным образом установки, исследуются в отечественной традиции, восходящей к Д. Н. Узнадзе. Неосознаваемые мотивы человеческого поведения стали предметом психоанализа.

Психоаналитическая ориентация в социально-психологической теории имеет глубокие корни, уходящие в творчество «отца психоанализа» З. Фрейда, а также в теорию инстинктов социального поведения В. Макдугалла (У. Мак-Даугалла, в иной транскрипции). Книга последнего «Введение в социальную психологию», вышедшая в 1908 г., ознаменовала, как принято считать, окончательное утверждение социальной психологии в качестве самостоятельной дисциплины.

Основное положение теории Макдугалла состоит в следующем: целенаправленные влечения интуитивного характера, субъективно представленные эмоциями, влияют на индивидуальное сознание и, в конечном счете, определяют как социальное поведение индивида, так и структуру общества.

Многие западные исследования социальной психологии личности в течение всего XX в. были ориентированы именно на психоаналитические концепции представителей разных школ этого направления (среди них – Адлер, Юнг, Шутц, Фромм, Хорни, а также черпавшие из источника психоанализа Бёрн, Джулард, Роджерс, Маслоу).

Помимо психоаналитического, социальная психология личности испытала влияние двух других наиболее распространенных в XX в. теоретических направлений психологии: необихевиоризма (Доллард, Бандура, Тибо, Келли) и когнитивизма (Левин, Фестингер, Осгуд).

Необихевиоризм полагал социальное поведение детерминированным стимулами, положительно («пряником») или негативно («кнутом») «подкрепляющими» его. Индивид просчитывает количество «пряников» и «ударов кнута», прежде чем совершить действие. Он принимает во внимание не только собственный, но и чужой опыт.

Когнитивный подход, возражая как против излишнего, с его точки зрения, интуитивизма психоанализа, так и против бихевиорального механицизма, пошел гораздо дальше необихевиоризма в утверждении решающей роли рационального знания в социальном поведении субъекта.

Несмотря на историческое соперничество психоанализа, необихевиоризма и когнитивизма, в настоящее время наблюдается тенденция взаимопроникновения их идей. Социальная психология личности обогащается результатами исследований в русле всех трех теоретических направлений, дополняющих и уравновешивающих друг друга.

С моей точки зрения, эклектичность наряду с оригинальностью позиции наиболее свойственна современным приверженцам аналитической психологии К. Г. Юнга. Эклектичность проявляется как в теоретических построениях, так и в практической работе психологов-юнгианцев.

Признавая поведение личности зависящим от иерархии ее мотивов, по большей части неосознаваемых, постъюнгианцы не видят зависимость эту фатальной, а мотивационную структуру жесткой. Свобода рациональной сферы психики, по сути, выражается в свободе интерпретации.

Мы непрестанно интерпретируем собственные эмоциональные реакции и поступки, действия других людей. Мы интерпретируем свое и чужое прошлое в стремлении оценить настоящее и предопределить будущее. Принятие нами решения зависит от интерпретации обстоятельств и собственных способностей. Вместе с тем, характер интерпретации сам детерминирован сложившимися особенностями личности.

Только общение, соприкосновение с личностью другого способно разомкнуть круг, раздвинуть горизонты, расширить диапазон интерпретаций и, следовательно, свободу выбора.

Межличностное общение не только предоставляет возможности получения информации и «социального научения», подражания образцам, но и способствует раскрытию потенциала личности посредством переструктурирования ее мотивационной сферы и системы ценностей.

Как раз на безграничных возможностях межличностного взаимодействия психолога и его клиента, участников группы тренинга основана психотерапевтическая работа глубинных психологов, в первую очередь постъюнгианцев.

Уже из приведенного выше определения специфики социальной психологии личности ясно, что эта дисциплина тесно связана с практической работой психолога. Изложение ее теоретической базы, в частности в данном учебном пособии, немислимо без демонстрации приложения теории к опыту общения с реальными людьми, к моему собственному опыту психологического консультирования.

Собственно, и сами теории корифеев Дж. Хиллман, наиболее значительная фигура в современной аналитической психологии, склонен преподносить (вполне в духе постмодернизма) не как вечные истины, но как зыбкие варианты художественной интерпретации жизненных реалий.

И теория, и практика юнгианского анализа ставят перед собой задачу не «лечить сумасшедших» (в чем непосвященные усматривают главную цель всякой психотерапии), но возвращать целостность и гармонию, буквально «исцелять» личность «нормального человека», страдающего от внутренних противоречий.

Противоречия особенно одолевают всех нас в кризисные, переломные периоды жизни. Отрочество и юность – один из них. Поэтому я надеюсь, что настоящее учебное пособие, созданное на основе цикла моих лекций по социальной психологии личности, поможет найти ответы не только на экзаменационные, но и на некоторые из тех вопросов, которые задает жизнь.

Проблемы взаимоотношений в семье, отношений с друзьями и любимыми, проблемы адаптации к новой социальной среде, преодоление стереотипов, наконец, трудности в

осмыслении себя самого и трудности самореализации в обществе – вот тот круг вопросов, который обозначился в моих беседах со студентами, в их записках, переданных мне, во встречах с молодыми людьми, уже вышедшими из студенческого возраста, которые обращались ко мне за психологической помощью.

На материале реальных ситуаций я и постаралась продемонстрировать, прежде всего, практическое значение ряда социально-психологических концепций личности, излагая сами идеи достаточно конспективно.

Моя позиция психолога-юнгианца, сторонницы архетипической теории Дж. Хиллмана, и опыт образоцентрической терапии определили ракурс освещения обозначенных проблем, а также мотивации и методологии самого психотерапевтического процесса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В КЛАССИЧЕСКОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ

Глава первая. Психоаналитический детектив: доктор Фрейд и доктор Уотсон

Замечание Хиллмана о том, что многие научные труды Фрейда стилистически напоминают «викторианские детективы», натолкнуло меня на мысль ввести изложение теории Фрейда в анализ литературного сюжета такого детектива, а именно известной новеллы А. Конан Дойла «Пестрая лента». К тому же этот сюжет оказался достаточно емким, чтобы иллюстрировать собой основы учения Фрейда, так любившего излагать его в картинах.

Психоанализ литературного произведения как улики, оставленной бессознательным писателя, не новость. Моя же цель иная: рассмотреть сам сюжет как ситуацию специфического общения психоаналитика и его пациентки (а не сыщика и клиента). Рассказ Конан Дойла предоставляет огромные возможности для подобной его интерпретации, как мне, я надеюсь, удастся доказать.

События (в тексте оригинала – факты реальности) по моей воле трансформируются в образы фантазии главной героини новеллы. В качестве таковых они служат материалом не для криминального, а для психологического расследования, проведенного Холмсом и Уотсоном в мною навязанной им роли. Ведь именно синтез врача и детектива в одном лице породил в культуре XX столетия фигуру психоаналитика.

Взгляд на факты живой, уже не литературной, биографии как на метафоры психической жизни человека характерен для Хиллмана и его сторонников. Мое вольное обращение с Конан Дойлом призвано подготовить читателя к восприятию метода образоцентрической терапии личности, о которой речь пойдет далее.

Расширение личностного диапазона интерпретаций в жизни – задача высшего пилотажа. Подойдем к ней постепенно,

начав с игры, с разминки – с обещанного мною визита на Бейкер-стрит.

* * *

Ранним апрельским утром 1883 г. перед глазами доктора Уотсона предстает молодая дама под густой вуалью, дрожащая... не от холода, но от страха! Так начинается одна из самых завораживающих историй о Шерлоке Холмсе, записанная доктором Уотсоном и известная нам как рассказ Конан Дойла «Пестрая лента».

Проницательность мистера Холмса, как мы помним, позволила распознать в аристократе злодея, который натравил гадюку на своих приемных дочерей, стремясь присвоить их состояние. В итоге злодей сам погибает от ядовитого укуса, а уцелевшая падчерица переезжает к тете.

Примерно десятью годами позже молодые дамы с испуганными глазами, которым тоже было, что скрывать под вуалью даже от самих себя, потянутся через приемную другого доктора – Зигмунда Фрейда, чтобы испытать на себе его метод раскрытия тайн и сделаться героинями записок доктора Фрейда... о самом себе. Записок не менее популярных в XX в., чем новеллы Конан Дойла, и даже снискавших автору литературную премию имени Гете.

Почему бы нам не представить, что мисс Элен Стоунер, героиня «Пестрой ленты», обратилась за помощью не к Холмсу, а к Фрейду, тем более что жалобы 32-летней незамужней особы вполне относились к компетенции венского психиатра: «Я больше не вынесу этого, я сойду с ума!.. Мои страхи так неопределенны, что их могут счесть фантазиями нервной женщины... Вы, как никто, разбираетесь в порочных наклонностях человеческого сердца, попытайтесь пролить хоть немного света в тот непроницаемый мрак, что окружает меня!»².

² Конан Дойл А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Ростов-на-Дону; Волгоград, 1993. С. 251, 252.

Заслуга доктора Фрейда в том, что теперь нам не кажется более чудовищным, чем все убийства на свете, предположение о несколько ином, отличном от перетягивания экономического одеяла, характере отношений между отчимом и падчерицей. Заслуга доктора Фрейда в том, что теперь нам не кажется невероятным, что характер отношений между вдовствующим буяном и перезревающей ничьей невестой может быть скрыт не только от посторонних глаз, но и, по меньшей мере, от самой девицы.

Что, если образ отчима двоятся в ее воображении, как в действительности он раздвоился у героини другого рассказа Конан Дойла «Установление личности»? Там поразительно похожая завязка: отчим, имеющий основания желать безбрачия падчерицы, завладевающий ее сердцем с помощью карнавального перевоплощения, и не первой молодости девушка, презирающая в отчине и обожающая в женихе одного и того же человека.

Что, если неуловимый жених Элен – вымышленный ею для окружающих и, главное, для себя самой персонаж, воплотивший все желанное и идеальное, что таит в себе поистине неординарная личность Ройлотта? «Сама девица дает богатейший материал для наблюдений»³, – замечает Холмс.

Безотчетный страх, по Фрейду, – первый симптом любовного влечения, которому человек не позволяет себе отдаться по моральным соображениям, которого поэтому боится и который, так сказать, выкидывает из головы.

Первые же публикации З. Фрейда можно считать сенсацией в жанре детектива, ибо они строго научным языком, вне всякой мистики, указали, что преступник может прятаться не в шкафу и не за портьерой, а в черепной коробке самой жертвы. Причем, невинное, как голубка, природное желание становится преступным, лишь застоявшись в тесном стойле «тайников души», куда его плетью загоняет нравственное чувство.

³ Там же. С. 162.

Но, если бы мы пожелали предложить свою версию случившегося, оставаясь в жанре классического детектива, ничто не помешало бы нам обвинить в преднамеренном убийстве Элен. Попробуем обосновать это обвинение, чтобы разрушить структуру рассказа и облегчить тем самым переход к иной, фрейдистской, интерпретации изложенных Конан Дойлом фактов.

Во-первых, финансовая заинтересованность в смерти отчима была у мисс Стоунер не слабее, чем заинтересованность того в ее безбрачии. Во-вторых, зная страсть Ройлотта к «беспривязному» содержанию диких животных, мы вправе сомневаться в том, что он истязал (минимум два года) пресмыкающееся в запертом сейфе, кормя его одним молоком. Скорее, мисс Стоунер завела террариум где-то в необитаемой части дома с сугубо практической целью. В-третьих, психологически маловероятна способность Ройлотта к планомерной подготовке убийства – не в его натуре. Зато Элен, много лет снося скверный характер отчима, определенно была наделена выдержкой и имела все основания ненавидеть хозяина Сток-Морона, что для нее делало его устранение сочетанием полезного с приятным.

Визит к Шерлоку Холмсу мог оказаться великолепным спектаклем, имеющим целью приобретение авторитетного свидетеля: да, мог бы подтвердить сыщик в ходе следствия, девушка боялась покушения, и лишь по счастливой для нее случайности оружие убийцы обратилось против него самого.

Если сестра Джулия действительно погибла, подозрение в причастности к этой скоропостижной смерти в большей степени могло пасть на Элен: она последняя, кто говорил с Джулией, и первая, кто обнаружил ее умирающей. Вторая за два года внезапная смерть в поместье должна была усилить подозрения полиции. У Элен были основания желать укрепления своих позиций с помощью свидетельства Холмса.

Однако на такой подарок, как присутствие Холмса в соседней комнате в момент совершения убийства, Элен едва ли рассчитывала. Это было рискованно, а возможно, требовало пересмотра планов. Зато практически обеспечивало алиби!

В таком случае все увиденное Холмсом в поместье днем – результат инсценировки Элен (у которой на приготовления имелось несколько часов, как мы помним) или ее ложных комментариев.

Только со слов Элен мы знаем, что отверстие между комнатами было пробито незадолго до смерти Джулии. Оно могло быть сделано когда угодно, например, когда соединяло спальню какого-нибудь престарелого Ройлотта с соседней комнатой сиделки и служило как раз недостающим теперь отверстием для шнура от колокольчика.

Кровать в нынешней спальне Элен могла оказаться весьма старинной и служить ложем некоему буйнопомешанному Ройлотту, родоначальнику фамильной склонности к приступам ярости. Весьма вероятно, что вся мебель в месте заточения такого умалишенного была привинчена к полу, но уцелела от тех времен одна кровать.

Объяснение Холмса нелогично: либо Джулия (будущая жертва убийства) не захотела бы делать перестановку в своей комнате и тогда кровать незачем было фиксировать под отверстием в стене (разве что девушка имела обыкновение двигать ее во сне), либо Джулия, затеяв перестановку, имела бы полное право организовать «высвобождение» кровати. И в этом случае привинчивать ее тоже было бы бессмысленно.

Что касается шнура, то странно все же – если следовать версии Элен – что девушка, просыпаясь день за днем в своей кровати без полога и созерцая низкий, как сказано у Конан Дойла, потолок прямо над головой, не заметила бы, что недавно проведенный (т.е. непривычный и потому привлекающий внимание) шнур от звонка просто привязан в этом месте к крюку. Или такой шнур имел иное назначение, которое обитательнице было известно, или шнур был привязан Элен специально для Холмса, чтобы навести его на ложный след. Блюдечко с молоком и ее собственное орудие переноски змеи могли быть также оставлены Элен для Холмса в отсутствие отчима, благо комната его не закрывалась на ключ, как Холмс обнаружил, ни днем, ни ночью.

Таким образом, Холмс почерпнул при осмотре девичьей спальни не факты, а их интерпретацию, данную мисс Стоунер или произведенную уже им самим в соответствии со складывающейся гипотезой.

Ночью, к исходу четвертого часа напряженного ожидания на привинченной кровати, Холмс, как и Уотсон, услышал шум, напоминающий звук вырывающейся из котла струйки пара. Сравнение Уотсона могло оказаться более верным, чем он сам предполагал: это мог оказаться шум сквозняка, подувшего из так называемого вентилятора, положим, при открывании двери в комнате отчима. Установка сыщика услышать змею превратила этот свистящий звук в змеиное шипение.

Но звуку предшествовал проблеск и запах потайного фонаря из соседней комнаты... Предположим, что Элен (мы же так и не знаем характера ее отношений с отчимом) с вечера находилась не в третьей спальне, как предполагалось, а, по обыкновению, в комнате отчима. Предположим, именно она зажгла фонарь и открыла дверь, зная, что будет слышно в соседней комнате. Элен не боялась разбудить отчима: он крепко спал за столом, одурманенный всыпанным ею за ужином снотворным!

Холмс чиркнул спичкой и стал – вслепую! (ведь только у Ройлотта он произнесет, как бы впервые увидев: «пестрая лента!») – бить по шнуру. Тем временем за стеной, услышав вопли Холмса и удары его трости, Элен могла, насвистывая, быстро освободить заранее принесенную змею и кинуть ее при помощи петли на отчима. Укус напуганной змеи последовал мгновенно, Элен оставалось только скрыться за дверью. (Не вновь ли услышанное благодаря сквозняку «шипение змеи» заставило Холмса пристально разглядывать вентилятор? Лишь крик жертвы отвлек его от этого занятия.)

Картина, увиденная вслед за тем приятелями с порога комнаты отчима, нам известна. Тем же способом или нет была убита Джулия, мы не знаем.

Наутро единственная наследница всего состояния своей матушки отправлялась в путешествие. Жаль, мы не узнаем этого, но должна же была в завещании быть предусмотрена воз-

можность кончины Ройлотта до свадьбы хотя бы одной из его падчериц.

Таким образом мог бы завершиться наш «альтернативный детектив», доказывающий вероятность для Элен оказаться в роли расчетливого убийцы. Но непростительно было бы с моей стороны выставлять в столь невыгодном свете профессиональные способности любимого сыщика, тем более что задачи у нас совсем другие.

В «записках» доктора Фрейда, опубликованных как его научные труды по психиатрии, много историй болезни, в которых можно обнаружить не только психологические казусы из жизни его пациентов, но и настоящие детективные сюжеты. Порой «преступник в тайниках души» не ограничивается недозволенными желаниями или намерениями, но прямо переходит к делу. Причем сам обладатель этих «тайников» ни о чем не подозревает.

Правая рука Элен, как говорится, могла не ведать, что творит левая. Подлинный страх Элен, как и обращение ее к сыщику, могли быть вызваны смутным подозрением, что в доме готовится преступление, причем самым ужасным и неприемлемым для рассудка девушки могло оказаться то, что она сама – тот, кто готовит его! Элен жаловалась на убийцу, не смея назвать его. Умоляла остановить зло, не будучи в силах признаться себе, что способна на такое. Зло просто сгушалось, как мрак, вокруг нее, и трудно становилось различить, в атмосфере дома или в ее собственной душе назревает гроза. Элен искала защиты от самой себя.

Невротическое состояние гостьи, сразу бросившееся в глаза доктору Уотсону, было неподдельным: мисс Стоунер на самом деле оказалась в чрезвычайной психологической ситуации. Целостность ее личности, то есть ее душевное здоровье, были под угрозой.

Обратимся к **структуре личности**, выявленной Фрейдом в итоге его психологических исследований. Человеческая психика может быть уподоблена сфере, ядром которой с определенного возраста становится образование, названное Фрейдом **Я (Эго)**. Я – это тот во мне, кто осознает сигналы из внешнего

мира и от собственных внутренних органов. «Я» – законный владелец моего тела, управляющий им, как водитель автомобилем. Кроме того, Я – совокупность всего, что я о себе помню, и целостный образ того, кем представляюсь себе.

Однако, когда говорят про человека, что «у него не все дома», хотят сказать, что именно «он не в себе», намекая тем самым, что «дома» остался кто-то другой (или другие). Кто же это? Когда Я – не в себе, когда «я выхожу из себя», ядро моей психики, осуществляющее сознательный контроль, отключается. И власть переходит к могучему, хоть и совершенно не сознающему себя, **ОНО (Ид)**.

«ОНО» некогда заполняло собой всю сферу психического, управляя функционированием органов и нашим внешним поведением в соответствии с законами природы, т.е. генетически заложенной в нас биологической программой. Так было с нами, когда мы были младенцами. Принято считать, что так на протяжении всей жизни осуществляется психическая активность животных.

Таким образом, ОНО – это животная, архаичная часть человеческой психики, способная управлять нами в «автопилотном» режиме инстинктов. Но не только...

Жизнь человека сложнее той, что предусмотрена в его биологической программе. Оставаясь существом природным, ребенок со временем должен стать еще и социальным существом, принимая от старших культурное наследие: навыки, знания, правила поведения и взаимодействия, выходящие за рамки инстинктов или подчиняющие их себе.

На втором этапе процесса **социализации** носитель культуры осуществляет свой посильный вклад в создание культурных ценностей и передает накопленное следующим поколениям.

Такое специфически человеческое функционирование и стало причиной развития в недрах ОНО нового структурного элемента психики, способного отдавать себе отчет в происходящем и действовать в нестандартных ситуациях, не числящихся в реестре инстинктов. Этим элементом стало Я, постепенно оттеснившее ОНО к периферии психической сферы, а в

европейской культуре даже возомнившее себя в «доме» единственным хозяином.

Одной из главных функций Я стал непрерывный поиск компромиссов между внутренними природными и внешними социальными требованиями. Природные требования заключены в ОНО в форме **влечений** и субъективно представлены эмоциями. Две основные группы влечений обнаруживает Фрейд: агрессивные, разрушительные влечения индивида, направленные как вовне, так и на самого себя, и созидательные влечения, направленные на поддержание и обновление жизни, связанные Фрейдом, прежде всего, с инстинктом продолжения рода.

Первая группа получила название по имени Танатоса, древнегреческого олицетворения смерти, вторая – по имени бога любви Эроса. Обе группы влечений часто вступают в противоречивое взаимодействие.

Однако основное противоречие нашей души лежит между ОНО и третьей «структурной единицей» психики, названной Фрейдом **Сверх-Я (Супер-Эго)**. Сверх-Я формируется вслед за развитием сознания как продукт **интериоризации** (включения извне в структуру личности) социальных норм и, главным образом, социальных запретов, ограничивающих инстинктивное поведение человека. «Папа с ремнем» не будет стоять наготове, в каждой ситуации поясняя, «что такое хорошо и что такое плохо». Такой «папа» со временем поселится внутри вас, как раз в области Сверх-Я, станет говорить «голосом совести», а то и «шлепать ремнем», удар которого будет ощущаться как мгновенный ожог стыда.

Частично Супер-Эго может быть осознано как личный моральный кодекс, но в значительной степени Сверх-Я, как и ОНО, погружено в бессознательное и оттуда руководит нами.

Я стремится установить гармонию между Сверх-Я и ОНО, то есть между социальным и природным в человеке. Если сознанию в значительной и примерно равной степени доступны требования обеих вечно соперничающих сторон, мы можем говорить о **личности** в специфическом понимании этого слова, то есть о личности как субъекте осознанного и ответственного

выбора, совершаемого на основе культурных общечеловеческих норм, а не локальных и преходящих традиций. Формирование такой личности может считаться идеальным результатом психоаналитической работы.

Между тем ОНО и Сверх-Я борются за абсолютное влияние на Эго. Иногда ОНО вторгается в сознание неукротимыми страстями, и Эго потворствует им, пренебрегая приличиями, вытесняя на задворки души, в дальние уголки бессознательного, не только «ремень отца», но и, так сказать, мягкий упрек матери. Такое «бессовестное» Эго блещет цинизмом в обосновании своих поступков. Доктор Ройлотт (вспомним Конан Дойла) – идеальный образец подобного союза Я и ОНО.

И все же большинство благонамеренных граждан страдают от проблемы прямо противоположной: Супер-Эго, став буфером, обволакивает Я так плотно, что почти не допускает в сознание требований ОНО. Я почивает в Супер-Эго, как в мягкой перинке, уже почти отождествляя свои интересы с нуждами окружающих, являя собой образец благонравия и отзывчивости, забыв о неизбежных эгоистических потребностях, радуясь, что ни злоба, ни похоть не волнуют его, «белого и пушистого».

И вот тут следует вспомнить, почему теория личности у Фрейда названа **психодинамической**. Зигмунд Фрейд не только различил три сферы человеческой души – Я, Сверх-Я и ОНО (о сознании, совести и бессознательном философы и богословы говорили задолго до австрийского врача). Фрейд выдвинул гипотезу энергетического взаимодействия этих элементов, собственно, и определяющего, по мнению Фрейда, психическую жизнь человека.

Невропатолог по образованию, Зигмунд Фрейд в молодости испытал влияние физиолога Эрнста Брюкке, рассматривавшего организмы как энергетические системы. В качестве таковых все живые существа подпадают под универсальные законы сохранения энергии и энтропии. Фрейд переосмыслил теорию Брюкке применительно к нервной деятельности человека.

Итоговая схема психодинамических процессов представлена следующим образом: возбуждение, возникающее в нервных клетках под воздействием определенных физиологических процессов, приводит к накоплению энергетического заряда. Субъективно заряд ощущается как неприятное напряжение, требующее разрядки и порождающее влечения. Повинуясь влечению, индивид, осознанно или нет, стремится к удовлетворению жизненно важной **потребности**. В случае успеха напряжение снимается посредством искомой разрядки.

Однако человеческое общество накладывает ограничения на многие биологические потребности своих членов. Сила **воли**, т. е. сила сознательного Я, сдерживает энергию природных влечений, повинуясь необходимости – ради выживания индивида – следовать и социальным правилам. Удовлетворение потребности просто откладывается на время или обставляется определенным ритуалом.

Половая энергия и энергия агрессии – две наиболее регламентированные в человеческом сообществе природные силы. Общество не только ограничивает, но и запрещает во многих случаях возможность разрядки как сексуального, так и деструктивного напряжения.

Запрет, наложенный на само влечение или на конкретный его объект, повергает человека в малоприятное состояние **фрустрации**. Выхода два: 1) асоциальное поведение и – как крайние следствия – тюрьма или смирительная рубашка, в зависимости от степени вменяемости; 2) **вытеснение**.

Процесс вытеснения – воспоминаний, желаний, мыслей – происходит тогда, когда мы как бы говорим себе: «Не бери в голову! Лбом стену не прошибить, а думать об этом больно». Сознание разводит руками, мол, ничем помочь не могу, и просит влечение больше его не беспокоить. О покое сиятельного Я впредь позаботится Супер-Эго: не только спустит с лестницы мучителя, но и на порог Сознания больше не пустит.

Куда же мы «выкидываем из головы» то, что нам не угодно там держать? В бессознательное, в пресловутые «тайники души». Вытесненное туда наряду с влечениями составляет содержимое Оно.

К сожалению, вытесненные из сознания образы не лежат в бессознательном, подобно старым слайдам. Бессознательное не архив, гласит динамическая теория Фрейда, а, скорее, энергетический резервуар, и объем этого резервуара ограничен.

Мы гоним от себя образы, потому что они окрашены тягостным переживанием, мы отказываемся страдать. А страдание, как мы уже знаем, не что иное, как психическая представленность напряжения. Таким образом, в бессознательном мы оставляем связанный с образом энергетический заряд неутоленного влечения.

Энергия скапливается в сфере ОНО, уже не свободная, но связанная в **комплексы** со всем желанным и невозможным, со всеми мучительными представлениями. Как чаша терпения немолимо должна переполниться однажды, так и энергетический резервуар бессознательного рано или поздно перестает вмещать отринутое сознанием или вовсе не достигшее его порога благодаря фильтрующей активности Супер-Эго.

Энергия находит окольные пути высвобождения: в защитных механизмах личности, не дающих разрядки, но снимающих тревогу, симптом энергетического напряжения, в снах, в форме таких всем знакомых явлений, как опечатки, очитки, досадная забывчивость или, напротив, какая-нибудь песенка, привязавшаяся на целый день. В лучшем случае, энергия **сублимируется** в полезную деятельность. В худшем случае, энергия пробивает себе путь в виде невротических симптомов, когда сознательное Я становится лишь объективным наблюдателем, но не инициатором собственного необъяснимого поведения – плата за чрезмерную силу Эго или излишнее послушание.

Есть ли имя у этой энергии, у этой «нечистой силы», столь же гонимой, сколь могущественной, проклятой и священной одновременно? Зигмунд Фрейд нарек ее энергией **либидо** – «желания», эротического влечения. Уместно будет напомнить, что Эрос – не только кудрявый игривый Купидон, но и древнейшее божество созидания, противостоящее Хаосу.

Либидо, жизненная энергия, наводящая мосты между телесным и психическим, струящаяся в трех сферах души, по-

служило основой **психосексуальной теории** Фрейда. В этой теории он обрел то, что искал: строгий, естественнонаучный способ объяснения многих загадочных феноменов человеческой жизни. Впервые позитивистское мышление вторглось в традиционную область морализаторства или оккультных интерпретаций.

* * *

Прежде чем вернуться к Элен Стоунер, чтобы представить ее на сей раз не хладнокровным убийцей, а героиней истории болезни, в стиле Фрейда, вспомним еще один детективный сюжет. В «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Л. Стивенсона действие происходит примерно там же и тогда же, что и события «Пестрой ленты». Речь идет о добропорядочном докторе, изобретшем средство превращаться в звероподобного преступника – концентрат худших качеств и тайных грехов самого доктора. Постепенно снадобье, возвращающее Джекилу исходный облик, перестает действовать, а превращения в Хайда совершаются самопроизвольно. Единственным способом уничтожить Хайда для доктора Джекила становится яд.

В. Набоков в лекции, посвященной этой повести Стивенсона, пронизательно замечает: «В повести на самом деле три персонажа: Джекил, Хайд и некто третий – то, что остается от Джекила, когда возникает Хайд... Джекил все еще стремится вернуться в свой облик. И это очень важно... Джекил не является чистым воплощением добра, а Хайд... – чистым воплощением зла; как частицы недостойного Хайда обитают внутри вполне достойного Джекила, так над Хайдом витает ореол Джекила, ужасающегося порочности своей худшей половины»⁴.

Так и над Элен Стоунер, готовящей или уже совершившей преступление – уголовное или нравственное, витает ореол бла-

⁴ Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С. 248-250.

гонравной Элен, Элен-Джулии, который и молит Холмса о помощи.

Явление, метафорой которого стала история Джекила – Хайда, называется раздвоением, или **диссоциацией** личности. Психиатры Жане и Брейер, которых Фрейд имел право считать своими учителями, уделяли особое внимание этому загадочному заболеванию, случаи которого легли в основу врачебной практики самого Фрейда.

Фрейд счел образование вторичного, альтернативного, Я крайней формой внутреннего конфликта между ОНО и Сверх-Я, при которой прежнее Эго теряет полномочия посредника, а ОНО формирует, так сказать, теневое правительство, проводящее в жизнь интересы природного субъекта.

«Двойник» вовсе не обязательно преступен и необуздан. Просто характер его отличается как раз теми особенностями, которые в наименьшей степени были свойственны личности № 1, то есть оказались вытеснены в бессознательное.

Строго говоря, термин Пьера Жане «**подсознание**», привившийся в нашей обыденной речи, как раз и обозначает второе, дремлющее в данный момент, сознательное образование диссоциированной психики. «Подсознание» – болезненное и исключительное явление, тогда как **бессознательное** – необходимая норма. Уже в первой своей крупной самостоятельной работе «Толкование сновидений» (1900 г.) Фрейд настаивает на использовании термина «бессознательное», указывая на качественное отличие процессов в неосознаваемой части психики от процессов, происходящих в сознании, неважно – в бодрствующем или в «спящем».

Человека, демонстрирующего, подобно доктору Джекилу, трансформации, мы называем безумцем. Но если бы мистер Хайд и его приключения всего лишь снились доктору, никому бы и в голову не пришло усомниться во вменяемости сновидца. Разве что доктор Фрейд был бы изумлен его инфантилизмом: прямое исполнение запретных желаний, как правило, снится только детям.

Взрослым снятся бессмысленные, на первый взгляд, «шифровки»: ОНО, отводя глаза цензору в Сверх-Я, эзоповым

языком шлет в рациональную инстанцию личности свои сообщения. В этом, по мнению Фрейда, основное назначение сновидений.

Надеюсь, Конан Дойл, не чуждый жанру фантастики, простил бы мне отступление от реализма в интерпретации его «Пестрой ленты», если бы я осмелилась предположить трансформацию пространства рассказа в виртуальное с того момента, как Холмс и Уотсон прибывают в Сток-Морон.

Дело в том, что в психоаналитической практике не принято посещать пациентов «на дому», зато скитания аналитика в пространстве чужих воспоминаний, фантазий и снов (особенно снов!) – в порядке вещей.

Представим, что Элен Стоунер приглашает человека, к которому обратилась за помощью, не в дом, но в сон свой о доме. В этом случае привинченная к полу кровать, звонок, который не звонит, и вентилятор, который не вентилирует, – типичная чушь сновидения, бессмыслица, какой в снах хватает.

Представим также, что сцена смерти Джулии не более, чем ночной кошмар Элен. Дверь в спальню невесты, колышущаяся взад и вперед, ужас на лице сестры, ее судороги и неоднозначное восклицание о пестрой ленте, или повязке (?), или шайке (?)... Ее указание на отчима...

Все же, если допущение виртуальности увиденного Холмсом кажется излишней вольностью какому-нибудь блюстителю **«принципа реальности»**, он может считать, что Элен предъявила сыщику инсценировку своих фантазий, «снов наяву». Допустим, она проделала для Холмса то же, что ОНО совершает для Эго в так называемой **«работе сновидения»**: передала аллегорическое сообщение.

Предположим, девушка страдала болезнью доктора Джекила. Ее первое, законопослушное Я, угасая, в страхе предчувствует вторжение чего-то инородного. Готовится выход на арену «теневого», вторичного Я. И первичная личность Элен как бы транслирует функцию своего сознания знаменитому аналитику, не имея возможности прямо объяснить причину угрозы, в надежде, что тот установит внешний контроль над ее бессознательным.

Тогда «сон наяву» Элен, разыгранный ею как спектакль перед Холмсом, не преднамеренный обман, но безотчетное мифотворчество, сигнал SOS ее больной души. Попробуем угадать, что разглядел бы З. Фрейд в образах такого «сновидения»...

Заметив, что вообще толкование сновидения невозможно вне его контекста, т. е. вне реалий жизни сновидца, Фрейд все же обозначил круг символов с фиксированным значением, как в соннике. Только, разумеется, в психоанализе сонник неординарен, так как образы, насыщенные либидо, – основной продукт работы сновидения.

Посмотрим, имеются ли образы с фиксированным значением во «сне» Элен, внушенном Шерлоку Холмсу. Образ комнаты, бесспорно, – в их числе. Комната Джулии/Элен предстает тесным, скромно обставленным помещением, при описании которого основной акцент делается на «герметичности». Неоднократные обследования показали, что двери и ставни плотно и на замок закрываются, не оставляя даже щели для лезвия ножа. Пол, потолок и стены – без малейшего изъяна, каминная труба в четырех местах перекрыта вьюшками. Единственным, таким узким, что даже мышь не пролезет, отверстием остается «лже-вентилятор». Учитывая то, что комнаты и всякие скважины, по «соннику» Фрейда, символизируют в совокупности женские детородные органы⁵, перед нами в материализованной фантазии Элен предстает настоящая цитадель девического целомудрия. Подобная интерпретация находит подкрепление в том, что неприступная сия спальня принадлежит невесте (сначала одной, потом другой).

От кого же заперта красавица в своей крепости? – От дикарей (цыган) и диких животных, рыщущих повсюду. Дикие животные, по Фрейду, – классический символ низменных страстей⁶. Кому принадлежат животные (читай, «низменные страсти») – доктору Ройлотту. И отверстие (вентилятора) – в пре-

⁵ Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1991. С. 97-98.

⁶ Там же.

делах досягаемости исключительно для доктора Ройлотта (или же – под его защитой), раз выходит в его комнату.

Кто нарушает «герметичность» комнаты Джулии? Змея, направленная туда отчимом через узкое отверстие. (Читаем у Фрейда о том, что все пресмыкающиеся являются устойчивыми символами мужских половых органов⁷.)

Фрейдистское толкование элементов описанной в «Пестрой ленте» ситуации как ситуации сновидной дает нам душевраздирающую картину удавшегося покушения отчима на невинность падчерицы, итог которого – «погибшая невеста». Это – примерно то, что мы и предполагали в начале нашего аналитического расследования, как только заметили неоткровенность и смущение клиентки Холмса.

Но о которой из падчериц речь? Ведь комната Джулии фактически сохранялась в неприкосновенности, зато с убежищем ее сестры, некогда столь же неуязвимым для «диких зверей», стряслась настоящая беда: по воле отчима, в стене пробито отверстие, и комната стала совсем непригодна для жилья. Не то же ли самое случилось и с самой Элен Стоунер?

Ройлотт разрушил цитадель ее невинности, и рассудок молодой женщины не выдержал. Сознание мисс Стоунер отказалось принять факт инцеста, оно укрылось в «спальне» сестры, избежавшей, видимо, подобной участи, т.е. укрылось в **отождествлении** с образом Джулии – счастливой невесты, надежно охраняемой.

Откуда взялись в комнате Джулии такие нелепости, как привинченная к полу кровать и толстая веревка? Этих предметов нет в «соннике» классического психоанализа. Воспользуемся методом свободных ассоциаций З. Фрейда для истолкования данных элементов **явного содержания сновидения** в контексте реального опыта Элен. Первые же ассоциации, приходящие на ум в связи с «привинченной койкой» и почти «канатом» – морские, не правда ли? Так и есть: жених Джулии – морской офицер, как мы помним. Атрибуты корабельного быта введены бессознательным Элен в ее «сон» как своего рода

⁷ Там же.

обереги, талисманы, как символы защиты от отчима, которую Джулия обрела в будущем супруге.

Итак, нестерпимое, по моральным соображениям, для Элен воспоминание о физической близости с отчимом могло быть вытеснено в сферу ОНО, забыто. Лишь страх, кажущийся беспричинным, давал знать об аффективном напряжении, нарастающем в этой сфере. Призрачное душевное равновесие базировалось теперь на частичной идентификации с сестрой: Элен вселилась в ее комнату и воображала себя невестой.

Наиболее вероятным мне кажется предположение, что воспоминание о смерти Джулии, на самом деле, – навязчивая фантазия Элен, выражающая ее безотчетные опасения по поводу уязвимости ее теперешней сознательной позиции. Безмятежность идентификации со счастливой Джулией (вероятно, живой и благоденствующей теперь со своим морским офицером) нарушается вторжениями собственных травматических воспоминаний в форме **смещенной** аллегории: Элен как бы позволяет себе признать, что загадочное несчастье, повлекшее гибель, случилось, но не с ней, а с Джулией, и не в фигуральном, а в буквальном смысле. (**Смещением** в психоанализе называется процесс сдвига аффективной нагрузки на нейтральное представление, а также аффекта травматического воспоминания на иносказательный образ его.)

Элен пугает неотвратимая перспектива осознания случившегося в реальности? Или ее пугает то, что она собирается предпринять теперь, пугает роль мстительницы?

Вернемся к предположению, что инцест не был случайным эпизодом, а представлял собой достаточно продолжительную связь Элен с Ройлоттом. В этом случае вытеснена из сознания знакомой нам мисс Стоунер не травмирующая ситуация, а целая сторона ее жизни, что возможно лишь в случае психической диссоциации – «болезни доктора Джекила». Одна Элен, дневная Элен, находит утешение в том, что играет в Джулию и терзается мучительными намеками своего бессознательного. Другая, теневая, Элен осознанно позволяет себе страсть к «отцу», отыгрывая **«комплекс Электры»** (оспаривавшееся Фрейдом понятие, введенное его учеником Юнгом, оно обозначает

женский вариант вытесняемого в раннем детстве эротического влечения к родителю противоположного пола).

В этом случае то, что происходит в ночь гибели Ройлотта, символически являет собой пример блестящего успеха детектива Холмса в неожиданной роли психоаналитика.

Как мы уже говорили, успех терапии, по Фрейдю, включает две составляющие: эмоциональную и рациональную. Эмоциональная обеспечивается в процессе **трансфера – переноса** на личность врача неосознаваемых ожиданий и чувств пациента, которые тот испытывает по отношению к другому лицу – реальному или воображаемому. В условиях переноса и становится единственно возможным отреагирование эмоции, разрядка аффекта, связанного с пережитой травмой.

Приглашая «терапевта» Холмса в свой «сон», мисс Стоунер транслирует ему не только функции контролирующей инстанции, но и роль «морского офицера», т. е. жениха-избавителя и воина-защитника, чье мужское, по представлению Элен, агрессивное начало призвано не нарушить, а сберечь ее покой.

Холмс прекрасно справляется с ролью, отведенной ему трансфером: змея как автономный символ маскулинной агрессии буквально обращается вспять и поражает Ройлотта.

Вместе с тем Холмсу удается обеспечить и рациональный компонент терапии, то есть осознание пациентом реального положения вещей. Для этого Холмс отправляет на ночь мисс Стоунер в ее собственную комнату, бывшая «герметичность» которой нарушена злой волей отчима. Тем самым мистер Шерлок Холмс лишает Элен иллюзии ее отождествления с Джулией: возвращаясь в «тело» своей разоренной спальни, Элен и в переносном смысле *приходит в себя*, получает возможность созерцать пролом в стене, ощущая при этом поддержку Холмса, точнее, поддержку трансферентной связи со своим «аналитиком».

В результате буквально происходит *исцеление* души Элен, ассоциация расщепленных элементов ее диссоциированной психики. Энергия «теневого» Я после его распада высвобождает

ется. Она может вернуться к теперь снова единому сознанию Элен, может раствориться в ОНО, может укрепить Сверх-Я.

Очевидно одно: виртуальная реальность, «сон» Элен, в которую были впущены сыщик и врач (некий двуединый субъект психоанализа!), на миг окрашивается деструктивным аффектом мести. Возможно, что «борьба со змеем жениха-заступника» Холмса только потому и стала возможна, что агрессия сделалась в тот момент доминантой воссоединенной психики мисс Стоунер.

Таким образом, монструозная фигура отца-любовника, врага-возлюбленного психологически была повержена совместными усилиями доктора и излечившейся пациентки.

Что же произошло в ту ночь на самом деле, если хоть что-то тут имело место быть в реальности? Это зависит от того, как была использована либидозная энергия второго, любвеобильного, Я при интеграции его в бессознательное. Могло случиться так, что трансформированный в свою противоположность Эрос «живой водой напоил Кощея», то есть пробудил влечения Танатоса. Вторжение мощного аффекта ненависти в сознание Элен могло заставить ее убить отчима. И тогда произошло примерно то же, что мы уже живописали в нашем «альтернативном детективе», хотя мотивом преступления стала бы месть, а не экономическая выгода.

Невероятно, но в таком убийстве можно заподозрить альянс между ОНО и Сверх-Я: ведь отчим был виновником того, что, по крайней мере, часть Элен долгое время игнорировала голос совести. Перейдя в крик, именно этот голос мог разбудить зверя.

И все же я предпочту отказаться от жанра детектива и даже от «психиатрического триллера» с участием «мистера Хайда» (альтер-Эго мисс Стоунер, в нашем случае). Оставим бурные события апрельской ночи 1883 г. в поле психической реальности. Ведь следствие же установило, что доктор Ройлотт пал жертвой собственной неосторожности в обращении с ядовитой змеей! Что же касается попыток найти связь между этим несчастным случаем и **катарсисом** (эмоциональным очищени-

ем) – кульминацией в терапии Элен Стоунер, то они относились бы уже к области мистики.

Последнее, чем мне хотелось бы завершить психоаналитическую версию «Пестрой ленты», это предположение, какой смысл для «сна наяву» Элен могли иметь самые потрясающие детали сюжета: свист и предсмертные слова о «пестрой повязке».

Эротические впечатления раннего детства определяют, по убеждению Фрейда, все в психике взрослого человека. Возможно, они и проникли в фантазию Элен как существенные атрибуты власти над ней Ройлотта. Вполне вероятно, что такой неординарный субъект, как Ройлотт, живя в Индии, перепробовал на себе разнообразные проявления восточной экзотики. Не исключено, что одним из первых впечатлений маленькой Элен, потрясшим ее душу, стало видение великана-отчима в образе заклинателя змей. Не в этой ли гипотетической сцене – истоки амбивалентного чувства к Ройлотту – восхищения и ужаса перед ним?..

Глава вторая. Защитные механизмы личности как продукт социализации

Не всегда конфликт между структурными элементами личности выливается в столь драматические и экстравагантные формы, как в рассмотренном нами примере. Как правило, внутриличностный конфликт тлеет под слоем хронического самообмана, призванного оградить Эго от тревоги, связанной с наличием проблемы, требующей своего решения.

Способы безотчетного самообмана Фрейд назвал защитными механизмами, поскольку они позволяют долгое время сохранять неприкосновенность **«Я-концепции»** индивида – систему его представлений о самом себе. Каждое принятое в нестандартной ситуации решение, каждый выбор мотива личностного поступка влечет за собой необходимость расширения сознания и пересмотра Я-концепции, что может восприниматься как угроза целостности личности.

Защищаясь от влечений, представлений, с ними связанных, и ситуаций, способных усилить возбуждение, опасное для Я, личность становится игрушкой этих самых влечений. Защитное поведение осуществляется такой личностью неосознанно, становится неизбежным, то есть **навязчивым**. Как рыцарь под тяжестью доспехов, человек лишается свободы движений – тела и души.

Рассмотренная нами болезненная диссоциация – результат сбоя в работе защитных механизмов на фоне недостаточной широты взглядов индивида. В этом смысле защита – полезная функция нормальной психики, и все мы, в той или иной степени, бережем себя от впечатлений, воспоминаний и грез, в которых не то что «родная мама», а и сами себя можем не узнать.

С другой стороны, коли уж человеческое существо наделено сознанием, расширение последнего представляется ведущим процессом в становлении личности. А это, в первую очередь, именно преобразование Я-концепции, а не количественное накопление информации. Защитные механизмы, заслоняя сознание от прорыва неведомых ему ранее влечений (и тем са-

мым – от шокирующих открытий в себе), могут и вовсе заблокировать самопознание. Социальные последствия патологической защиты таковы, что, чем меньше элементов окажется интегрировано в структуру Я, тем больше неприятных сюрпризов от окружающих получит индивид.

Психологи разных направлений описали около 20 защитных механизмов, и этим их число не ограничивается. Здесь мы рассмотрим в действии некоторые защитные механизмы личности, выявленные в практике психоанализа и гештальт-терапии, а также попробуем наметить возможные способы преодоления защиты, повлекшей негативные последствия для личности. Мы продолжим разговор о вытеснении, рассмотрим варианты проекции, интроекции и ретрофлексии, поговорим о патологическом слиянии и реактивном образовании и регрессии, а также о рационализации и сублимации. Итак, опишем на примерах десять механизмов защиты.

Однако прежде чем выяснить, каким образом они могут влиять на социальное поведение индивида, я хотела бы представить набросок Я-концепции студента-первокурсника МГИМО(У) на рубеже тысячелетий. Тест Куна «Кто я?» позволяет выявить характеристики, предположительно существенные для образа Я.

Первокурсникам разных лет (всего 142 человека) предлагалось за пять минут написать 20 слов-определений себя (существительных или прилагательных). 20 наиболее часто употреблявшихся и 20 оригинальных определений юношей и девушек составили четыре обобщенных портрета. Вот они:

«Он-стандарт»: добрый, хороший, мягкий человек; внимательный, умный, интеллектуальный мгимовец; красавец, нежный, рассеянный, честный и любящий; талантливый амбициозный эгоист, чуть застенчивый, веселый и общительный мужчина.

«Он-оригинал»: прикольный, плохо образованный тусовщик, так, ничего себе; стильный, эротичный, сочный лгун; гениальный, но иногда – скотина порядочная;

абстрактный звездный ребенок – с хорошим будущим; прямоходящий игрок на нервах; «он никогда не умрет!»; безмерный инопланетянин; невозможный; «он не такой!»

«Она-стандарт»: добрая девушка; умный человек; веселая студентка, дочь и подруга; общительная, дружелюбная, любящая, красивая эгоистка; симпатичная творческая личность, самодостаточная, но ранимая; целеустремленная лентяйка.

«Она-оригинал»: счастливая, любимая, немного наивная папина дочка; пугливая непоседа, вечная выдумщица; человек-русалка; жительница планеты Земля, любящая свой университет; будущая мать троих детей; противоречивая часть мира, склонная к философии; птица-говорун; желтый цветок, вредный до невозможности; грубиянка; одухотворенная; всякая.

Я не буду здесь приводить специальный анализ теста: результаты его достаточно красноречивы. Скажу лишь, что защитные механизмы, в частности, призваны изолировать «интеллектуального мгимовца» от «плохо образованного тусовщика» в одном лице и заслонить «добрую девушку» от сомнительного «человека-русалки».

Перейдем к рассмотрению способов защиты.

ВЫТЕСНЕНИЕ – забывание или изначальное игнорирование образов, мыслей, поступков, способных вызвать душевную боль, смятение. Связано с фрустрацией потребности. Вытеснение сохраняется в бессознательном в виде комплексов представлений, связанных аффектом. Комплексы исподволь влияют на поведение индивида тем больше, чем выше энергетический заряд и объем вытесненного из сознания материала. Вытеснение – естественное условие образования трехчастной структуры психики, по Фрейду. Вместе с тем вытеснение – базовый процесс развития прочих защитных механизмов личности, в том числе и патологических.

О вытеснении мы достаточно подробно говорили на примере Конан Дойла. Теперь приведу пару «живых» примеров.

Девушку беспокоит ее репутация в глазах молодого человека: кто-то распускает о ней дурные слухи, совершенно не имеющие под собой почвы. Странно, что нынешняя ситуация в точности повторяет ту, что уже складывалась вокруг нее в другой компании.

Передо мной – красавица, искрящаяся экстравагантностью – наряда, прически, макияжа. Такая внешность требует обоснования. Скандальные легенды, шлейфом тянущиеся за эстрадными звездами, – условие пребывания их в центре внимания. Я не могу сказать, подавала ли реальный повод к слухам моя собеседница. Распускают ли их завистницы или отставные кавалеры... А может быть, аромат дурной славы только мерещится ей самой как пикантный аксессуар?.. В любом случае, я вижу здесь трагическое столкновение мотивов социального поведения.

Образ, искусно созданный девушкой, говорит о женском тщеславии расцветающей кокетки, о праве и жажде покорять, о смелости – до эпатажа – и лукавстве успешной сердцеядки. Мифотворцы, оплетающие слухами нашу героиню, лишь переводят в неоспоримость прошлого предположительность собственных фантазий, навязанных таким имиджем. Предвидят, быть может, будущее?

Похоже, ОНО красавицы имеет программу и однозначно декларировало ее. Но именно эта программа смущает и расстраивает Эго барышни, отраженная в кривых зеркалах сплетен. Я-концепция, видимо, предполагает особу красивую, конечно, но скромную и добропорядочную, честно стремящуюся разглядеть во многих встречах своего Единственного. Смысл собственного невербального сообщения вытеснен.

Не берусь пророчить, разрешится ли мотивационный конфликт и чем. Все же... Включение требований ОНО в систему ценностей Я или усиление осознанного контроля позволили бы в данном случае избежать обмана надежд в будущем, как и беспокойства по поводу слухов в настоящем. Озабоченность наличием внутреннего конфликта не представала бы в виде печали по поводу внешнего – с другом или с недоброжелателями.

Помните сказку про то, как купец пообещал водяному в качестве выкупа «то, чего купец у себя дома не знает», уверенный, что знает все? И как пришлось потом отдавать рожденного в его отсутствие сына?.. Вообще самые большие хлопоты в жизни приносит нам легкомысленное обращение с тем, чего мы у себя дома не знаем.

Интерьер же «нашего дома» хорошо просматривается через так называемое «окно Джогари» – в таблице, составленной современными американскими психологами Дж. Лафтом и Г. Ингрэмом. Она отражает степень осознанности качеств человека им самим и окружающими.

<i>знаю о себе</i>	<i>не знаю о себе</i>	
«арена»	«слепое пятно»	<i>знают обо мне</i>
«за кулисами»	«неведомое»	<i>не знают обо мне</i>

Путь расширения Я к познанию «неведомого» лежит непременно через «слепое пятно», область, в которой смысл социального поведения индивида очевиден окружающим и скрыт только от него. «Арена» – то, что каждый знает о себе и хочет показать другим. «Закулисье» – то, что каждый о себе знает, но успешно скрывает от окружающих.

Лучший способ обследовать свое «слепое пятно» и таким образом, хотя бы частично, – то, чего у себя дома не знаешь, – получить «**обратную связь**» от группы на психологическом тренинге.

«Обратная связь» – описание участниками тренинга своей реакции на облик и поведение того, кто «обратную связь» запрашивает. Откровенная, не критичная и неинтерпретативная по форме, «обратная связь» позволяет человеку составить объ-

ективное представление о себе, как бы отразившись во множестве зеркал. А при желании – позволяет и скорректировать свой образ.

То неожиданное, приятное и неприятное, что можно узнать о себе, – гарантированный положительный эффект любого тренинга с профессиональным руководителем. Именно такой эффект оказался бы полезен в рассмотренном случае – девушке, страдающей от злых языков.

Защитный механизм вытеснения может привести не только к слепоте в отношении собственных проявлений, но и к избирательности социальной перцепции, т.е. к избирательности в восприятии поведения другого человека.

Молодая жена переживает из-за того, что не успевает, учась в институте, обеспечить мужу уровень комфорта, к которому тот привык в доме матери, посвятившей себя хозяйству и детям. Недовольство этим мужа, как считает девушка, проявляется в его приходах под утро, отчуждении, раздражительности. Жена уже истощила фантазию в попытках «исправиться». Мужа называет «любящий меня человек».

Позитивная Я-концепция в данном случае подвергается двойной атаке: «любимая жена» уже тонет в тоске и одиночестве, «любящая» – отравлена обидой. Однако сознание цепляется за радужную иллюзию: большее обиды и страшнее тоски была бы мысль: «Я-не-любимая – уже не я... Кто же я теперь?». Необходимость отстраивать почти с нуля представление о себе пугает Эго. Оно радо обману, оно гонит прочь тревожные приметы, лишь саму тревогу вытеснить не в силах. Развитие событий зависит от того, как долго удастся прятаться от правды человеку, который, по выражению Пушкина, «сам обманываться рад».

Я наблюдала несколько этапов развития кризиса в семье молодой женщины Ларисы. Сначала у нее развилась чрезмерная тревожность за жизнь мужа: верное предчувствие утраты породило сознательное опасение его смерти как единственно возможной разлучницы. В отсутствие мужа на-

вязчиво лезли в голову сцены ДТП с его участием. Не в силах переносить разгула мрачной фантазии, женщина стала выполнять, сама себе удивляясь, маленькие тайные ритуалы собственного изобретения, имеющие целью охранить мужа в пути. Она подметила приметы, предвещающие задержку мужа. Например, известная песня по радио с утра.

В нас инстинктивно заложено стремление по знакам предугадать опасность и заклясть ее заблаговременно, особенно если источник скрыт или мы страшимся его, как испепеляющего взгляда Горгоны. Только в зеркале воображения, через щит его, нам позволено смотреть Медузе-правде в глаза.

Иногда Ларисе мерещился запах незнакомого парфюма, исходящий от мужа, и она шутливо расспрашивала его об амурных свиданиях, ни на миг не беря в голову самую возможность таких подозрений всерьез.

Однажды жена случайно узнала, что муж поздно вечером не там, где собирался быть. Впервые мысль об аварии не пришла ей в голову. Явилась и захлестнула девушку с головой тревога в чистом виде. Даже не думалось, отчего вдруг забилось сердце. Даже не думалось, зачем, когда муж, наконец, пришел, она встала с постели и пошла к нему. Даже не думалось, что она хотела услышать, когда проговорила: «Хватит, давай рассказывай...». Она точно помнит, что и мысли о возможной измене не возникало у нее до последнего момента, до того как сам сказал. А потом просто пересохло во рту... и встала необходимость строить жизнь и себя заново.

К тому, как это происходило у нашей героини, я еще вернусь, рассказывая о сценарной теории Э. Бёрна. Теперь же нам важен сам «момент истины», сокрушающий болезненное вытеснение с его частыми атрибутами: мнительностью, тревожными снами. «Момент истины» исцеляет душу, доводя, наконец, до сознания то, что давно уже тревожит.

В философской сказке шведской писательницы Туве Янссон о «Филифьонке, которая боялась стихийных бедствий», речь как раз идет об очищающем действии личных катастроф. Домовитая, но ужасно одинокая Филифьонка все ждет грозы – с ясного неба. И вот ночной шторм крушит, наконец, ее домик

на пустынном морском побережье. Хозяйка бежит прочь. «Самое поразительное было то, что она вдруг почувствовала себя в абсолютной безопасности... Опасность таилась в самом доме, а вовсе не где-то на воле... Да и о чем, собственно говоря, беспокоиться? Ведь катастрофа уже разразилась... Она думала, что прежней Филифьонки уже не существует, и даже не была уверена в том, что желает ее возвращения: «Недели напролет восстанавливать всю эту нищенскую дребедень и по-прежнему думать, что это и есть настоящий домашний уют... Нет! Если я попытаюсь сделать все точно так же, как прежде, я и сама стану прежней. Я снова стану бояться... Тогда за мной снова тайком прокрадутся циклоны, ураганы и тайфуны»⁸.

Катарсис души и преобразование личности в результате вторжения в сознание того, что долее не может удерживаться за его порогом, – наилучший, но, к сожалению, не единственно возможный результат такого вторжения. Насильственное расширение сознания сопряжено с риском для душевного и соматического здоровья.

Снизить этот риск позволяет обращение к практикующему психоаналитику. Опираясь на его руку, человек смелее заглянет в глубины собственных страхов и противоречий, готовится к встрече грозы, нависающей над Филифьонкой в каждом из нас.

Способность любить – важный показатель эмоционального здоровья. Часто, путая причину со следствием, мы мечтаем о любви как о решении проблем, как о возможности жить полной жизнью. Мне рассказывали, как молодой человек просил психолога помочь ему влюбиться – тщетно. Этот запрос, чаще, правда, в скрытой форме, – весьма обычен. Однако любви не время, когда либидозный источник засорен печалью, «выброшенными из головы».

Психотерапевт Питер Томас предлагает представить душевное благополучие в виде циферблата часов, где 12 – идеальное состояние, а 6 – критическое. Нужда гонит человека к психотерапевту, условно говоря, «в шестом часу». Клиент на-

⁸ Янссон Т. Волшебная зима. СПб., 2000. С. 247-248.

деется, что психолог утешит его, покажет свет в окошке, поможет укрепиться в уже начавших растворяться иллюзиях... Одним словом, переведет «стрелки часов» обратно: к двум часам, к часу... Задача же психоаналитика – направить человека вперед, к шести часам. Потому что только через смерть-обновление, через весь круг, лежит путь снова к 12 часам. И это будет новый день⁹.

Как мы уже знаем, вытеснение не только самостоятельный защитный механизм, но и условие формирования некоторых вторичных способов защиты, при которых вытесненные представления, по необходимости, допускаются в сознание, однако в искаженном виде или «отчужденные» в форме проекции.

ПРОЕКЦИЯ – тот случай, когда бревно в собственном глазу вынуждает рассматривать соринку в чужом. То есть когда один человек заостряет свое (и всеобщее) внимание на некоем качестве другого человека, не осознавая, что ему самому оно присуще в гораздо большей степени, нежели другому (а то и вовсе ближнему не свойственно). Человек-«проектор» буквально использует другого как экран, высвечивая на нем собственный образ, не допущенный в Я-концепцию.

Проецируемые качества не обязательно должны быть социально неприемлемыми. Например, человек тем более склонен делать из кого-то икону, чем сильнее его страх, что собственные христианские добродетели помешают в борьбе за выживание. Я-концепции сурового прагматика угрожают малейшие признаки «святости». Ими спокойнее умиляться в проекции на ближнего. Тем горше будет разочарование проектора, когда «экран» утомится под тяжестью нимба.

При негативной проекции критерием выбора «экран - объекта» может служить ощущение угрозы. Я-концепции изнутри угрожает признание собственных неосознаваемых пороков. Точно так же Я-концепции может угрожать извне, напри-

⁹ Раевский С.О. Аналитическая психотерапия...//Хрестоматия по глубинной психологии. М., 1997. Вып. 2. С.325-326.

мер, появление конкурента, в случае победы которого придется пересматривать представления о собственном социальном положении. Оба источника угрозы приятно совмещаются в проекции: конкурент оказывается теперь скопищем пороков, энергия вытеснения подкрепляет силы в борьбе – с конкурентом и «его» пороками. Между тем, всем известно, что значит недооценить противника и сколь невыигрышна роль злопыхателя.

Устами младенца глаголет истина, а мы не раз слышали из этих уст: «Кто обзывается, тот сам так называется!». Сия детская мудрость выражает суть защитного механизма проекции.

Девушка страдает из-за того, что мать ее молодого человека не только не приветствует их отношения, но прямо-таки объявила войну потенциальной снохе. Цель – дискредитировать ее в глазах сына. Его избранница, со слов матери, предстает безобразным скопищем пороков, на что, кстати, почтенная дама пыталась открыть глаза и родителям самой «совратительницы». Ревность и властолюбие считает девушка мотивами столь агрессивного поведения.

И она в чем-то права. Когда перед женщиной встает перспектива превращения в свекровь, в ее бессознательном, как правило, активируется то, что можно было бы назвать «комплексом Иокасты» – ответным Эдипову комплексу, открытому Фрейдом. Любовь матери к сыну имеет страстный оттенок, превосходящий тепло родственных чувств. Каждая женщина пытается вырастить в сыне свой идеал мужчины, верит, что ей это удалось, и не хочет делиться плодами столь кропотливого труда.

Ко времени первой любви юноша давно забыл детское восхищение мамой и обещание жениться на ней, когда вырастет, данное ко всеобщему умилению родственников. Но то, что для сына – первая любовь, для матери – его первая измена. Нежелание вообще сыновнего брака представляется нежеланием данного конкретного союза, нежеланием именно этой невесты.

Остается найти, чем же она плоха. И тогда на «грозную фигуру» похитительницы возлюбленного сына проецируется (естественно, в гипертрофированной форме) все, что угрожает женщине в ней же самой, т. е. не вписывается в ее идеальное Я:

физические и моральные несовершенства, неукротимый темперамент и, главное, в чем страшно себе признаться, – собственная претензия на единоличное обладание «ее мальчиком». Отныне собственные пороки можно обличать в юной «сопернице».

Знаете, почему Крошка Енот из старого мультфильма не узнал себя в Том, Кто Сидит в Пруд? Потому что не знал, что способен корчить такие гадкие рожи, какие увидел в зеркале водной глади. Чтобы примириться с отражением, Крошке Еноту пришлось первым улыбнуться. Носитель же чужой негативной проекции, в отличие от отражения, способен взять инициативу на себя, если захочет, способен улыбнуться гневному лицу перед экраном.

Нашей героине можно было бы попробовать показаться «улыбчивым отражением». Пусть бы мать неожиданно увидела в проекции те свои качества, которые всегда ей импонировали. Кроме того, стоило бы демонстрировать симпатию и уважение, внимание к пожилой даме, вопреки ее агрессивным выпадам. Дети только тогда освобождаются от диктата родительской воли, когда обретают способность в родителе видеть ребенка, т.е. снисходительно смотреть на его слабости. Ведь мать в нашем примере, как малое дитя, больше всего боится, что ее не любят, – так подтвердите любовь! Враждебные происки не более чем отчаянная борьба, в которой матери суждено уступить, теперь или потом, этой девушке или другой. Что, кроме сочувствия, может вызвать заведомо поверженный противник?

И теперь еще в некоторых семьях принято называть мамой свекровь (или тещу). Это не только пережиток древних родовых отношений: под влиянием Эдипова комплекса, сильно привязанный к матери в детстве, юноша невольно ищет себе подругу, похожую на мать (характером чаще, чем внешне), то есть действительно выбирает ей дочку. Сходные черты могут быть неприемлемы для Я обеих женщин или одной из них, поэтому «родство душ» ими не всегда признается. Тем не менее оно существует. И ситуацией овладеет та из женщин, которая раньше подметит сходство с новоявленной родственницей и научится его использовать.

Все это, разумеется, – тяжкий труд, требующий интуиции и зрелой воли. Брать его на себя нужно лишь в том случае, если у молодой пары – «серьезные намерения» в отношении друг друга. В противном случае мама молодого человека победит... И ей придется выдержать еще не одно сражение.

ПРОЕКЦИЯ в гештальт-психологии. Иное, отличное от описанного Фрейдом, качество защитного механизма проекции обнаружил Фриц Перлз, основатель гештальт-терапии. Согласно его концепции, индивид может проецировать на других не только содержимое ОНО (видеть в других собственные вытесненные из осознания свойства), отождествляя при этом Я с морализатором Супер-Эго. Индивид может проецировать на окружающих как раз эти критические функции, отождествляясь с побиваемым камнями ОНО.

Все социальное поведение перлзовского «проектора» разворачивается на театре военных действий между ОНО и Супер-Эго, т.е. строится по сценарию всепоглощающего внутриличностного конфликта. Защищается в данном случае Супер-Эго, призывая в союзники «весь честной народ».

Девушка-чеченка, поступившая в московский институт, купила себе нарядное платье. Однако радость ее была омрачена в первый же день выхода в нем: и в институте, и на улице ей чудились укоризненные взгляды и перешептывания. Каждый встречный качал головой или ухмылялся, чуть ли не пальцем показывая на открытые злополучным платьем колени.

Вечером, обливаясь слезами, она надставила платье длинной оборкой. Ничьи доводы в пользу его благопристойности и красоты ног не подействовали. Год спустя я уже видела эту девушку в юбке до пят и с покрытой головой, интериоризированный культурный запрет в проекции одолел невинное кокетство.

Как правило, такой «проектор» дольше сопротивляется, убежденный сознательно в своем праве делать или не делать что-то, но мнимые «косые взгляды» окружающих жгут! Борьба с ними, которую затевает «проектор», переводит конфликт из

иллюзорного плана в реальный. Отношения с людьми, на самом деле, портятся, но вовсе не из-за длины юбки, условно говоря, как представляет себе проектор, а из-за ершистости обладательницы «мини», вечно готовой к отпору в отсутствие нападения. А как же! Ведь «люди настолько жестоки и эгоистичны, что приходится самой становиться злой и колючей», как пожаловалась мне одна барышня.

Ф. Перлз выделяет еще три защитных механизма, которые обошел вниманием З. Фрейд: интроекция, ретрофлексия и патологическое слияние.

ИНТРОЕКЦИЯ – не критическое применение чужих (и чуждых) убеждений. Мало того, что голос Супер-Эго становится голосом Я, зачастую наличествует разноголосица. Интроектор одновременно слышит несколько «голосов совести», авторитарно вещающих взаимоисключающие директивы.

Последствия могут быть трагичны, как в гипотетической ситуации: мама под гнетом проблем пила снотворное и легла спать, мол, утро вечера мудренее; папа в таком же случае сел за руль и гнал за город – «проветрить мозги»; сын... садится за руль, приняв снотворное. Послушный ребенок рискует стать конформным взрослым, бесконфликтная жизнь которого – только отсрочка катастрофы.

Интроекция легко угадывается, когда, например, 17-летняя девушка пишет: «Возмущает невоспитанность молодежи: дело дошло до того, что некоторые особи начинают уже рассказывать, как они замазывают свои прыщики и чистят зубы!.. Люди моего возраста озабочены только проблемой секса».

Кто это – бабушка или прабабушка заговорила устами внучки? И что делать ей самой с теми же проблемами, раз ничто другое не волнует, кроме возмутительности оглашения оных? То есть они же и волнуют, только под чьим-то запретом на скорое разрешение.

РЕТРОФЛЕКСИЯ («поворот на себя») – прессинг должностования, давление на целостную личность Супер-Эго, отождествленного с Я. Нераспознанная ретрофлексия обычно приветствуется самим индивидом как свидетельство силы воли. «Я должен!.. Я не должен!.. Я – эгоист, нытик, тупица!» – вот приметы ретрофлексии, самобичевание при которой весьма типично. Беда в том, что Супер-Эго тем резче переходит от декларации нормы к ее принудительному внедрению в практику индивида, чем сильнее в последнем подспудное сопротивление.

Слишком часто «я должен» означает «мне не надо» и является чьим-то чужим «ты должен», внедренным в структуру личности. Ретрофлексию сопровождает повышенная аутоагрессия – обращенная теперь на себя ненависть к тирану-воспитателю. «Чем больше я прихожу в ярость из-за того, что должен сделать то, чего не хочу, что мне не свойственно, тем больнее я накажу себя за то, что сделаю это не идеально». Склонность к суициду – иногда следствие ретрофлексии, защита приводит к противоположному результату.

ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ СЛИЯНИЕ – способ закрыть глаза на самую возможность столкновения разных позиций. «Слиянный» индивид максимально продолжительное время старается сохранить счастливое неведение относительно неведомых ему чувств и иных мнений. «Все думают так же, как я, – убежден он. – А раз все так думают, значит, это правильно!» Нормы такого человека могут иметь локальное значение, а могут и вовсе быть его личным достоянием, однако возводятся в ранг универсального закона. Вопреки Канту, защищенная таким образом личность утверждает: «Поступаю так, ибо максима моей воли является принципом всеобщего законодательства». Упорное желание лезть со своим уставом в чужой монастырь и восклицания типа: «Так никто не делает!» – визитная карточка страдальца.

«Страдальца» – потому что со временем такому человеку уготована роль изгоя. Его «конформность наизнанку», его нечувствительность к реальности в сочетании с миссионерским энтузиазмом приведут к конфликтам и одиночеству.

Проекция и последние три защитных механизма связаны с нарушением границ между личностью и социумом. То наблюдается экспансия личности, как в проекции и патологическом слиянии, то интервенция социума, как в интроекции и ретрофлексии.

Даже тяготясь последствиями вышеописанных защитных механизмов, их действием, люди обычно не сознают подлинной причины своих проблем. И более того, никогда не поверят тому, кто попытается открыть им глаза. Если жалобы на близких, как то обычно случается, все же приведут «проектора» или клиента, пребывающего в патологическом слиянии, к психологу, задача последнего помочь человеку верно размежевать «я» и «они», самому обозначить реальные пределы своей личности.

Элементарным, способствующим такому самопознанию, может стать упражнение из арсенала гештальт-терапии на разделение «зон осознания». Их три: внешняя, внутренняя и средняя.

Внешняя зона – осознание всех сигналов, поступающих из окружающей среды на наши органы чувств. Простая констатация наличия определенного качества освещения, шумов, прикосновений, наличия объектов в поле восприятия. Констатация изменения поз и мимики людей, понимание значения произносимых ими слов.

Внутренняя зона – осознание сигналов из собственного тела: боль, напряжение/расслабленность мышц, жар, сердцебиение, ощущение физического комфорта/дискомфорта и т.п.

Средняя зона – зона интерпретации, эмоциональной и рациональной оценки внешних и внутренних сигналов.

Упражнение заключается в произвольном переключении внимания с одной зоны осознания на другую. Простое на первый взгляд, оно оказывается трудновыполнимым. Особенно для людей с размытой границей между «я» и «они». Таким клиентам сложно отделить среднюю зону от внешней, например. Малейшее движение собеседника доходит до их сознания, уже снабженное комментарием внутреннего «оценщика», значение сказанной собеседником фразы дополняется смыслом, наложенным на нее личностью осознающего.

Получается, что диалог между двумя людьми – только иллюзия, каждый, не подозревая того, разговаривает сам с собой, все более теряясь в зеркальном коридоре собственных интерпретаций.

Если упражнение выполняется в присутствии группы (на социально-психологическом тренинге /СПТ/) с последующим его обсуждением, настоящее потрясение можно испытать, обнаружив, как по-разному участники расценивают одни и те же слова или действия. Характер интерпретаций определяется многими факторами: от личных особенностей и опыта индивида до культурной традиции, в которой он воспитан.

Я наблюдала, так сказать, в полевых условиях, вне тренинга, реакцию нескольких аудиторий зрителей на фильм М. Формана «Полет над гнездом кукушки», когда он только вышел на наши экраны в конце 1980-х годов. И с интересом обнаружила, что большинство, по крайней мере, высказывающихся по этому поводу зрителей осуждают финальное убийство индейцем, героем У. Сэмпсона, героя Дж. Николсона. Возможно, именно культурная традиция заставляла людей жизнь ценить выше разума, достоинства, статуса, надежды. Однако это не более чем моя интерпретация...

Помню, тогда особенно удивили меня две «мисс Марпл», еще в начале фильма наметившие свой собственный его, детективный, сюжет и дождавшиеся-таки логичной развязки. В их восприятии сценарий строился вокруг единого стержня: обиды, затаенной индейцем на дразнящегося новичка и приведшей, наконец, к акту возмездия. Чудесным образом все сцены фильма укладывались в эту схему. Потрясенные увиденной драмой и довольные собственной прозорливостью, пожилые дамы покинули зал.

Те, кому не доставляет хлопот их дезориентация в реальности, не нуждаются в развитии осознания и т. п. техниках. Сформированные их личностью защитные механизмы не могут быть сочтены патологическими. **Критерий степени психической патологии** – степень затруднений в социальной адаптации.

Бывает, что от таких людей невинно страдают их близкие и спрашивают психолога, как повлиять на домашних «тиранов», безвольных «конформистов» или «самоедов». В этом случае психолог всегда исходит из того, что проблемы не у третьих лиц, а у сидящего перед ним. Точнее, проблема – в нем самом. Ее предстоит выявить и с ней работать.

Человеку свойственно не только воспринимать, но и размышлять о происходящем. С этим связан еще один механизм – **РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ** – попытка логического обоснования собственных чувств, состояний, поведения, действительные истоки и мотивы которых «рационализатором» вытеснены в бессознательное. Получаемое посредством рационализации объяснение должно, прежде всего, подкреплять Я-концепцию, а также соответствовать моральным нормам и представлению о «здравом смысле».

Зачастую рационализации подвергаются не сами проявления влечений, но неконтролируемые прорывы невротической симптоматики, вторичной по отношению к вытесненному материалу.

Молодая женщина тяжело перенесла разрыв с мужем после недолгого и несчастливого брака. Однако теперь, по ее уверению, она совершенно спокойна, благополучна и самодостаточна. Признается, что в своих часовых монологах, произносимых в присутствии психолога, нуждается как в способе духовного совершенствования.

Говорит несколько монотонно, злоупотребляя подчинительными союзами «в силу того что», «с тем чтобы» и др. По форме речь представляет собой набор аксиоматических деклараций рефлексивного свойства, по сути – презентацию «арены» (вспомним «окно Джогари»). Особо ценит в себе способность всегда сохранять душевное равновесие, пунктуальность и дар логического мышления. (Прочие характеристики излагаются также в соответствии с астрологическим гороскопом Девы.)

Однажды моя собеседница сообщила, что ее душевное равновесие подверглось на минувшей неделе серьезному испытанию. Привезенный в гости полуторагодовалый племянник терроризировал ее своими воплями и бесцеремонностью в об-

ращении с вещами и с ее собственной персоной. Иначе как «зверенышем» мальчик не назывался, все его проделки описывались подробно и с величайшим отвращением. Племяннику на этот раз удалось совершенно вытеснить тетюшку с центрального места в ее монологе.

Однако еще более примечательным оказался костюм, в котором она пришла ко мне тогда и являлась еще пару раз. На стройной моей посетительнице был джинсовый комбинезон... покроя «для будущих мам».

– Пошла просто и купила. Очень женственно и совсем не стесняет движений! – пояснила Алена, похлопав по складкам мешковато обвисшей на животе ткани и продемонстрировав мне образец рационализации.

В самом деле, должна же здравомыслящая Дева хоть как-то объяснить, что понесло ее в этот магазин из дома, притихшего после того, как сестра увезла свое чадо?! Не может же серьезная особа признаться себе, что рада взглядам прохожих, которые, должно быть, прикидывают, на каком она месяце. Эта непреложная уверенность встречных людей в факте беременности позволяет и ей самой – чуть-чуть, понарошку – примерить «интересное положение», поиграть в него.

А вот признаться себе в желании иметь ребенка – значит возыметь мужество заглянуть в пропасть – зияющую дыру в своей жизни на месте предателя-мужа. Нелогично было бы второй раз наступать на одни и те же грабли и заводить иные, кроме товарищеских, отношения с мужчиной. Обнаружить теперь эту лакуну значит забросить карьеру, которая и так не слишком успешна, вступить на путь каких-то унижительных и опасных приключений. Так она могла бы рассуждать. Но Алена лишь говорит: «Ребенок? – Не ко времени. И вообще я рожу только в браке с немцем: они ответственные».

И все же оно предательски прорвалось, это желание иметь ребенка, в несуразной покупке! Кстати, необходимость скрыть от себя требования материнского (и женского) инстинкта сконструировала в данном случае еще один, вспомогательный, защитный механизм:

РЕАКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ – чувства, качества или убеждения человека, подменяющие собой вытесненные и противоположные им. Реактивные образования отличаются особой интенсивностью на фоне прочих психических проявлений. В нашем примере желание стать матерью обратилось в неприязнь к ребенку.

Всякий, как известно, недостижимый виноград становится для лисицы зелен. Незадавшаяся любовь оборачивается ненавистью. Влечение к лицу противоположного пола порой является под маской подчеркнутого безразличия или агрессивности. Деструктивные наклонности и «людоедство» Гитлера, как показал Э. Фромм, скрывались под его вегетарианством. В фильме С. Мендеса «Красота по-американски» непримиримый враг гомосексуалистов сам проявляет, наконец, запретную страсть, попав в ловушку собственных проекций.

Реактивные образования часто подкрепляют рационализацию. Используя защиту такого рода постепенно огораживает себя частоколом беспочвенных умозаключений, возводя шаткую систему мироздания, которой необыкновенно дорожит. Тогда процесс психоанализа заходит в тупик, и человек кружит в лабиринте псевдологических конструкций, все более отрываясь от реального положения вещей.

В день, когда Алену уволили, в очередной раз, с работы (я это узнала позже), она посвятила час рассуждениям о своих выдающихся деловых качествах и образовании. Последнее, кстати, действительно, было блестящим, что всегда облегчало ей поиск работы. В этот день моя собеседница много смеялась, причем глаза ее оставались трагически распахнутыми и застывшими, наводя меня на тревожные опасения.

Однажды я отважилась на провокацию эмоциональной разрядки, чтобы вывести процесс из застоя, в котором он давно увяз. И впервые увидела Алену плачущей. Она рассказывала о прощальном разговоре с бывшим мужем. Тогда ей был нанесен тяжелый удар, прежде всего, по самооценке. Эти воспоминания чередовались со светлыми картинами начала их романа.

В следующий раз Алена вдруг бодро заявила, что решила выйти замуж за человека, которого знает с детства и которому

нужна теперь ее поддержка. Однако я напрасно радовалась, что аффективный прорыв разрушил плотину рационализации и вынес мою знакомую в нужное ей русло... Живой импульс, двинувшийся было в ней, тотчас оброс привычными ментальными ракушками и застрял на мели.

Невеста предложила жениху «руку и сердце», оказывается: а) чтобы подарить другу детства, убежденному плейбою, печать в паспорте, ограждающую того от чрезмерных претензий третьего лица – будущей матери его ребенка; б) чтобы обеспечить себе получение визы в посольстве, предпочитающем замужних туристок; наконец, в) чтобы брак оставался фиктивным.

Свадьба свершилась. А я получила возможность наблюдать последствия защитного механизма под названием:

РЕГРЕССИЯ – возврат субъекта к более примитивным, более «глухим» способам психологической защиты. При этом отмечается и некоторая деградация личности, которая выражается в изменениях мотивационной структуры поведения.

Регрессирующая личность подменяется, по выражению психолога, профессора МГУ В.В. Петухова, «**мничностью**»¹⁰, то есть мнимой личностью. Увеличивается разрыв между декларируемым благородством намерений и **девиантностью** поступков (отклонением их от нравственных норм).

Личностный поступок, по Петухову, раздвигает границы возможностей человека, преобразуя их на пути понимания собственных проблем. Даже дефект, физический или психический, в этом случае используется для достижения стоящих перед личностью целей.

В романе В. Гюго «Человек, который смеется» есть сцена, где главный герой усилием воли преображает свое изуродованное лицо – шутовскую маску – в трагический лик. Ошелмляющий эффект преображения разрешает критическую ситуацию. «Смеющийся человек» совершает в этой сцене своего рода личностный поступок.

¹⁰ См. Петухов В.В. Природа и культура. М., 1996.

Что касается «мничности», она продукт регрессии к рационализации субъекта, испытавшего однажды возвращение вытесненного в сознание. Во всяком случае, у Алены «мничность» стала развиваться именно так, в результате фрустрации повторно осознанной потребности в любви и вторичного ее вытеснения.

«Мничность» объявляет социальной нормой и возводит в культурный принцип собственный природный позыв. То есть управляется симбиозом ОНО и Сверх-Я, ОНО – «в шкуре» Сверх-Я. Одна дама, безуспешно пытавшаяся похудеть, жаловалась: «Утром я не ем, но вечером наедаюсь, «по идейным соображениям», вполне убедив себя за день в протиестественности и вреде голодания!». «Мничность» в роли адвоката желудка каждый вечер выигрывала дело логически безупречно.

«Мничность» же нашей новобрачной трепетала в благородном гневе на «авантюристку», посмевавшую сохранить внебрачного ребенка, отяготив совесть «моего мужа». «Мничность» теперь горячо рассуждала о святости семейных уз, отклонив, между тем, предложение супружеской близости, поступившее от друга детства: верность он ей предложить не мог.

Однако было заметно, как греют ее маленькие знаки внимания и услуги, оказываемые «фиктивным мужем». Они оставляли надежду, что союз их со временем перестанет быть только формальным, что друг детства, наконец, осознает: она – его давняя и единственная любовь.

Но проходили недели, а в жизни все оставалось по-прежнему. Разве что работа опять подвернулась. И снова увлечение – романтическое – боссом... Алена стала подумывать о разводе, но босс говорил о делах и ничего о рисовавшемся уже ей венчании... Тем дело и кончилось.

Супруг же объявлялся все реже, и ей приходилось то и дело напоминать о себе, придумывая разные предлоги, чтобы не иссяк совсем живительный ручеек знаков его внимания. К изобретению поводов окликнуть ускользящую и на сей раз надежду свелся смысл существования.

Однажды ей дали небольшой, но срочный перевод. Не взглянув на него, Алена принялась разыскивать друга детства и умалывать его, ссылаясь на занятость, сделать этот перевод за нее. Весь день прошел в поисках, в пересылке текстов по факсу и дополнительных звонках-понуканиях с сопроводительными инструкциями.

В результате перевод опоздал, с другом детства, не терпящим насилия, вышла ссора, а наша героиня в очередной раз лишилась работы.

– Я это сделала, потому что муж знает язык лучше, – пояснил мне не сдавшийся «рационализатор» в «мничности» высококлассной переводчицы. – А я привыкла ко всему относиться ответственно, чего ему (боссу), конечно, не понять!

Ледяной дворец замкнулся за Каем, и он снова, не помня про розы, принялся выкладывать из льдинок слово «вечность».

«Заморозка» – анестезия. Снегурочками становятся, чтоб не болело, забывая, что только на живом – и в жару – заживет.

СУБЛИМАЦИЯ – защитный механизм личности, позволяющий перенаправить либидо с объекта эротического влечения на социально значимую деятельность, цель которой не связана с сексуальностью. В процессе сублимации происходит разрядка энергетического напряжения у субъекта деятельности, поскольку в последней проявляются основные функции Эроса – синтез и гармонизация.

Основными формами сублимации З. Фрейд считал художественное творчество и интеллектуальную деятельность, утверждая, что вся культура человечества – продукт сублимации либидо.

Хотя теория этого процесса недостаточно разработана в психоанализе, основным механизмом сублимации можно считать нарциссическое переключение индивидом энергии с внешнего объекта на себя, а затем, уже в десексуализированном виде, снова на внешний объект, в половом отношении нейтральный.

Латинский термин «сублимация», означающий буквально «вознесение», а в практике алхимиков – «возгонку» (перевод вещества из твердого состояния в газообразное), был использован Фрейдом впервые в 1900 г. А вот что в 1897 – 98 гг. писал в своей статье «Смысл аскетизма» и в рецензии на книгу Ш. Рише «Любовь» русский философ В.В. Розанов: «Богатство темперамента есть условие внутренней теплоты и живости. И вот почему во всех случаях, где положением или задачами жизни требуется особенная теплота и живость, «лучистость» человека, – он запирается как бы в плотинах воздержания, то есть он доводит до высшего достижимого уровня темперамент в себе: и тогда начинает «лучиться». Вот объяснение монашества и аскетизма... Мысль, гений, всякие прозрения философские лучатся отсюда же... гений и молитва лучатся оттуда же, откуда нисходит на землю, быть может, лучшее, чем самая молитва, самый гений – живое человеческое дитя. Пол имеет игру в себе... Преобразование – но все того же коренного инстинкта природы, полового влечения. Это как бы “теплота” и “свет”, взаимно переходящие друг в друга»¹¹.

¹¹ Розанов В.В. Смысл аскетизма. Библиография // В.В. Розанов. Религия и культура. М., 1990. С. 218-219, 222-223, 326.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОТИВАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛУБИННОЙ И ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава первая. Личность как отражение иерархии ее потребностей. Мотивация психотерапевтического взаимодействия

«...Пол имеет игру в себе... Всякие прозрения философские лучатся отсюда же...» – процитировали мы В.В. Розанова в предыдущей главе.

Эпатирующая непосредственность, свойственная Розанову, его сократическая простоватость явили миру на сей раз – не больше не меньше – опровержение объективности естественнонаучного метода. Это было сделано не только до Фрейда, но отчасти и вопреки Фрейду: последний, признанный первооткрывателем явления сублимации, умалчивал об истоках собственного научного творчества. Фрейд, практикующий психоаналитик, выдвинувший непременным условием профессиональной подготовки коллег прохождение ими анализа в качестве «пациентов», как известно, ограничился самоанализом. Дверь в кухню психосексуальной теории приоткрывалась ее создателем ровно настолько, насколько было нужно ему.

Возможно, Фрейд имел основания опасаться обвинений в применении ложной индукции (которые все равно последовали со стороны учеников-оппонентов). Позитивист, он претендовал на универсальность выявленного им объяснительного принципа и должен был скрывать (по устоявшейся в естественных науках стыдливой традиции) скудость эмпирической базы открытия.

Доктор Фрейд на заре XX в. был еще очень далек от публичной декларации тождества объективного и субъективного, единичного и всеобщего в практической психологии.

Для Розанова же, публициста-философа, сохранение объективно-научной физиономии своих прозрений не составляло насущной задачи. Как всякий литератор, не стесняясь этого, он писал о своем, семейном, о наболевшем, об уникальном и –

только в силу этого! – общезначимом. Всякий человек изначально побуждаем к деятельности личными мотивами. Подвизаясь в той области науки или практики, в которой видится разрешение личностной проблемы, всякий прежде всего печется о снятии этого бремени с собственной души. Причины социального характера и потребность в самореализации являются вторичной мотивацией профессиональной деятельности.

Субъективен поиск решения частной проблемы. Найденное, решение приобретает объективный смысл. Социальная значимость «уединенной», интимной творческой деятельности художника заключается в широте резонанса, который возымеют обнародованные плоды ее в сердцах и умах.

Есть два рода, два уровня человеческой общности, как показала теория коллективного бессознательного К.Г. Юнга (о которой подробнее речь впереди). Внешний, социальный, уровень общности – признаки принадлежности людей к той или иной культуре: язык, характер образования, вероисповедание, бытовые привычки, этические стереотипы. Все, что составляет внешний уровень, приобретается человеком в процессе его социализации, т.е. зависит от воспитания.

Внутренний, глубинный уровень человеческой общности – сущность – проявляется в процессе социализации, но не зависит от характера культуры, в рамках которой осуществляется воспитание.

Так, логическое мышление формируется у человека, исключительно воспитанного себе подобными, однако только у человека и не может сформироваться у примата, даже растущего в человеческой семье. Не сами высшие психические функции, не само сознание, но способность к развитию их при определенных условиях составляет врожденное, видовое отличие человека, близкое к особому видовому инстинкту. (А что врожденные инстинкты даже у птиц требуют своего «доопределения» в индивидуальном опыте, показал еще К. Лоренц в знаменитых экспериментах с гусями.)

Итак, глубинный уровень единства человечества (или коллективное бессознательное, по Юнгу) является надкультурным и базируется на инстинктивных закономерностях функ-

ционирования человеческой психики (психики гомо сапиенс). Каждая культура вырастает из этих закономерностей, но всегда представляет собой их одностороннее, неполное проявление.

В художественном или научном творчестве мастер всегда пробивается сквозь стереотипы культуры, носителем которой он является, к тому, что данной культурной традицией оказалось неучтено или отвергнуто, но по-прежнему остается живой частью человеческого естества.

Преуспевая в невинном любопытстве ребенка перед зеркалом, гений снимает с себя костюм, навязанный ему личным вкусом, сословием, эпохой, и обнаруживает Адама, которого давно подозревала и в себе, а вот теперь, наконец, узнала, благодаря мастеру, его пестрая аудитория.

Таким образом, социальная значимость «уединенной», пользуясь выражением В. Розанова, творческой деятельности заключается в широте ее резонанса именно на уровне коллективного бессознательного – надкультурного, вневременного единства человечества.

Психологические теории, развернувшиеся даже из единственного «кейс-стади» (в том числе из самоанализа) и получившие широкий резонанс, безусловно объективны.

А сублимация энергии собственных фрустрированных потребностей психолога в научное творчество или в практическую деятельность не только норма, но и залог плодотворности его работы. Недаром мифическим покровителем глубинных психологов считают кентавра Хирона. Сам страдая от нанесенной Гераклом неизлечимой раны и мечтая о смерти, Хирон не только сделался непревзойденным целителем, но и передал свое искусство воспитаннику – Асклепию, богу врачевания.

Тем успешнее бывает аналитический процесс, чем мучительней рана терапевта: собственная боль открыла его сердце сочувствию, обострила восприимчивость, выбила из благодушного мира штампов. Он бдящ, нестандартен и креативен, как сказочный витязь, что натирал свежую рану солью, только бы не дремать.

В открытости этой раны, в разоблачении себя – кратчайший путь человечества к самопостижению. Лишь бы, снимая

одежды, трико цирковое не принять за божественную наготу Самости. В ней-то и заключена подлинная индивидуальность каждого, роднящая, между тем, всех со всеми.

Как в Рим, неизбежно ведут к Самости жизненные пути всех людей. Юнговская концепция этого пути от Персоны (социальной маски) к Самости как вектора личностного роста, индивидуации, повлияла на возникновение теории самоактуализации, автором которой является А. Маслоу, основатель гуманистического направления в американской психологии.

Прежде чем мы продолжим разговор о мотивации межличностного взаимодействия, я бы хотела изложить взгляды Маслоу на мотивацию человеческой деятельности вообще.

Мотивация – «топливо» человеческой активности. Она связана со структурой, или иерархией, потребностей, схему которой предложил А. Маслоу. Рассмотрим подробнее уровни этой иерархии.

1. Основные физиологические потребности. Это потребности в пище, воде, кислороде, сне, жилище, мускульной активности, сексе, то есть первичные, базовые потребности. Деньги, заработок обеспечивают удовлетворение этих потребностей.

2. Потребности в безопасности. Этим потребностям отвечают такие стимулы, как гарантированная работа, перспективы экономической состоятельности, социальное страхование, пенсионное обеспечение, возможность сбережения денег и т.д.

3. Потребность в социальной общности, в любви и принадлежности. Разнообразные проявления социума (семья, компания друзей, рабочая группа, общественная организация) способствуют удовлетворению этой потребности.

4. Потребности в уважении и самоуважении. Сама работа и социальный престиж положения могут быть более важным мотивом, нежели деньги. Самоуважение, как правило, следствие признанного авторитета.

5. Потребности в самоактуализации (самореализации). Самоактуализация не состояние, но процесс раскрытия своих потенций, нахождения места в жизни, соответствующего воз-

возможностям человека. Человек самореализуется всякий раз, когда берет на себя ответственность выбора.

Можно рассматривать пятый уровень потребностей как потребность в смысле жизни. Хотя надо сказать, что любая потребность в схеме А. Маслоу может выступать для разных людей в качестве смыслообразующей. Проблема для каждого – в сохранении этого жизненного смысла, что бы ни понималось под ним субъективно.

Способ поддержания мотивации связан с осознанием человеком собственного жизненного и профессионального пути.

Познакомимся с теорией **метамотивации** Маслоу¹², соответствующей пятому, высшему уровню человеческих потребностей.

Начнем с того, что, по убеждению Маслоу, удовлетворение базовых потребностей не есть еще достаточное условие для метамотивации, но лишь предварительное. Причем встречаются случаи, когда выдающийся талант или уникальная чувствительность побуждают человека ценить удовлетворение высших потребностей выше, чем некоторых базовых. Сам выстраивает человек и собственную иерархию **метапотребностей**, индивидуальную для каждого. Под метапотребностями Маслоу понимает следующие: в правде, благости, красоте, цельности, преодолении дихотомии, в восприятии уникальности, совершенства, завершенности, справедливости, порядка; в проявлении таких качеств, как живость, простота, вольность, игривость, самодостаточность, осмысленность; в осознании необходимости, многообразия (богатства), текучести, подвижности жизни.

Удовлетворение этих потребностей людьми в процессе их самоактуализации и создает метамотивацию, в частности, трудовой деятельности.

Профессионалы, движимые метамотивацией, воспринимаются окружающими как увлеченные люди, служащие своему предназначению, обретшие свое призвание, «хочу» которых полностью совпадает с «я должен».

¹² Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. М., 1997. С. 313-357.

По мнению Маслоу, в случае метамотивации невозможно разделить внутреннюю и внешнюю детерминанты мотива. Это тот случай, когда внутренний позыв согласуется с целесообразностью, с «призывом». Чтобы получить метамотивацию, человек должен обнаружить сходство окружающего со своими неосознанными ожиданиями, узнать их в окружающем.

Обретя метамотивацию своей деятельности, человек испытывает нечто сродни влюбленности: амбивалентное чувство своего избранничества и, вместе с тем, незаслуженности им такого благоволения судьбы.

Базовые потребности, однако, доминантны по отношению к высшим в подавляющем большинстве случаев, они более насущны. И выбор профессии в большинстве случаев мотивирован наряду с метапотребностями базовыми нуждами или потребностями невротическими.

Люди, работающие по призванию, идентифицируют свое «Я» с любимым делом, работа становится определяющей характеристикой их «Я», его частью, частью их личности. Грань между «Я» и «не-Я» стирается, человек включает в пределы своего «Я» частицы внешнего, между ним и окружающим его миром остается все меньше противоречий. Психологическое «Я» становится больше телесного.

Дело, которому посвящает себя самоактуализированный человек, можно интерпретировать скорее как воплощение сущностных ценностей, нежели как средство достижения внешних целей. В своей работе он любит то, что ценно для него как для личности, а не работу саму по себе. Эти сущностные ценности, возможно, идентичны высшим ценностям.

Отличие самоактуализированных людей от всех прочих – в степени представленности в их деятельности тех или иных мотивов. Вероятно, в какой-то мере, по мнению Маслоу, все человеческие индивидуумы метамотивированы.

В этом случае допустимо говорить о том, что высшие ценности наряду с «низшими» потребностями выступают в роли равноправных частей человеческой природы. Мало того, высшие ценности, как утверждает Маслоу, имеют инстинкто-

подобную природу, то есть человек нуждается в них, чтобы избежать болезни и приблизиться к «вочеловечности».

О какой болезни, или **метапатологии**, по Маслоу, идет речь? Автор считает, что эта болезнь вызвана депривацией метапотребностей, является следствием «фрустрированного идеализма», особенно в среде обеспеченных молодых людей, удовлетворение базовых потребностей которых не приводит автоматически к удовлетворению высших.

К подобного рода метапатологиям Маслоу относит тоску, безразличие, отчаяние, цинизм, апатию, отчужденность, чувство бесполезности и незначительности, равнодушие к жизни и смерти, вандализм.

Позволю себе проиллюстрировать нарисованную Маслоу клиническую картину метапатологии запиской одного моего студента:

«За неделю пять человек, будто превратившись в диких черных пессимистов, являлись ко мне на кухню излить душу. Их проблема вербально оформлялась фразой: “Когда ж я сдохну?!” . Может, конечно, это влияние грядущей сессии пополам с осенней хандрой... Но самооценка у всех резко упала, отсюда – проблемы на личном фронте, ссоры с родными, неверие в возможность успешной учебы, самокопания всякие безотрадные...».

Не только внешние факторы, конечно, приводят к депривации высших потребностей и к болезням «фрустрированного идеализма», но и внутренняя амбивалентность.

Человек пугается требований высшего, звучащих в нем, защищается от них. Бегство от высшего может быть вызвано и «встречными оценками» (давлением «практичных» советчиков), и чувством собственной ничтожности, страхом не выдержать требований высшего.

Базовые потребности находятся в одной иерархии с метапотребностями, но предшествуют им. И те и другие биологически желанны, способствуют биологическому успеху. Духовная жизнь протекает в той же реальности, что и телесная. Пока речь идет о неактуализированных метапотребностях, они носят над-

культурный характер, то есть являются общечеловеческими, но в деле их актуализации роль конкретной культуры непреложна.

Высшие ценности представляют собой некое единство: каждая из них может быть описана в терминах других. По метафоре Маслоу, мы имеем дело с магическим кристаллом, высшие ценности лишь грани которого.

Уже само помещение «низменного», животного наследия человека в одно пространство с «высшим», духовным позволяет преодолеть множество дихотомий. Например, ту, в соответствии с которой «дьявольское» противостоит в человеческой природе «божественному». Или добро, или зло часто в истории отлучалось от человеческой природы, экстериоризировалось сверхъестественному.

Высшие ценности, рассмотренные с точки зрения удовлетворения высших потребностей, можно представить как разновидности высшего наслаждения или счастья. Если удовлетворение высших потребностей человек ставит в один ряд с удовольствиями как таковыми, А. Маслоу считает такое отношение к удовольствию **метагедонизмом**, при котором отсутствует противоречие между наслаждением и долгом: стремление соблюсти свои высшие интересы полезно всем.

Большинство гуманистических психологов, следуя за Фроммом с его «человечной совестью», за Хорни, переосмыслившей фрейдовское «Супер-Эго», согласились с мыслью, что есть «сущностная совесть» и «сущностная вина». Последние следует рассматривать как заслуженное самонаказание за предательство своего подлинного «Я».

Необходимые предпосылки для высшей жизни, по Маслоу, чрезвычайно разнообразны. Речь идет не только об удовлетворении всей иерархии базовых потребностей, но и о прочих условиях, необходимых для того, чтобы высшая жизнь стала субъективной реальностью.

Среди этих условий Маслоу называет свободу от гнета экономических проблем, наличие свободы выбора, реального и эффективного, необходимость более синергичных социальных институтов. Однако отсутствие этих условий не устраняет саму

возможность метамотивации, но лишь затрудняет проявление ее как определяющей деятельности человека.

Остановимся на мотивации психотерапевтического общения как одного из видов человеческой деятельности.

Мотивация психотерапевтического взаимодействия осуществляется, разумеется, на всех уровнях потребностей обеих сторон этого взаимодействия. Надо иметь в виду, что подводные камни и мели аналитического процесса, фатальные для отважных гребцов (психолога и клиента), часто таятся в неадекватном понимании мотивации друг друга.

Первым же камнем преткновения становится тот факт, что психоанализ и индивидуальное психоаналитически ориентированное консультирование – платная, продолжительная (не менее шести месяцев, не реже раза в неделю) и не предполагающая определенных гарантий процедура. Одним словом, это рискованная игра, недвусмысленно указывающая на финансовую заинтересованность ее «ведущего», т.е. на удовлетворение им за счет клиента некоторых базовых потребностей.

Не побоюсь этого слова, трагедия психоанализа в современной России связана с некоторыми типичными заблуждениями тех, кто нуждается в психологической помощи.

Во-первых, терапевтические отношения поначалу воспринимаются как отношения дружеские, что очень быстро приводит к настойчивому стремлению клиентов нарушить драматический закон постоянства места, времени и действия, актуальный для терапевтической беседы. Выражается это в звонках аналитику по телефону, в попытках продлить время своего визита (за рамки оплаты), в приглашениях «на чашку чая» и т.п.

При этом люди не замечают, что их порыв к сближению с «приятным во всех отношениях» терапевтом, по сути, является стремлением использовать собеседника в качестве неутомимого реципиента информации. Обнаружив в психологе благодарного зрителя нескольких моноспектаклей, которые он имеет в своем репертуаре, клиент искренне полагает, что обрел долгожданного друга, поскольку представления о дружбе его именно таковы. К психологу приводит человека, чаще всего, фрустра-

ция потребностей второго и третьего уровней (в безопасности, в любви и принадлежности). Испытывая дефицит подлинных близких отношений, клиент обретает суррогат их на приеме у терапевта, полагая, что нашел идеал.

Но вот, наконец, клиент обескуражен тем, что новый «друг» неуклонно отвергает неформальные контакты, продолжая, между тем, выказывать участие в его делах – в пределах оплаченного часа. Горькая обида захлестывает «отвергнутого» и наводит на мысль о происхождении психотерапии от древнейшей профессии. В лучшем случае ищущий бескорыстной дружбы бросает анализ. В худшем – остро нуждаясь в терапии или уже попав в зависимость от своего аналитика, клиент принимает циничное решение купить услуги «платной дружбы».

И тогда сказывается второе типичное заблуждение «объектов психоанализа»: кто платит, тот и заказывает музыку.

С одной стороны, позиция «клиента-циника» свидетельствует о том положительном обстоятельстве, что он не безнадежен в перспективе. С другой стороны, она служит лакмусовой бумажкой для определения мотивации терапевта. По крайней мере, позволяет исключить наличие в ней финансовой доминанты.

«Циник» требует дополнительных сеансов, он предлагает повысить оплату в обмен на возможность звонить аналитику круглосуточно, наконец, он пытается учредить «вызов на дом». Аналитик, пошедший на поводу у клиента в этом случае и участвовавший в встречи без терапевтической надобности, действительно, оказывает платные услуги по удовлетворению элементарных потребностей, способствуя тем самым лишь усугублению невроза своего «благодетеля».

Кроме того, боясь потерять источник доходов, психотерапевт с преобладающей экономической мотивацией невольно старается быть более приятным, чем полезным щедрому работодателю. «Шелковый» психотерапевт не должен вызывать доверие, как сладкая микстура.

Впрочем, не склонны мы доверять и слишком дешевым лекарствам. В этом смысле необходимость платить за сеансы оказывает самостоятельное терапевтическое воздействие (по-

вышает ответственность клиента за результат). Однако следует соблюдать два условия: 1) деньги зарабатываются самим клиентом; 2) сумма может зависеть от его финансовых возможностей, но всегда должна казаться клиенту ощутимой.

«Дешевый» анализ заставляет подозревать некомпетентность терапевта или личную его (а не профессиональную) заинтересованность в данном клиенте. (Во втором случае проходящий анализ смутно терзается мыслью, не пора ли ему самому начать взимать плату с аналитика.)

Вопрос оплаты утрачивает свое травмирующее воздействие на обоих участников анализа, если известно, что доход от одного клиента не влияет на благосостояние терапевта, что последний вообще не находится на содержании у своей клиентуры, имея иной стабильный доход.

Допустим, человек удостоверился, что оплачивает не дружбу и не просто время аналитика. Достаточно дистанцированный теперь деньгами от близости с ним, клиент интенсивнее начинает искать тот «продукт», за который он регулярно платит из своего кармана. Итак, он не просто славно проводит время в разговорах о себе, он **покупает** нечто. Что?..

Третье распространенное заблуждение клиента относительно аналитика – восприятие последнего в качестве мудрого наставника и связанные с этим ожидания. Даже рубрика такая мелькает у нас в СМИ – «Советы психолога».

А психотерапевт, в отличие от приятеля, учителя и добрых дяди с тетей, советы давать не может и не должен. У него другая задача – стать эхом и зеркалом чужой души, показать те стороны ее, которые без зеркала не видать, как собственных ушей. Чем меньше в этом зеркале отразится лишнего (житейского опыта терапевта, его собственных предрассудков и рационализаций), тем более высокий профессионал перед вами.

Феноменологический (по К. Роджерсу, клиентоцентрированный) подход к терапии предполагает, что никто лучше самого страждущего не знает, где тот найдет, где потеряет, никто быстрее не отыщет решения его проблем.

Корни роджерсианской терапии, как и вообще гуманистического направления в психологии, уходят в практику юнгиан-

ского анализа. Таким образом, в основе феноменологического подхода лежит сократический принцип «припоминания»: кто знает истину, но не осознает ее, «запамятовал», может однажды вспомнить. Обремененная (беременная) душа чревата истиной, содержит ее в себе, не видя, не ведая еще, какова она. И тем тяжелее душе, чем ближе час разрешения от бремени.

Чтобы облегчить родовые муки, нужна помощь. Подобно Сократу, глубинные психологи берут на себя сегодня роль повивальных бабок. Не аистов! У психотерапевта «покупают» его «акушерский» опыт и талант, но не самого младенца – не совет, не готовое решение. Только клиент способен произвести на свет этого уникального «божественного младенца» – залог своей грядущей трансформации. Однако при искусном «родовспоможении» произойдет это малой кровью.

Психолог, дающий советы и настаивающий на их выполнении, не психолог, даже если советы его практичны, а заинтересованность в благополучии клиента искренняя. «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас!» – под таким девизом видятся Л.А. Хегаю, отечественному юнгианскому психологу, технические рекомендации механиков души. Он пишет: «Есть тесты, сборники упражнений, советы на все случаи жизни... Есть все, кроме самой души... Для психолога-практика более, чем очевидно, что любые системные модели психики тают, как снег весной, когда реальный, не литературный, клиент пересекает порог приемной»¹³.

Мотивация психолога-советчика может объясняться патологическим слиянием (см. выше), которым он страдает, или преобладанием в его личности потребностей третьего-четвертого уровня, по Маслоу. Клиент часто провоцирует аналитика на проявление «родительской» опеки, испрашивая советов или разрешений, тайно надеясь на запреты, т.е. всячески стараясь снять с себя ответственность за собственную судьбу.

Терапевт рискует оказаться полностью во власти **контрпереноса** (отношения к клиенту, эмоционально окрашенного и

¹³ Хегай Л. Психология и зло // Хрестоматия по глубинной психологии. М., 1996. С. 228.

построенного на иллюзорном восприятии его). В этом случае психолог становится нежным или, напротив, суровым родителем, потакая собственной потребности в семейных узах, в любви и принадлежности.

«Опасностью, содержащейся в контрпереносе, – замечает юнгианский психолог М. Якоби, – может оказаться нераспознанная потребность аналитика прожить через своих пациентов те стороны жизни, которые он не проживает сам. Пациенты могут... привносить в его жизнь особый вкус и краски, боль и страдания, тем самым заставляя его чувствовать себя и значимым, и полезным, и живущим полноценной жизнью. В таком случае анализ может служить аналитику заменой его собственной жизни... Если пациенты становятся слишком необходимы для появления у него ощущения жизни, аналитик может тайно возлагать на них стремление сделать их своей собственностью. Возникает нездоровая ситуация взаимной зависимости... А скажите, пожалуйста, если человек не знает, как жить, каким образом он собирается помогать своим пациентам приобрести это знание?»¹⁴.

В той же работе М. Якоби настаивает, что аналитик должен быть честен по отношению к самому себе. Это значит, что и материальная, и эмоциональная заинтересованность в клиенте, и возникновение контрпереноса не только неизбежные реалии психотерапевтической практики, но и «работающие» элементы отношений «аналитик – клиент». Тормозом они становятся тогда, когда психолог пытается закрыть на них глаза (свои и клиента).

Хочу вернуться к тому, с чего мы начали эту главу, – к сублимации: аналитик эффективен тогда, когда сублимирует в профессиональной деятельности энергию своих влечений, влечений, струящихся в основе его потребностей в эротической любви и социальных связях, в подтверждении своих авторитета и власти, а не тогда, когда пытается удовлетворить базовые потребности сами по себе.

¹⁴ Якоби М. Встреча с аналитиком. М., 1996. С. 151.

Профессиональная идентификация и самоуважение человека зависят от его удовлетворенности результатом деятельности. Но, как это ни покажется странным, стремление терапевта к достижению прогресса в вашем психоанализе может сильно навредить процессу.

Когда анализ не продвигается или ухудшающееся состояние клиента выходит из-под контроля, мрачное сознание собственной некомпетентности и вообще никчемности серьезно угрожает душевному равновесию психолога, заслоняя собой фигуру клиента.

Терапевт или берет вину на себя, всячески начиная потакать клиенту и пробуждая в нем тем самым капризного тирана, или, напротив, все более явно выказывает собственные разочарование, обиду на клиента и даже неприязнь к нему.

Переход аналитика к советам и наставлениям, а также вхождение в образ загадочного гуру – очень часто свидетельство его (может быть, минутной) слабости из-за страха за свою репутацию.

У себя самой в процессе трудной работы с Аленой (см. выше) я заметила стремление компенсировать пониженную самооценку знаками восторженной привязанности «подопечной». Так, сопротивляясь горькому осознанию своего бессилия, я грелась в лучах Алениной благодарности за удержание ее от суицида, к которому она якобы была близка до встречи со мной.

Если аналитик отдает себе отчет в сложившейся ситуации и не видит выхода из нее, он обязан порекомендовать клиенту другого специалиста. В этом нет ничего унижительного для его достоинства и ничего страшного для клиента: как и во всякой диаде, в диаде терапевтической личностная несовместимость играет роль.

Всепоглощающее стремление к результативности, излишняя профессиональная тревожность терапевта блокируют его возможности. Они удерживают его личность в плену потребностей социального уровня, не позволяют проявиться метамотивации. Кроме того, они являются признаком мономотивации его жизни.

Известный отечественный психолог Б.М. Теплов как-то подверг анализу «маленькую трагедию» Пушкина «Моцарт и Сальери». Для Моцарта музыка являлась формой переживания полноты и многообразия жизни, великую же трагедию Сальери Теплов усмотрел не в его бездарности, а именно в мономотивации, в том, что для него «никаких смыслов, кроме музыкальных, на свете не было, и музыка превратилась в единственный и абсолютный смысл, роковым образом став бессмысленной»¹⁵, изолировав Сальери от мира и людей. Это лишило его внутренней свободы и убило дух.

Психолог не спортсмен: думая о достижениях, он регрессирует как личность, тем самым утрачивая этот, с позволения сказать, инструмент своей деятельности. Да, не специальные знания, не опыт, не благие намерения и не отдельные дарования, но целостная личность аналитика (конечно, на их основе сформировавшаяся) – инструмент его искусства. Чтобы практический психолог был эффективен, требуется, чтобы работа была для него образом, но не смыслом жизни, не объектом культа, а формой служения – вспомним метапотребности, по Маслоу, – служения «правде, благодати, красоте, цельности, преодолению дихотомии», неистощимой изменчивости самой жизни.

А.Р. Фонарев в своем исследовании рассматривает три модуса человеческого бытия: обладания, социальных достижений и служения. Если сопоставить эти модусы с «пирамидой потребностей» Маслоу, то модус обладания, при котором другой человек является не целью, но средством, соответствует фиксации на двух первых уровнях, модус социальных достижений – фиксации на третьем или четвертом уровнях, модус служения связан с выходом на уровень метамотивации.

«Сущностной природе человека, – уверен Фонарев, – отвечает модус служения, когда основным жизненным отношением является любовь к другим людям, что позволяет человеку выходить за пределы своих актуальных, наличных возможностей... Люди, живущие в соответствии с модусом служения,

¹⁵ Теплов Б.М. Избранные труды: В 2-х т. Т.1. М., 1985. С. 308-309.

основной формой взаимодействия которых с миром является духовное общение, содержащее невербализуемый, событийный компонент, за счет создания духовного «облака» удваивают свои способности, что, конечно же, не может не сказаться на их становлении как профессионалов»¹⁶.

Начало приведенной цитаты напоминает христианскую заповедь «возлюби ближнего своего, как самого себя». В отсутствие запятой смысл ее сводится к синтезу Я и Другого: «возлюби себя в ближнем» (патологическое слияние: люблю твое сходство со мной, отличия – искореню) или «возлюби ближнего в себе», т.е. открой в себе Другого как одну из собственных возможностей, открой в себе бесчисленных Других, расширь свою личность до тождества со всем человечеством.

Следование заповеди в такой ее трактовке не только предельная задача каждого психоаналитического сеанса для обоих его участников. Соблюдение этой заповеди соответствует юнгианскому пониманию смысла человеческой жизни как **индивидуации** – бесконечного приближения своей индивидуальности к божественной – соборной – сущности человечества.

В практике аналитической психологии – юнгианского психоанализа – предполагается встреча не врача и больного, но двух равноценных партнеров, признающих наличие у себя потребностей «дефицитарного» (пользуясь термином Маслоу) характера. Вместе с тем встреча эта состоится, благодаря общей метамотивации участников аналитического процесса и их готовности наслаждаться со-бытием друг друга во всеобъемлющей любви Афродиты Небесной.

Юнгианец не лечит «больного» и не развлекает хандрящего. Юнгианский аналитик искушает того, кто пришел к нему, примером собственного «метагедонизма», провоцирует (опять-таки пользуясь терминами Маслоу) «живость, вольность и игривость» в клиенте, будит его творческую сущность, пестует застенчиво процветшую душу.

¹⁶ Фонарев А.Р. Профессиональная деятельность как смысл жизни...//Мир психологии. М.; Воронеж, 2001. №2. С.107.

Джеймс Хиллман, ученик К.Г. Юнга и, по выражению В. Зеленского, «первая скрипка в постъюнгианском оркестре», парадоксально раскрывает смысл происходящего в приемной юнгианского аналитика: «Архетипическая психология воздерживается от определения целей для психотерапии... Цель остается перспективой, открывающейся по отношению к событиям... Архетипическая психология способствует развитию чувства цели как терапевтического в себе, поскольку это развитие повышает интерес пациента к психологическим явлениям... но не придает этим интенциям узкого значения»¹⁷.

Архетипическая психология, наиболее ярким представителем которой и является американец Дж. Хиллман, – одна из трех школ современной аналитической (юнгианской) психологии, по классификации Э. Самуэlsa. Помимо архетипической он выделяет классическую школу и школу развития¹⁸.

Дж. Хиллман в 1953 г. приехал в Швейцарию учиться у Юнга практической психологии. С 1959 по 1978 гг. он оставался директором Института Юнга в Цюрихе. Возобновил и расширил сеть юнгианских издательств «Спринг» в Европе и США. В 1978 г. вернулся в Америку преподавать психологию и продолжать свои исследования в области феноменологии и философии творческого воображения – сначала в Йельском, затем в Далласском университетах. Терапевт с почти полувековым стажем.

Архетипическая психология, в значительной мере детище Хиллмана, вписывается в структуру постмодернистского сознания. Это стиль мышления на пересечении литературы, искусства, религии и науки. Это попытка «ревизионистской борьбы», по выражению Хиллмана, на многих фронтах: психотерапия, литературная критика, медицина и философия.

Вместе с тем, на мой взгляд, именно представители архетипической школы ближе всех стоят к Юнгу концептуально, продолжая тенденцию вывода практической психологии за

¹⁷ Хиллман Дж. Архетипическая психология. СПб., 1996. С. 98-99.

¹⁸ См. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы: Курс юнгианского психоанализа. М., 1997.

пределы малой психиатрии в гуманитарную сферу. Впрочем, сам Хиллман, отдавая должное учителю, усматривает истоки архетипической психологии не столько в германской мысли, сколько в культуре Средиземноморья (античность, Ренессанс). Недаром из европейских стран Италия оказалась наиболее восприимчива к архетипическому подходу.

Называя в 1970 г. свой путь в психоанализе архетипическим, Хиллман не только хотел подчеркнуть интерес к образной системе психики, но и обозначить через термин «архетипическая» отношение психологии к культуре вообще (к мифологии, эпосу, драме, ритуалу, лингвистике, архитектуре, эстетике). Именно постулат Юнга о необходимости для аналитика гуманитарного, филологического в особенности, образования как условия его работы с образами лег в основу практических методов архетипической школы.

Я использую эти методы в своей практике как наиболее органичные мне и действенные. К их рассмотрению, а также к исследованию метамотивации межличностных отношений в терапии (с точки зрения архетипического аналитика) предлагаю теперь перейти.

Глава вторая. Метамотивация общения. Методы образоцентрической терапии

Джеймс Хиллман в своей работе 1983 г. «Исцеляющий вымысел» цитирует признание З. Фрейда, сделанное им в беседе с итальянским писателем Джованни Папини. (Запись беседы была опубликована в 1934 г.)

Фрейд говорит: «Мне удалось обходным путем прийти к своей цели и осуществить мечту – остаться писателем, сохраняя видимость, что я являюсь врачом. Все великие ученые мужи наделены воображением, но, в отличие от меня, никто из них не предлагает перевести идеи современной литературы на язык научных теорий... Гейне, Золя, Малларме объединяются во мне под покровительством моего старого учителя Гёте»¹⁹.

Заострив внимание читателя на этом редком откровении доктора, Хиллман подкрепляет его анализом основных произведений Фрейда. Три из них представляют собой истории болезни: «Фрагмент анализа случая истерии» (1905 г.), «Фобия пятилетнего мальчика» (1909) и «Замечания о заболевании паранойей» (1911). Они более известны под беллетристическими названиями: «Дора», «Маленький Ганс» и «Случай Шрёбера».

Все три истории болезни содержат непростительные, с точки зрения строго научного подхода, упущения. Во-первых, воспринимаемые как научные отчеты, они лишены силы эмпирического доказательства, так как представляют собой изложение по памяти и документально не подтверждены. Во-вторых, призванные засвидетельствовать истинность новой медицинской теории, они содержат лишь отрывочные и неопределенные сведения о терапевтическом методе, примененном при лечении данных случаев истерии, фобии и паранойи.

В-третьих, труды Фрейда по психиатрии отличает не просто хороший литературный стиль, не противопоказанный ни одному исследователю, но стилистические особенности, выводящие эти работы за пределы жанра научной литературы. Ин-

¹⁹ Цит. по: Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. СПб., 1997. С. 5.

триггующее опережение излагаемых событий, обещание подробностей, способных разжечь отнюдь не профессиональное любопытство... Предъявление самой фигуры автора, наделенной яркой индивидуальностью, автора, напрямую обращающегося к читателю, далекому от медицины. «Мы часто встречаем эти викторианские, написанные в духе детективных рассказов, обращения к читателю»,²⁰ – замечает Хиллман.

Непоследовательность или противоречивость сюжетной линии, изначально предъявленной в каждой истории, требует присутствия автора как персонажа, заполняющего лакуны, постепенно прорисовывающего второй, третий и т.д. планы картины. (*Глубинная психология...*)

Художественное творчество Фрейда на основе клинической практики, осознанное им самим в качестве такового, позволило мне с легкостью в начале первой главы превратить рассказ Конан Дойла в подобие клинического, в психоанализ сновидного материала. «Его [Фрейда] истории болезни похожи на сновидения»²¹, – подтверждает Хиллман.

Однако Хиллман не был бы оригинален, если бы ограничился перечислением «противоестественных» (в смысле «против естественнонаучного метода») вольностей венского психиатра: вся история критики психоанализа базируется на этом. Еще более, чем стилистические наблюдения Хиллмана, впечатляют подсчеты количества первых пациентов Фрейда (эмпирическая база его теории!), которое не превышало количества пальцев одной руки.

Оригинальность Хиллмана как «ревизиониста» классического психоанализа заключается в том, что в очевидном искажении Фрейдом принятого метода он разглядел принципиально новый подход, доступный обоснованию. Не естественнонаучный, но от того не менее объективный.

Американский психолог вскрывает «двойную динамику» метода Фрейда, пользуясь терминологией последнего: это динамика компромисса между осознанным стремлением позитив-

²⁰ Цит. по: Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. СПб., 1997. С. 6.

²¹ Там же. С. 11.

виста следовать медицинским фактам и бессознательной потребностью видоизменить эмпирическую методологию в направлении поэтического искусства.

В своем творческом развитии, по мнению Хиллмана, Фрейд проходит несколько этапов от привязанности к описанию конкретных клинических случаев через анализ произведений искусства к таким работам, как «Тотем и табу», «Моисей и монотеизм», эмпирических доказательств концепций которых найти невозможно. «Фрейд снимает эмпирическую маску, и перед нами предстает писатель в чистом виде»²².

Так что же, Фрейд – великий мистификатор, литературный авантюрист? В самом деле «двойник» Конан Дойла, строящий свои психологические детективы от лица доктора, солидно надувающего щеки и косящего при этом лукавым глазом?

Точка зрения Хиллмана состоит в следующем: помимо того что Фрейд открыл новый литературный жанр, объединив респектабельность естественнонаучной и блеск гуманитарной традиций, он перевел психотерапию из области эмпирической медицины в область «риторики творчества». Метод глубинной психотерапии использует «непреодолимую силу воображения, запечатленную в словах, в искусстве говорить и слушать»²³.

Фрейд заложил основы психологии, которая «опирается на процессы воображения, а не на физиологию мозга, структурную лингвистику или анализ поведения. Другими словами, это психология, которая признает существование **поэтической основы** сознательного разума»²⁴.

В другой своей работе 1983 года, можно сказать программной, «Архетипическая психология», Хиллман раскрывает, что подразумевается им под «поэтической основой разума».

Прежде всего, стоит сказать о неоплатонических корнях концепции Хиллмана, позволяющих душу (психология, смею напомнить, – наука о душе) рассматривать в качестве одной из

²² Цит. по: Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. СПб., 1997. С. 12.

²³ Там же. С. 6.

²⁴ Там же.

трех составляющих антропологической конструкции наряду с телом и духом. Если «тело» соотносится с материальным, природным, чувственно-эмпирическим, «дух» – с сознанием и логическим мышлением, то «душа» представляет собой вместилище сферы воображаемого, имагинативного.

Дуалистическая философская традиция, восходящая к Аристотелю и утвердившаяся в картезианстве, исключила это определение души из понятия психического, сводимого ею лишь к телу и духу. Поэтому, по мнению Хиллмана и его единомышленников (Э. Кейси, П. Берри), на Западе долго не могла возникнуть подлинная психология.

Итак, душа как «метакса», срединная область между человеческим и трансцендентным, представляет, по определению Хиллмана, «заложенную в нашей природе возможность творческого воображения, то есть... ту форму, которая рассматривает все реальности как преимущественно символические или метафорические»²⁵.

Образ в архетипической психологии не результат восприятия, но единица психической активности, элемент души индивидуальной как эманации мировой души. Именно поэтому субъективный образ носит общечеловеческий характер («коллективный», в терминах юнгианского психоанализа). Именно поэтому личное душевное событие всегда имеет социальное значение, о чем я уже говорила в первой главе.

И тем не менее в субъективном сознании образ всегда представлен не ноуменальным архетипом, а феноменальным явлением, наполненным конкретным содержанием. Практическая работа с образами (воспоминаний, сновидений, фантазий) – основа глубинной психотерапии как диалога – творческой риторической активности – его участников: аналитика и его клиента (термин «пациент» классического психоанализа здесь уже неуместен).

«Деятельность воображения в первоизданном, парадигматическом виде представлена сновидением, когда, скорее, сно-

²⁵ Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 73.

видец пребывает в образе, а не образ – в сновидце»²⁶. Русскому «в стародавние времена» в сказках аборигенов Австралии соответствует выражение «во времена сновидений». Необычайно точно! Вся человеческая мифология разворачивается во времена сновидений. Мифология – карта человеческой души. Душа живет в эпоху сновидений, в пространстве воображения. Вот откуда берет начало ее поэтическая природа. «Термины, используемые Фрейдом для обозначения действия сновидения – сжатие, смещение, символизация и др., – представляют способы поэтического выражения»²⁷.

Только поэтическими средствами, т.е. говоря на том же языке, можно работать с воображением. Поэтому задача обоих участников психотерапевтического процесса не истолкование образов, но погружение в них. Лишь новый образ может быть реакцией на образ собеседника. Некое сотворчество, близкое сотворчеству поэта и его читателя. С той разницей, что оба собеседника взаимно становятся катализатором креативности друг друга.

«Исходная задача такой вербальной работы с образами заключается в *восстановлении души в речи...* Образы пленяют, увлекают, убеждают душу своей риторикой помимо своего символического содержания. Работа с образами возвращает им первоначальное поэтическое значение, освобождая от... необходимости вести повествование с его причинно-следственными значениями»²⁸.

Поскольку все элементы реальности могут рассматриваться как метафоры психического, архетипическая психотерапия исследует события жизни клиента с точки зрения сновидения, как если бы они носили символический характер, являлись художественными образами.

Как можно исследовать реалии человеческой жизни в качестве метафор и сновидений, я уже отчасти показала в своем эксперименте с «Пестрой лентой». Теперь попробую проде-

²⁶ Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 62-63.

²⁷ Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. С. 49.

²⁸ Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 71.

монстрировать это на «живом» примере из собственной аналитической практики.

Уже года полтора к тому моменту, о котором я хочу рассказать, мы работали с 32-летним Владимиром. Мой клиент чрезвычайно досадовал на внезапные приступы хандры, начисто лишавшие его остроумия особого, парадоксального свойства, которому Владимир считал себя обязанным профессиональными успехами.

Хандра же, по его мнению, была вызвана неудачами «на личном фронте». Причем никого, кроме самого себя, винить в них не приходилось: Владимир регулярно, самым скандальным и безобразным образом, по его выражению, порывал отношения со своими подругами. И вел себя тем гнуснее, чем сильнее был увлечен девушкой.

Объясняя свои выходки страхом утратить свободу и в целом соглашаясь с характеристикой «бабника», выданной ему собственной матерью, Владимир, между тем, все с большей сентиментальностью предавался мечтам о жене и детях.

В ходе анализа мы постоянно блуждали даже не в трех, а в четырех соснах: 1) Владимир дорожит холостяцкой вольницей; 2) Владимир гиперзависим от мамы, чьим поздним, единственным и долгожданным (а потому балуемым) ребенком он по сей день остается; 3) Владимир боялся жениться, потому что не хотел причинить боль будущей семье, чувствуя в себе отцовские гены: подростком Владимир тяжело пережил внезапный развод своих родителей, за которым последовала женитьба 60-летнего отца на 18-летней девушке (мы особенно гордились этой версией); 4) мы предполагали возможность бессознательной неприязни Владимира к молодым особам (со второй женой отца Владимир до сих пор избегал знакомства).

Вокруг этих «сосен» мы водили хороводы, бились о них лбами, с них на нас падали шишки, а анализ не продвигался. Мы уже острили по поводу нашего «хвойного леса». Этим кодовым названием мы обозначили заколдованный круг четырех бесплодных «рабочих гипотез».

Но вот что произошло однажды. В реплике Владимира неожиданно снова всплыл, буквально «выскочил» один из этих

навязчивых объяснительных штампов. Снова выскочила «сосна», что мы оба заметили.

Выскочила сосна... Выскочила ёлка... Со мной накануне той нашей предновогодней встречи с Владимиром произошел забавный случай, который мне показалось уместным представить клиенту в качестве ожившей метафоры нашего привычного аналитического тупика. В гостях я распахнула дверь в комнату, где стояла наряженная елка, резко натянув тем самым отрезок шпагата, который фиксировал ее верхушку. Но это выяснилось позже. Я же, по-ковбойски распахнув дверь, увидела только прыжок сверкающей елки мне навстречу из ведерка, в котором она стояла.

И вот в кульминации рассказа, предполагающей веселое сочувствие моему испугу, Владимир, напротив, как-то затуманился и, помолчав, поведал мне свое первое детское воспоминание, навеянное услышанным только что.

Володе шел третий год, когда родители задумали устроить малышу классическую Ёлку: нарядили комнату за закрытыми дверями и мальчика впустили уже в готовое великолепие блесков, мишуры, музыки и горящих на огромной ели свечей.

В первый момент у Вовы от восторга перехватило дыхание!.. В следующий момент ель рухнула с гулом и треском бьющихся шаров. Вспыхнул пожар, который, впрочем, тут же потушили. Через год, по рассказам родителей, Володя при виде елки закатил истерику.

Теперь, в качестве лирического отступления, снова немного теории.

Метафора – использование слова или образа в переносном смысле по аналогии. (Аналогия – суждение о принадлежности признака предмету на основании того, что сходный с ним другой предмет обладает этим признаком. «Какова идея души, – учил Сократ, – это требует божественного изложения, а чему она подобна, – это поддается и человеческому. Уподобим душу соединенной силе крылатой парной упряжки и возничего...»²⁹).

²⁹ Платон. Федон. Пир. Федр. СПб., 1997. С. 205.

Данное уподобление предвосхитило трехчастную структуру психики, по Фрейдю. Но теперь речь о метафоре. Как видим, она как бы узнавание в одном объекте другого. Причем известно, что оба этих объекта принадлежат к разным конвенциональным категориям.

В отличие от аллегии, метафора не иллюстрирует образом отвлеченное понятие, но позволяет развернуть вне рамок конкретного значения захватывающую дух глубину смысла, который ускользает от понятийного мышления.

«Свойство меткого ума – видеть сходство и в вещах, далеко отстоящих одни от других... С помощью метафор становится ясно, что узнано нечто новое, и разум тогда говорит: “Как это верно!”»³⁰.

Метафора всегда потрясает человека и дразнит его рациональность. Иносказательное использование образа в первый момент представляется слушателю логической аномалией, по выражению представителей «группы μ », «отклонением от нулевой ступени» языкового кода. Разум тут же вовлекается в процесс «метафорической редукции», то есть поиска кратчайшего пути между двумя объектами, пока не будут проработаны все возможные критерии сходства (порой открывается бесконечность).

Метафорическая редукция предполагает в человеке определенную проницательность, благодаря которой он обнаруживает область пересечения двух разнородных значений. Найденное общее на миг превращает разнородное в тождественное, т.е. общий признак становится определяющим. Является нечто третье.

Тем самым метафора магически раздвигает границы понимания. Наглядным кажется мимолетное единство бытия. Метафора активизирует пралогические формы нашего мышления, в основе которых – аксиома «мистической сопричастности» (как назвал это явление Л. Леви-Брюль) – родства и живой связи всего со всем во вселенной.

³⁰ Аристотель. *Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории*. Минск. 1998. С. 976-977.

О поэтической основе разума Дж. Хиллмана заставляет говорить его понимание метафоры как языка души. Трагедию западной культуры архетипическая психология усматривает именно в «потере души», то есть в потере образного мышления как доминирующего. «Эта потеря привела к усилению субъективности, которая проявилась в замкнутом эгоцентризме западного сознания... Метафорический подход, с помощью которого обыденные явления рассматриваются как образы, позволяет обнаружить «чувство и страсть» там, где картезианский ум усматривает лишь простое расширение обездушенных бесчувственных объектов... поэтическая основа разума позволяет психологии выйти за пределы личной субъективности»³¹.

Обращенная к архаичным пластам человеческой психики, метафора воздействует на них с неотразимостью действия логического доказательства на рассудок. «Вправе ли мы отказывать аналогии в доказательной силе, если один только тот факт, что она способна заставить нас предпочесть одну гипотезу другой, уже указывает на то, что она обладает силой аргумента»³², – писал основатель «новой риторики» Х. Перельман.

Задача же практической работы в архетипической психологии и сводится к тому, чтобы «переписать или сочинить за пациента на основе сотрудничества историю, пересказав ее более глубоко и достоверно»³³.

Возвращаясь к истории Владимира, можно сказать, что анализ не продвигался, пока мы оперировали вероятными, но неверными рассудочными интерпретациями («блуждали в четырех соснах»). Перелом наступил, когда был найден метафорический ключ к проблеме. Эпизод с «прыгающей елкой», ассоциированный Владимиром с его полузабытой «падающей елкой», явился случайно. (В психоанализе вообще значительную роль играют такие случайности, внезапно приносящие в терапевтическую беседу аффективный заряд.) Вместе с тем образ-

³¹ Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 78-79.

³² Перельман Х. Из книги «Новая риторика...» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 226-227.

³³ Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 100.

ный строй наших «поисков истины» сам собой будто уже давно подсказывал эту ель. Кому из нас первому явилась метафора «хвойного леса», в котором так естественно было заметить, наконец, елочку между соснами?..

Как бы то ни было, лесная елка зажглась метафорическими огнями, превратившись в новогоднюю, символическую уже по своему замыслу. И «поэтическая основа сознательной психики» моего клиента узнала себя в зеркале точной метафоры, которой сделался реальный факт прошлого.

А. Адлер, ученик Фрейда, один из трех основателей психоанализа (знаменитый анекдот: «Вы – Юнг? О, знаю – Фрейд-Адлер-Юнг!»), придавал исключительное значение первым детским воспоминаниям. Он считал, что из множества, как правило, незначительных эпизодов раннего детства какое-нибудь одно остается в памяти на всю жизнь именно потому, что оказывается символом системы ценностей (и поведения на ее основе) данной личности.

Вот так и воспоминание Владимира о рухнувшей елке в мгновенном и единомысленном озарении представилось нам обоим символом его психологической проблемы. Рационально приемлемые гипотезы были отброшены, уступив место единственной эмоционально достоверной, выработанной аналитиком и клиентом в риторическом сотворчестве. «Как это верно!» – изумилась томимая недугом душа и, обретя себя, стала возвращаться к жизни.

На лгущем языке изреченных мыслей явившееся Владимиру откровение можно описать приблизительно так: «Во мне живет безотчетная уверенность в том, что все восхитительное должно рухнуть. Чем ослепительней великолепие, тем очевиднее угроза. Когда мрачное ожидание этого становится нестерпимым, я сам провоцирую катастрофу, лишь бы скорее наступила разрядка. Пусть теперь грянет гром, все равно неотвратимый! Пусть все гибнет, рассыпается осколками, горит синим пламенем!».

У Владимира пропала потребность учинять скандальный разрыв в разгар романа. Меньше чем через год законным браком оформилась имевшаяся тогда в наличии связь. На свадьбе

и я была, мед-пиво пила... Со счастливым концом оказалась сия «терапевтическая сказка».

Ближе к терминологии Хиллмана было бы назвать ее «терапевтической фантазией». «Отклонения от классического анализа проявляются не столько в форме терапии, сколько в ее направленности, – пишет Хиллман. – Архетипическая психология рассматривает психотерапию как разыгрывание фантазии. Вместо назначения и применения той или иной предписывающей формы лечения она подвергает самопроверке терапевтическую фантазию»³⁴.

В случае с Владимиром практическая задача была решена, терапевтическая фантазия оправдала себя. Такая «образоцентрическая» терапия, как и всякая другая, преследует ближайшую цель в улучшении самочувствия и объективного состояния объекта психоанализа (клиента).

Эта цель, как правило, достигается благодаря методике **«активного (или направленного) воображения»**. Она стимулирует приход образов-откровений, образов-инсайтов, как в вышеописанном случае. Об этой методике мы поговорим более подробно.

Методика, или метод, как его принято называть, активного воображения, применяемый последователями Юнга, был изобретен самим отцом аналитической психологии в неоплатонической традиции образного мышления. Эпиграфом к истории применения этого метода Юнг предпослал описание Гёте своей необычной способности: стоило поэту что-нибудь представить, например, бутон, тут же, как бы сами собой, бесчисленные лепестки его начинали раскрываться... Цветок оживал, не подчиняясь более воле своего «создателя».

Оказалось, что и воображение простых смертных, конечно, не столь неукротимое, все же вполне способно «понести», если бросить поводья. Поначалу сюрпризы, которые преподносит нам фантазия, шокируют.

Молодой человек, впервые испытывающий на себе метод активного воображения (под моим руководством), «слонялся»

³⁴ Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 99.

по виртуальному дому, описывая мне вслух интерьер. Я попросила его «заглянуть» под лавку, на которую он только что «сел». Исследователь «заглянул и обнаружил» там... сдувшийся красный шарик, к своему полному недоумению. Не зная, куда его деть, юноша «нёс» этот шарик за нитку до конца путешествия и все спрашивал меня потом, что бы это значило (спросил бы шарик!).

Другой молодой человек, таким же способом оказавшийся в березовой роще, очень быстро «вышел» на полянку, где «увидел» растянутый меж двух стволов гамак. Изъявил желание лечь в него. И никакой земляницей, никаким внезапно донесшимся запахом дыма, никаким хрустом веток «сманить» мне его не удалось. Так и заснул путешественник «в гамаке» на самом деле, то есть в моем кресле. «Спит – значит доверяет!» – безуспешно пытались утешить меня коллеги.

Образы приходят сами и живут своей жизнью, как литературные персонажи в воображении писателя. Своевольничать автору в их судьбе значит не только нарушить закон их автономного существования, но и разрушить собственный, не вполне еще осознанный, замысел произведения.

И все же спонтанное фантазирование в методе активного воображения ограничено – отправным пунктом, требованием вербализации всего происходящего в воображении, наконец, теми элементами обстановки или лицами, которые привносит – «подкидывает» – терапевт в чужой «сон наяву» по мере необходимости. Эти инородные вкрапления и направляют фантазию (откуда второе название метода). Они регулярно активируют волю человека, побуждая ее не противостоять, но взаимодействовать с имагинирующей душой.

Юнгианская психодрама (эkleктическое направление, разработанное современными германскими психологами Эллиной и Хельмутом Барц на основе юнгианского анализа и классической психодрамы Дж. Л. Морено) еще в большей степени требует сбалансированного альянса между волей и воображением. Ведь «инсценировка» реальной проблемы одного из уча-

стников группы строится на экспромтном взаимодействии членов всего «актерского ансамбля»³⁵.

Вообще психоаналитические методы используют приемы, возникшие гораздо ранее и XIX, и XX веков. Недаром Фрейд называли венским шаманом, а аналитическую психологию Юнга – западной йогой. Общение с незнакомцами в едином пространстве души (то, что в русской магической практике называется «окликанием») имеет нечто общее с диалогом в процессе активного воображения.

«Окликание», знакомое теперь, главным образом, по способу крещенских девичьих гаданий (спрошенное у первого встречного имя должно оказаться именем суженого), на самом деле имело более широкое применение. Если человека мучил какой-то вопрос, если трудно было сделать выбор, он мог обратиться за помощью к «встречному-поперечному», и ответ (или совет) того воспринимался как руководство свыше.

Такое общение, нивелирующее индивидуальные особенности и социальные роли вступивших в него, утоляет жажду души из «артезианской скважины» в глубинные пласты коллективного бессознательного.

И все же метод активного воображения отличается от магии, искусственно стимулирующей интуицию ради достижения могущества личности (ее прозорливости, контроля над людьми и обстоятельствами). Дж. Хиллман подчеркивает это: «Фауст все еще господствует в нашем самопознании, извращает принцип «познай себя», превращая его в стремление выйти за пределы, первоначально заложенные в этом принципе: «Познай, что ты всего лишь человек, а не Бог...» Юнговский метод существует не в силу духовной практики, трансцендентности мирского, мистического видения или единения... Активное воображение, столь близкое искусству по методу, отличается и от искусства по своей цели. [Она] состоит в исцелении психики путем восстановления ее в метаксе, от которой она отошла, заболев буквализмом... Это возвращение к срединной сфере вы-

³⁵ См. Барц Э. Игра в глубокое: Введение в юнгианскую психодраму. М., 1997.

мысла, мифа позволяет нам ознакомиться на уровне диалога с той вселенной, в которой мы живем... Самопознание представляет собой исцеляющий вымысел, вихревое вращение в кругу своих видений. Оно характеризуется нелинейностью и прерывностью. Мы можем придумать связи между моментами откровения, но эти связи скрыты, подобно пустотам между искрами»³⁶.

И все же хочется «придумать связи между моментами откровения»! Рациональное начало и аналитика, и его клиента требует логической реконструкции, концептуального обоснования случившегося. Ведь «терапевтическая фантазия» – это не только новая версия душевной биографии, принятая за истину, это еще и теоретическая гипотеза, установление причинной необходимости всего произошедшего с клиентом. Воссоздание строгой каузальности по шаблону научной теории. Наше позитивистское мышление терпит только «фокусы с разоблачением»? Извольте!

Вернемся к истории со «старым холостяком» и новогодней елкой. Сразу оговорюсь, что никто не может сказать достоверно, в самом ли деле детский испуг мог наложить отпечаток на всю первую половину жизни человека. Возможно, наоборот, эмоциональные реакции, составляющие актуальную проблему клиента, будучи однажды уподоблены прошлому аффекту, «ушли» в него, как ручей в озеро. Возможно, они обрели свой предмет в давно уже, в сущности, безопасной елке, которая, как громоотвод, приняла на себя эти блуждающие энергетические разряды.

Тем не менее история Владимира (в той версии, которая избавила его одновременно от «свободы» и сплина) ладно вписывается в **теорию установки Д. Н. Узнадзе**³⁷, советского исследователя неосознаваемых процессов, возглавившего в середине XX в. грузинскую школу психологии. Именно «по Узнадзе» я и преподнесла Владимиру динамику формирования невротической симптоматики, приведшей его ко мне.

³⁶ Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. С. 98-100.

³⁷ См. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966.

В отечественной науке принята следующая классификация неосознаваемых процессов: 1) надсознательные; 2) неосознаваемые побудители сознательных действий (ими занимался Фрейд); 3) неосознаваемые механизмы сознательных действий. Последние, в свою очередь, делятся на: а) первичные автоматизмы и навыки; б) неосознаваемое сопровождение сознательных действий; в) явления неосознаваемой установки.

Именно эта последняя категория неосознаваемых процессов привлекла внимание Узнадзе, который находил бессмысленным понятие бессознательного у Фрейда: все то, что, по Фрейду, неосознаваемо, может быть осознано. Неосознаваемые же установки, считал Узнадзе, в принципе не могут быть достоянием сознания, но оказывают на него влияние.

Установка, по определению Узнадзе, – это целостное состояние субъекта, выражающее его готовность к совершению определенных действий или к реагированию в определенном направлении.

Различаются: моторная (мускульная), перцептивная (установка восприятия) и умственная установки.

Узнадзе экспериментально исследовал формирование установок и эффекты их проявления. Ключевым экспериментом заключался в следующем: испытуемому клали на ладони по небольшому шару, предлагая сравнить величину шаров. В пятнадцати «установочных» пробах шарик в левой руке всегда оказывался чуть больше того, что в правой. В шестнадцатой, «критической», пробе испытуемому предлагали шары одинакового размера.

«Критический» эксперимент позволил обнаружить возникновение двух иллюзий как следствия сложившейся установки ощущать в левой руке более крупный шар. При «контрастной иллюзии» из двух шаров одинаковой величины «левый» казался теперь меньше «правого». При «ассимилятивной иллюзии» из двух одинаковых шаров «левый» по-прежнему воспринимался большим.

Говорить о неосознаваемом влиянии установки позволило Узнадзе изменение условий эксперимента. Пятнадцать установочных проб проводили с испытуемыми под гипнозом. Шест-

надцатую, критическую, делали по выходе испытуемых из гипнотического состояния, так что люди как бы впервые видели предлагаемые им шары, не помня ничего о предыдущих пробах. Проявление обеих иллюзий установки у этих испытуемых ничем не отличалось от проявления их у тех, кто осознавал и помнил весь ход эксперимента, т.е. не подвергался гипнозу.

Опыты, подобные этим, не имели бы никакого отношения к истории Владимира, если бы не два эффекта, открытые Узнадзе в ходе экспериментирования. Так называемый **эффект иррадиации установки** позволяет в критическом (16-м) эксперименте не давать в руки шары, а только показывать их испытуемому, что не влияет на результаты. И, наоборот, оказалось возможным выработать установку оптически, зафиксировав ее проявление в 16-й, единственной осязательной, мускульной, пробе.

Эффект иррадиации установки позволил Узнадзе сделать вывод о том, что установка возникает во всех пяти чувствах одновременно. Значит, ее возникновение обусловлено активностью не отдельных органов, а всего организма, всей психики, точнее, как единого целого.

Более того, в школе Узнадзе экспериментально подтвердили специфически человеческую способность фиксировать установку на основе представления (пятнадцать раз только воображать в своих руках шарики разной величины). Между прочим, выяснилось, что эта способность выше у людей, наделенных актерским дарованием. Таким образом, не только ощущения определяют наше воображение, но и фантазия как часть целостной психики влияет на достоверность восприятия. Таким образом, Узнадзе невольно подтвердил экспериментально тогда еще не существовавший основной тезис теории Хиллмана.

Вторым обнаруженным Узнадзе эффектом стал так называемый **эффект генерализации установки**: установка может распространиться с предмета, по отношению к которому была фиксирована, на другой, совершенно отличный (например, с шара на многогранник в 16-м мускульном эксперименте).

Узнадзе сделал вывод, очень важный для психологии личности: установка не просто целостное состояние организма,

она результат целостной модификации личности. Вот почему эффект генерализации проявляется также и в том, что установка может фиксироваться без повторения (то есть не за пятнадцать, а в ходе всего одной-двух проб) и проявляться даже в условиях неадекватного раздражителя (по поговорке: обжегшись на молоке, дуешь на воду) в случае ее высокой личностной значимости.

Так все же какое отношение шары и многогранники Узнадзе могут иметь к душевной биографии Владимира? Разумеется, метафорическое!

Первой установочной пробой стал эпизод с крушением новогодней елки. Трудно сказать, фиксировалась ли уже тогда пессимистическая установка. Узнадзе подчеркивал, что установка проявляется: а) при наличии потребности; б) в соответствующей ее удовлетворению ситуации. Возможно, безотчетная потребность созерцать крушение надежд у Владимира уже возникла, но не было еще объекта упований, достойного той детской елки, т. е. столь же прекрасного и столь же шаткой конструкции – колосса на глиняных ногах.

К сожалению, оказалось, что такой объект всегда был рядом. Второй установочной пробой, уже в отрочестве Владимира, стал внезапный уход из семьи отца, размен квартиры, болезнь матери, которые за этим воспоследовали.

«Шар Узнадзе» (хрупкий елочный шарик, в нашем случае) был подменен «многогранником Узнадзе» (многогранной фигурой отца – авторитетного, всезнающего, талантливое, азартного, элегантного, просто нежного – с сыном, неотделимого от матери, в браке с которой 35 лет...). Эффект генерализации установки...

На сей раз установка была фиксирована, целостная модификация личности Владимира произошла. Установка не только «перешла» с младенческого чуда – елки – на отца – кумир отрочества, столь же ослепительный и так же падший (обратите внимание: метафора падения, здесь уже вошедшая в языковую норму). Реальный эпизод с елкой, зримый и слышимый, метафорически сросся в бессознательном мальчика с предательством отца (а с ним и всего уютного прежнего мира), затронув-

шим все пять... нет, все шесть чувств! Установка иррадиировала, пронзив всю душу. «Личностная значимость» ее стала вне конкуренции. Она регулярно стала проявляться позже, выражаясь опять языком Узнадзе, в условиях неадекватного раздражителя – в отношениях с каждой девушкой (предполагаемым «гением» – как «чистой красоты», так и «домашнего очага»).

А что такого могло случиться в ходе терапии, что разомкнуло порочный круг личностной неосознаваемой установки клиента? Д.Н. Узнадзе назвал бы это **объективацией** – переходом с уровня установок психики к сознательным содержаниям, когда отрезок жизни, непрерывной и текучей, становится объектом внимания и предметом мысли.

Мы с Владимиром представили его отца, снимающего с елки игрушки... А рядом с ним ту, любви которой было особенно жаль...

Узнадзе считал, что на уровне объективации человек становится независим от самого себя и обретает – несладкую – свободу выбора.

Так ли все было на самом деле? Верно ли мы истолковали цепь событий? «Теория личных конструктов» Джорджа Келли составляет один из источников толкования текста»³⁸, – замечает Хиллман в своей работе «Архетипическая психология». Какие возможности наши освещает Келли, психолог когнитивного направления?

Согласно его теории, мир – реален, но живое создание наделено творческой способностью репрезентировать окружающую среду, а не просто реагировать на нее. Жизнь вообще предполагает репрезентацию или истолкование реальности. И любое восприятие мира столь же реально, как и сам мир. Ибо живое существо со своими перцепциями – часть его.

«Человек смотрит на мир сквозь прозрачные трафареты или шаблоны, которые он сам создает... Будем называть эти шаблоны конструктами. Конструкты суть способы истолкова-

³⁸ Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 100.

ния мира»³⁹. Конструкт, по Келли, проверяется, исходя из его предсказательной эффективности. Фокус его пригодности находится в зоне приспособления человека к стрессу.

Негодные конструкты должны быть заменены, но нередко случается так, что люди не спешат подвергнуть свои конструкты добросовестной проверке: их страшит возможность обнаружить непригодность своей устаревшей системы оценок. В таком случае человек попадает в дискомфортное положение: он не в силах более предсказывать развитие событий и управлять ситуацией, к чему мы все так стремимся, пока не модернизирует систему личных конструктов, пока не поймет в принципе, что толкования мира, подобно научным теориям, подлежат уточнению и пересмотру.

«Мы твердо стоим на том, что, когда имеешь дело с миром, всегда есть альтернативные истолкования, доступные для выбора... Мы называем эту философскую позицию *конструктивным альтернативизмом*»⁴⁰.

В той степени, в какой человек может толковать свои обстоятельства, он способен освободиться от их господства над ним. Но он может сделаться и рабом собственных представлений. Вновь отвоевать себе свободу человек в силах, приняв иное толкование жизни.

Данная позиция Келли, как и теория Хиллмана, восходит к античной философии. Она близка софистическому определению мудрости, данному Протагором: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют... [Мудрый тот], кто, если с кем-нибудь из нас случится кажущееся и действительное зло, сумеет превратить его в кажущееся и действительное добро»⁴¹.

Число альтернативных способов согласования теории («пробного образа мира») с событиями бесконечно, но отличимо все же от бесконечного числа способов, которыми такого

³⁹ Келли Дж. Психология личности: Теория личных конструктов. СПб., 2000. С. 18.

⁴⁰ Там же. С. 26.

⁴¹ Хрестоматия по истории философии: От Лао-Цзы до Фейербаха. М., 1998. С. 99.

согласования достичь не удастся. Задача терапевта – определить диапазон поиска и обнаружить метод согласования.

Психологи долго смотрели на методологию и предмет физиологии как на свой фундамент. «Однако мы скептически относимся к копированию теорий, которые конструировались для других фокусов пригодности... Пора приступить к абстрагированию научных принципов в рамках опыта работы психологов, вместо того чтобы обшаривать задние дворы соседей в поисках методологических паданцев... Мы выбрали в качестве фокуса пригодности психологическую реконструкцию жизни. Мы занимаемся выявлением лучших способов помочь конкретному человеку пересмотреть свою жизнь, с тем чтобы не стать жертвой своего прошлого»⁴². Вплоть до пересмотра собственной идентичности.

«Образоцентрическая» терапия, используя метафорический язык психики человека, заживляет душевные раны и возвращает к жизни. Архетипическая теория освобождает из плена прошлых рационализаций, считая любую научную концепцию пригодной в качестве прогностического и объяснительного принципа, если она удовлетворяет когнитивной потребности как клиента, так и аналитика на данном этапе их личностного развития. Принимается любой «исцеляющий вымысел».

Тем самым удастся достичь субъективного и объективного улучшения состояния клиента. Однако, как я уже говорила, архетипическая психология рассматривает это всего лишь как ближайшую цель.

Сверхзадачу «образоцентрической» психотерапии Дж. Хиллман формулирует так: «...выздоровление души мира на основе рассмотрения мирового облика с эстетической точки зрения...»⁴³. Такое представление о психотерапии стремится воплотить в реальной жизни поэтическую основу сознательной психики в виде имагинативной реакции на окружающую среду как образную, метафорическую.

⁴² Келли Дж. Психология личности. С. 35-36.

⁴³ Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 102.

В таком случае не оказывается ли психология частью болезни, а не частью исцеления, как спросили однажды Хиллмана? В самом деле, пребывание в мире грез, как принято считать, помогает забыться, но не обустроить свое земное существование. Психиатрические лечебницы полны теми, кто заблудился «в стране эльфов», чье болезненное воображение смыло грань между явью и галлюцинацией. Стоит ли выпускать джинна из бутылки еще и на терапевтических сеансах?

Конечно, юнгианский анализ показан не всем. Нуждаются в нем прежде всего те, кто привычно осуществляет мощный сознательный мониторинг своей жизни, своих отношений и чувств.

Склонные к рефлексии, эти люди тем не менее страшатся и просто уже не могут хоть на миг ослабить волевой контроль над собой. Хроническое напряжение Я, если хотите, *эго-спазм* у таких людей приводит к повышению порога сознания. Силясь различить что-то в потемках собственной души, они, напротив, мешают ее содержаниям предстать в свете сознания. Сильное Эго, способность в любой момент дистанцировать себя от своих иллюзий и видений, – условие погружения в имагинативную реальность, подобное спасательному кругу на нырятьщике: утонуть не даст, но и жемчуг со дна достать не позволит.

Доверие к аналитику позволяет клиенту с сильным Эго рано или поздно передать терапевту часть функций сознательного контроля. «Присмотрите за моим кейсом! – просит, наконец, нырятьщик и по-детски уступает соблазну поплескаться и поиграть в волнах. – Как я плаваю?» – осведомляется он, вылезая обратно на берег.

С этого момента начнет работать основная клиническая схема юнгианской терапии. Теперь клиент, по словам Л. Хегая, «сможет в безопасном аналитическом пространстве ассимилировать архетипическую энергию своих переживаний и освободиться от ложных защит и неадекватного эго-функционирования, что расчищает дорогу для творческой жизни... [Эту клиническую схему] можно уподобить идее прививки в профилактической медицине. Полезная иллюзия... вызывает искусственное расстройство, болезнь в легкой форме, ко-

торая не приносит вреда, но, напротив, позволяет выработать иммунитет и более не болеть вообще»⁴⁴.

Не секрет, что тяжкие душевные потрясения и расстройства, как правило, поджидают тех, кто имел основания долгие годы гордиться своей стабильной психикой и эмоциональной уравновешенностью.

Итак, архетипическая терапия ориентирована, главным образом, на так называемых «нормальных» людей, страдающих не психическими отклонениями, а тем, что Маслоу называл метапатологией. И прежде всего, депрессией, не связанной с физиологическими, эндокринными, нарушениями.

К.Г. Юнг считал, что депрессия (хронически плохое настроение со снижением работоспособности) – свидетельство оттока энергии из сферы сознания к бессознательным психическим структурам. Это часто бывает связано с «вынашиванием», вызревaniem чего-то в недрах души.

Если речь идет о художнике, это может быть замыслом произведения. Если о простом смертном, – таким «произведением» могут стать перемены в его жизни, переосмысление судьбы – призвания, социальной роли, готовящиеся исподволь и осознающиеся разом как настоятельное внутреннее требование: «Не могу иначе!».

Депрессия – крайне дискомфортное состояние и, вместе с тем, творческое само по себе. Многие подверженные ей обращали внимание, как пусты их письма и разговоры в пору дурашливого счастья, но как глубокомысленны и полны «божьих искр» они становятся в «проклятые» периоды хандры.

Душевные силы, как вода в песок, ушедшие на глубину, все же пробиваются то и дело, рисуя неясные эскизы нового узора, по меньшей мере, испытывая возможности его создателя. «Я страдаю плохим настроением... – пишет мой студент. – Иногда я думаю: “Вот пройдет время, и все наладится”. Но по-

⁴⁴ Хегай Л. Глубинная психология: На краю сцены // Дж. Хендерсон. Психологический анализ культурных установок. М., 1997. С. 193.

чему-то этого не происходит. Я просыпаюсь утром, а там опять серое небо, которое, как кисель, затянуло нас с разных сторон».

И как ни плачевно состояние автора, фраза эта дышит, говорит, весь мир властно вовлекает в круг душевной смуты, небо призывает в свидетели человеческой смертной тоски. Автор не выдумал эти слова. Они ему явились, как явилось и знание единства своей потерянной души с сущностью, одушевляющей видимый мир. От одушевления до воодушевления – один слог. От опустошенности до вдохновения – интервал между выдохом и вдохом.

Дар эстетического взгляда на жизнь, вопреки страданиям и гибели (гибели надежд, таланта, былой идентичности, любви... наконец, вопреки физической смерти) – основа юнгианского аналитического процесса. Поддержание и раскрытие друг в друге этого дара – смысл терапевтических бесед и «домашних заданий» из области арт-терапии (рисунок, скульптура), которые также практикуются в юнгианском анализе.

Эстетический взгляд единственный позволяет человеку видеть нетленное в преходящем, тот сплав воображаемого и реального, что зовется Красотой. Эстетический взгляд на мир единственный позволяет распознать универсальное в индивидуальном, тем самым бессмертное прозревая в бренном.

«Чего же хочет тот, кто любит прекрасное? – спрашивала юного Сократа его мудрая наставница Диотима и сама отвечала. – Любовь – стремление родить, произвести на свет в прекрасном... потому что рождение – это та доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу... А значит, любовь – это стремление к бессмертию... Кто будет созерцать прекрасное, обильно рождая великолепные речи и мысли, тот вдруг увидит то, ради чего и были предприняты все предшествующие труды, – нечто, не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, прекрасное само по себе. И в созерцании прекрасного самого по себе только и может жить человек, его увидевший... Если кто-либо из людей бывает бессмертен, то именно он»⁴⁵. Юнгианцы восприняли учение Диотимы.

⁴⁵ Платон. Федон. Пир. Федр. СПб., 1997. С. 149-160.

Если религиозные доктрины обещают бессмертие по ту сторону могилы, юнгианский анализ стремится освободить человека от гнетущего чувства своей конечности при жизни. Собственно, в избавлении от страха смерти, а не в бессмертии как таковом нуждается человек. Осознание своих эмоций, мыслей и фантазий как надындивидуальных, признание игры бессмертных богов в повседневных случайностях производит катарсис (в основе которого страх и сочувствие, как утверждал еще Аристотель), пьянит эйфорией бессмертия.

Современному человеку, в отличие от античного, только эстетический подход к действительности, метафорическое ее восприятие способны даровать такое упоение.

Кстати, и удержаться от «упоевания» иного рода... Юнгианский анализ способен приоткрыть вечность, обогатив земную жизнь человека, не отнимая ничего, ничего не беря взамен.

К сожалению, страдающие метапатологией не всегда способны дождаться творческого взлета с плато депрессии, чувства посреди тусклой трясины цинизма, не в силах выпростать себя к жизни из этого кокона – парализующего страха смерти.

Алкоголь и наркотики кажутся тогда легким выходом... Человек не замечает, как сам у себя берет займы жизнь, обжигаясь, глотает ее концентрат, обкрадывая и сокращая оставшиеся годы. Смертельно пить неразбавленное вино, считали древние греки... Волшебная сила заключена не в дозе и не в бутылке. Они лишь помогают взломать до срока кладовые нашей собственной души. Запасы оскудевают. Сила, предназначенная для усвоения жизненного опыта и, таким образом, для личного роста, пускается на ветер. Деградация личности вместо трансформации ее станет уделом «энергетического банкрота».

Юнгианская психотерапия специально не предназначена для преодоления химической зависимости. Но удачно протекающий аналитический процесс гарантирует от ее формирования. «Образоцентрическая» терапия представляет собой альтернативу употреблению наркотиков для тех, кто относится к «группе риска», – для испытывающих депрессию, страхи, одиночество.

С «кисельных» берегов тоски по «млечному пути» воображения летит байдарочка... Неиссякаем диалог «бессмертных» гребцов, сидящих в ней, неисчислимы вариации вечных тем... Неугомонен Сократ... Ничто не ново в этом мире, но неожиданно и вечно юно все – это ли не доказательство присутствия олимпийцев?!

«Политеистическая аналогия имеет одновременно религиозный и нерелигиозный характер, – пишет Дж. Хиллман. – Архетипическая психология не собирается поклоняться греческим богам... Мы не собираемся возрождать мертвую религию, поскольку мы не занимаемся проблемами веры... [Однако] мифы предоставляют место для психических событий... Предоставляя убежище и алтарь, боги способны упорядочить... мир природы и человеческого сознания... Все феномены «спасаются» посредством определения своего местоположения, которое тотчас придает им ценность. Мы определяем местоположение каждого события на основе его сходства с мифическими формами... [стремимся к самому] архетипичному ощущению принадлежности всех вещей мифу»⁴⁶.

В психотерапии методика такого «определения местоположения» называется **амплификацией**. Однако слишком усердное и буквальное следование этой технике сближает ее с Фрейдовой интерпретацией, убивая творческий компонент. Клиент вправе обидеться, наблюдая, как увлекшийся аналитик «шьет» ему архетипы. Диапазон мифологических моделей превосходит познания любого аналитика, об этом не стоит забывать, переходя от активного воображения к амплификации (расширению и усилению) образа.

Тем более невозможно свести символическую неисчерпаемость жизни к нескольким архетипам, описанным у Юнга как наиболее часто встречающиеся.

Все же в основе любой современной практики аналитической психологии лежит юнговская теория архетипов коллективного бессознательного, к рассмотрению которой мы приступаем в следующей главе.

⁴⁶ Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 90, 92.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ В ПРАКТИКЕ ЮНГИАНСКОГО И ТРАНСАКТНОГО АНАЛИЗА

Глава первая. Архетипические модели межличностных отношений

Выстраивая свою теорию коллективного бессознательного, К. Г. Юнг часто прибегал к метафорическому языку. Следуя его примеру, я хочу предварить изложение теории Юнга сюжетом одной сказки, вдохновившей В. Ирвинга на создание новеллы «Паломник любви».

В ней говорится о принце, которому в младенчестве предсказали гибель от любви к женщине. Желая сохранить сыну жизнь, король заточил его в уединенном месте, где наследник рос, не зная ни в чем недостатка. Только две вещи оказались для него под запретом: никто не должен был произносить в его присутствии слово «любовь», и ни одно существо женского пола не могло проникнуть во дворец.

Пришла пора, и юноша начал томиться неведомой тоской, предчувствием великой тайны. Он стал питать необъяснимую привязанность к плакучей иве, росшей в дворцовом парке, чей гибкий ствол и крона, ниспадавшая до самой земли, восхищали его. Он украшал ветви дерева цветами и дни напролет просиживал под ним.

Наконец, голубь проворковал ему о любви, а ветер опустил на плечо золотистый девичий волос, который не мог принадлежать, как сразу понял молодой затворник, никому из известных ему созданий. И принц (навстречу многим опасностям) бежал на поиски той, что потеряла волосок...

Извечное непреодолимое влечение «идти туда, не знаю куда, искать то, не знаю что». Доходят. И находят. Узнают.

Этот сюжет, на мой взгляд, является превосходной иллюстрацией функционирования коллективного бессознательного. Оно покоится в нас тем самым неизъяснимым **образом мира**,

который делает помимо воли избирательным наше восприятие, заставляет его по крупицам извлечь из окружающего то, что впоследствии наши фантазия и память облекут в конкретный и индивидуальный для каждого **мир образов**, воспроизводящий более или менее заданную картину.

Приведенный мною сказочный пример интересен тем, что бессознательное в данном случае предъявляет свои требования к персонажу через активацию архетипа женственности (души, или Анимы).

Парный архетип анимы/анимуса (души/духа) Юнг называет среди архетипов, оказывающих наиболее частое и беспокоящее влияние на Эго. «Аниму и анимус можно распознать через отношение к партнеру противоположного пола»⁴⁷, – отмечает Юнг. Однако не все содержания анимы/анимуса проецируются.

Завязка сказочного сюжета, который я только что напомнила, строится на том не вызывающем сомнений факте, что «все существо мужчины предполагает женщину – как телесно, так и духовно. Его система априори настроена на женщину, как и подготовлена к совершенно определенному миру, где есть вода, свет, воздух, соль, углеводы... родители, дети, рождение и смерть... форма этого мира, в который он рожден, уже врождена ему как виртуальный образ... как психическая готовность»⁴⁸.

Ни один образ реальной девы не запечатлен в памяти принца благодаря уникальному «психологическому эксперименту» его отца. Даже матери своей он не видел. И все же мы с удивлением наблюдаем, как эфемерный образ Женственности будто бы руководит выбором принца, стремящегося отыскать предмет своей безотчетной потребности в возлюбленной. «Стройный стан» и «девичьи косы» молодой ивы оказываются более всего похожими на то, чего ищет, не умея ни представить этого, ни описать, герой.

⁴⁷ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. СПб.; М., 1997. С. 173.

⁴⁸ Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1996. С. 255.

Так продолжается до тех пор, пока не находится нечто, еще ближе подводящее принца к тому, что незримо, но желанно, чего пока еще он даже не умеет назвать словом «суженая». Доверяя безошибочности интуиции, принц прощается с миром грез и иллюзий, решается на активный поиск воплощения анимы в реальном мире.

Интуиция – беззвучный камертон судьбы – заставляет принца настроить по нему свою жизнь. Пусть это слово и послужит нам ключом к теории К. Г. Юнга. Согласно Юнгу, интуиция – одна из основных функций души наряду с восприятием, мышлением, эмоциональным оцениванием, волевыми, инстинктуальными и сновидными процессами.

Интуиция – бессознательное восприятие заложенных в ситуации возможностей, процесс целесообразного «схватывания» обстановки посредством архетипа. Результатом интуиции является внезапное вторжение в сознание неожиданных идей, образа или «предчувствия».

Интуиция аналогична проявлению **инстинкта**, определяемого Юнгом двояко: и как импульс к выполнению сложного действия, и как сам «способ поведения, при котором ни мотив, ни цель совершенно не сознаются, и которое вызывается только непреодолимым внутренним принуждением»⁴⁹.

Вместе инстинкты и **архетипы** (человеческие формы психической самопрезентации инстинкта) образуют **коллективное бессознательное**. Как я уже отмечала, не стоит забывать, что помимо инстинктов, роднящих нас с прочим животным миром, гомо сапиенс обладает и специфическими видовыми инстинктами, среди которых Юнг называл способность к развитию абстрактного мышления, религиозное чувство и др.

Архетип – изначальный образ ситуации, дающий возможность опознать ее, вычленив из хаоса впечатлений реальности. Одновременно в архетипе заложена модель инстинктивного поведения субъекта в данной ситуации.

Важно предостеречь – и это неоднократно подчеркивал Юнг – от ошибочного понимания архетипа. Архетип сам по се-

⁴⁹ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 58.

бе не наполнен никаким содержанием, он не является «врожденной идеей», но представляет собой лишь врожденную установку, принцип, специфический способ группировки элементов, который существует подобно «кристаллической решетке в растворе, где процесс кристаллизации еще не начался»⁵⁰.

Таким образом, следует различать юнгианские понятия «архетип» и «**архетипический образ**», наполненный содержанием. Последний представляет собой форму, уже структурировавшую в сознании факты субъективного опыта, идею, уже принявшую одно из бесконечного разнообразия своих воплощений.

Именно в этом, втором, смысле используя понятие «архетип», Юнг говорил и о его тождестве с **мифологическим мотивом**. Собственно, мифологический мотив можно считать лишь проекцией архетипа, так же как вся «мифология – своего рода проекция коллективного бессознательного»⁵¹.

Нельзя не согласиться с представителем современной аналитической психологии Р. Хобсоном, упрекающим Юнга в породившей путаницу небрежности употребления им своих терминов⁵². Однако не вызывает сомнения и то, что автор теории коллективного бессознательного со всей определенностью утверждал в различных своих работах: «Архетипы появляются в мифах и сказках точно так же, как и в сновидениях и продуктах фантазии... Мы имеем дело с «автохтонными» возвращениями, независимыми от какой бы то ни было традиции»⁵³.

Как любил повторять Юнг, сама идея коллективного бессознательного возникла у него под влиянием собственной клинической практики, изобиловавшей случаями совпадения образов и сюжетов фантазий психотиков с мифологическими мотивами, когда криптомнезия или культурное воздействие могли быть исключены.

⁵⁰ Юнг К.Г. Душа и миф: Шесть архетипов. Киев; М., 1997. С. 111.

⁵¹ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 48.

⁵² Самуэлс Э. Указ. соч. С. 65.

⁵³ Юнг К.Г. Душа и миф... С. 88.

Впрочем, Р. Нолл⁵⁴, едва ли не самый саркастический критик и «разоблачитель» швейцарского мудреца, доказывает наличие явного преувеличения Юнгом роли эмпирии в формировании его теории. Если Нолл прав, мы и на сей раз имеем «терапевтическую фантазию», объективную в психологическом смысле, т.е. не с точки зрения эмпирической базы, а с точки зрения резонанса в профессиональных кругах и среди «пациентов», с точки зрения общекультурного влияния.

Как бы то ни было, Юнг предположил в бессознательной психике наличие «мифообразующих» структурных элементов, общих, в значительной своей части, для всего человечества. Эту универсальность психической структуры в большей степени, нежели миграционную теорию, Юнг считал объяснением поразительного совпадения мифологических мотивов в фольклоре народов, разбросанных по всем континентам земного шара.

Итак, появление идентичных образов и моделей взаимодействия субъектов в мифологии, сновидениях, фантазиях и межличностных отношениях людей можно считать коррелирующими феноменами, восходящими к единому источнику, названному Юнгом коллективным бессознательным.

И все же **мифология** выделяется из этого ряда тем, что представляет собой некий концентрат архетипических содержаний, почти одну только схему, костяк образного воплощения архетипов, лишенный «мягких тканей» индивидуальности и «модных одежд» исторической эпохи. В иных же своих проявлениях, по утверждению Юнга, «архетипы спонтанно возникают в любое время, в любом месте»⁵⁵, «но одетые в современные одеяния»⁵⁶.

Архетипы реактивируются благодаря «примитивному», основанному на аналогиях, способу мышления. В языке дикаря, считает Юнг, отсутствуют абстракции, но есть лишь аналогии, поэтому он столь поэтичен. Такой первобытной ментальности,

⁵⁴ Нолл Р. Арийский Христос: тайная жизнь Карла Юнга. М., 1998.

⁵⁵ Юнг К.Г. Душа и миф... С. 206.

⁵⁶ Юнг К.Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М., 1998. С. 45.

как я уже отмечала в предыдущей главе, соответствует **метафорический способ выражения**. И архетипические содержания выражают себя, прежде всего, посредством метафор. Метафоры в этом случае не являются сознательными аллегориями. «Примитивная ментальность не изобретает мифы в качестве аллегии, она их переживает»⁵⁷.

По мнению Юнга, архетипы всегда несли защиту и спасение. Поэтому спонтанное возникновение мифологических элементов в продукции бессознательной психики современного человека есть осуществление коллективным бессознательным своей функции исцеления. Этому способствует терапевтический метод «активного воображения», введенный в практику Юнгом и рассмотренный нами в предыдущей главе.

Целительное воздействие коллективного бессознательно-го заключается в том, что оно переводит индивидуальный опыт (как правило, травмирующий или проблемный) в формальную **мифологему**, предоставляя ее сознанию в виде образа. Если этот образ и не в силах подсказать выход из ситуации, он несет в себе возможности деперсонализации, в результате чего «частная скорбь» обобщается до уровня «скорби мировой», и субъект получает облегчение, разделив ее со всем сообществом людей – современников и предков. Ритуализация индивидуального переживания в жанрах плача, заклинания, молитвы выполняла ту же функцию.

Целебное зеркало мифологии, будь ее предания общечеловеческим, национальным или только семейным достоянием, узнавание себя в лирическом герое поэтического произведения снимает боль. Но субъект может и не быть знакомым с мифологией настолько, чтобы интерпретировать всплывший в сознании образ.

Психолог, по убеждению Юнга, обязан знать мифологию разных народов, «чтобы схватить смысл содержания, полученного из глубоких слоев души»⁵⁸ в процессе амплификации. При этом Юнг предостерегает от формальной интерпретации сим-

⁵⁷ Юнг К.Г. Душа и миф... С. 89.

⁵⁸ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное... С. 43.

вола фантазии или сновидения, так свойственной методу классического психоанализа. Только при совпадении контекстов индивидуального и кажущегося близким ему мифологического символов их можно считать действительно параллельными.

«Однако я далек от намерения создать впечатление, будто бессознательное во всех случаях исключительно реактивно. Напротив... бессознательное может брать на себя инициативу... Движущей силой здесь выступает побуждение к самоосуществлению»⁵⁹.

Приведя данное высказывание Юнга, я затронула проблему функционального различия бессознательного в теориях З. Фрейда и К. Г. Юнга. С точки зрения последнего, бессознательное представляет собой не только и не столько свалку неугодных сознанию по тем или иным причинам содержаний, сколько живительный источник творческого потенциала личности, через посредство которого осуществляется судьба.

Осознание через инсайты бессознательной продукции и объединение ее с прочими сознательными содержаниями составляет психологическую **«трансцендентную функцию»**, по определению Юнга, «путь которой и есть индивидуальная судьба»⁶⁰.

Вместе с тем, Юнг говорит о явлении психологической инфляции, об опасности «передозировки» бессознательных содержаний, интегрируемых в сознание (например, в ходе анализа), об «индивидуальной переносимости» объема подобной интеграции.

Касаясь проблемы гения и помешательства, Юнг замечает, что способность к восприятию большого объема бессознательных образов роднит безумца и гения. Но «личная величина и ценность заключается... не в первичном видении. Оно составляет просто часть общего имущества человечества... Видение больного остается на стадии спонтанного развития, тогда как гений абстрагирует и выражает то же самое видение на общепринятом языке. Это философское достижение, и только

⁵⁹ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 144-145.

⁶⁰ Юнг К.Г. Психология бессознательного. С. 296.

оно, составляет его личную величину... Но видение больного человека есть величина безличная, от естественного роста которой он не в силах себя защитить, и которая, фактически, поглощает и «уносит» его прочь от этого мира»⁶¹.

Таким образом, только обузданный дневным сознанием мир архетипов, метафор или мифологем служит личному самоосуществлению, самоактуализации творца и способствует, внося вклад в национальную и мировую культуру, самореализации человечества.

Важно подчеркнуть, что понятие коллективного бессознательного, несмотря на непостижимость и неисчерпаемость последнего, отнюдь не имеет у Юнга мистического оттенка, разве что «мистическое» понимать синонимом «психического» вообще. «Универсальное подобие головного мозга человека ведет к универсальной возможности однообразного психического функционирования. Это функционирование и есть **коллективная душа**»⁶². «Согласно законам филогенезиса, психологическая структура, подобно анатомической, должна нести следы более ранних стадий развития, через которые она прошла»⁶³.

Вот почему Юнг считает, что **коллективное бессознательное** как совокупность всех архетипов является генетически наследуемым хранилищем всего человеческого опыта, восходящего к его самым отдаленным истокам, живой и активной системой диспозиций индивидуума, от которой следует ожидать реакций на универсальные и постоянные условия среды, будь они психологическими, физиологическими или физическими.

Следует отметить, что в дополнение ко «всеобщей» коллективной душе, объединяющей все человечество и восходящей к психике его животных предков, Юнг признавал возможность таких ее разновидностей, как расовая, племенная и даже семейная душа по аналогии с биологическими различиями, соответствующими расе, роду, семье.

⁶¹ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 100-101.

⁶² Там же. С. 104.

⁶³ Юнг К.Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. С. 45.

Количество архетипов, а тем более конкретных форм их проявления, не поддается счету. «Архетипов ровно столько, – пишет Юнг, – сколько есть типичных жизненных ситуаций. Когда встречается соответствующая данному архетипу ситуация, этот архетип активируется»⁶⁴.

Вычленение отдельного архетипа из коллективного бессознательного до некоторой степени условно, хотя бы потому, что подобное препарирование, рассекающее функциональные связи данного «психического органа» (определение Юнга) с другими, лишает его жизни. «Четкие различия и строгие формулировки в этой области вообще невозможны ввиду того, что самой природе всех архетипов присущ особый текучий вид интерпретации... Попытка вырвать отдельный архетип из живой ткани психе – почти безнадежное предприятие, но, несмотря на свою тесную сплетенность, архетипы действительно формируют единицы значения, которые могут быть постигнуты интуитивно»⁶⁵.

Итак, прояснив суть понятия «коллективное бессознательное» как совокупность архетипов, фиксирующих опыт человечества и воспринимаемых сознанием в виде образов-подсказок, перейдем к подробному рассмотрению некоторых из этих психических элементов.

Я намерена представить здесь юнгианскую трактовку некоторых архетипических фигур, расположенных мною вдоль следующей оси: Эго-сознание – персона – тень – анима/анимус – дух – мана-личность – самость. Также будут представлены основные характеристики архетипов матери и божественного ребенка.

Придерживаясь в основном традиции, восходящей к самому К.Г. Юнгу, я воспользуюсь и более широким спектром постюнгианских исследований, особенно в той части, где речь пойдет об архетипической паре анима/анимус.

⁶⁴ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 76-77.

⁶⁵ Юнг К.Г. Душа и миф. С. 118-119.

Привлекая практический материал юнгианского анализа, я постараюсь показать, какое воздействие активация того или иного архетипа оказывает на социальное восприятие и социальное поведение людей.

ПЕРСОНА И ТЕНЬ. Намеченный мною условный вектор, ведущий от Эго-сознания к самости в глубины коллективного бессознательного, соответствует одному из множества возможных направлений индивидуации как процесса индивидуальной дифференциации личности. Дифференциация осуществляется посредством глубокой рефлексии и осознания универсальных функций, проявляющихся в психике каждого человека в индивидуальной форме, иначе говоря, посредством постепенной интеграции в сознание архетипических паттернов.

Бессознательная самость – действительная индивидуальность человека, недостижимая для полного осознания совокупность сознательной и бессознательной его психики. В то время как «персона – лишь маска коллективной души, та маска, что симулирует индивидуальность... маска и нереальна вовсе: она лишь компромисс между индивидуумом и обществом»⁶⁶.

Впрочем, Юнг признает, что конкретное формирование персоны осуществляется под давлением с обеих сторон: как со стороны социума, так и со стороны бессознательной индивидуальности субъекта. «Эго-сознание, на первый взгляд, – подчеркивает Юнг, – тождественно персоне»⁶⁷. В действительности же, сознаваемая как социальная роль, персона опирается на более широкую базу в личном бессознательном, состоящую из содержаний, неосознаваемых, даже неожиданных для субъекта, однако способных без особого сопротивления эго-личности быть включенными в нее. Кроме того, персона уходит корнями в коллективное бессознательное. Интеграция в сознание архетипических компонентов персоны – один из первых шагов на пути индивидуации.

⁶⁶ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 115.

⁶⁷ Там же. С. 116.

В оппозиции к персоне находится тень. Аналогично персоне тень прослеживается как на уровне личного бессознательного, отождествляясь с качествами субъекта, неприемлемыми для его сознания, так и на уровне коллективного бессознательного. Во втором случае тень проявляется как архетип и накладывается обычно на негативные аспекты прочих архетипов, сгущая их эмоциональную окраску.

«Когда тень представляет личное бессознательное, ее содержания без особых затруднений можно сделать достоянием сознания... Осознание относительного зла своей натуры находится в пределах возможностей обычного человека, но весьма редким и губительным для него опытом оказывается попытка взглянуть в лицо абсолютного зла»⁶⁸, то есть осознать в себе тень как действующий принцип.

Игорь, мужчина средних лет, обратился ко мне, встревоженный серией внешне ничем не спровоцированных сновидений, омрачавших в последнее время его вполне благополучное и эмоционально безоблачное существование. В этих снах он становился невидимкой-«экскурсантом», путешественником в прошлое. Каждый раз ему предоставлялась возможность наблюдать изощренные пытки и казни с обильным кровопролитием.

Уже во сне зрелища вызывали у него возмущение и гнев, однако пробуждение неизменно сопровождалось приятной истомой. Она тут же уступала место глубокому чувству вины: подозревая в себе вытесненные садистические наклонности, сновидец молился о том, чтобы они не превратились в осознанные желания.

В подтверждение подозрений мужчина показал мне свои детские рисунки, изобиловавшие сходными сюжетами. Он помнит, что иллюстрировал ими лет пяти свои излюбленные фантазии, которых ничуть не стеснялся, тем более что в реальной жизни кровожадности в себе не ощущал: жалел животных, всегда умея за себя постоять, старался избегать драк, «не обижал слабых».

⁶⁸ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 158.

Фантазии же, прежде чем исчезнуть, в отрочестве мальчика трансформировались. Теперь он выступал героем, избавлявшим очередную Даму Сердца от грозящих ей истязаний – тех самых, что грезились ему раньше, когда в роли мучителя он еще видел себя.

И вот теперь персона его, с которой он себя привык отождествлять, вполне благонадежна: он пятнадцать лет женат, у него сын, любимая работа... А тут эти сны! И даже не столько страх, сойдя с ума, превратиться в маньяка, сколько раскаяние, что потенциального маньяка этого он уже скрывает в себе.

Давно знакомая с семьей Игоря, я располагала сторонней информацией о нем. И жена дивилась экстравагантности опасений мужа. Что же оставалось делать мне?

Классический, фрейдистский, психоанализ, нацеленный на эмоциональное отреагирование и осознание насущной потребности, все же по-сократовски оптимистичен в отношении человеческой воли. В нем осознать корень зла значит сделать выбор в пользу добра.

Юнгианский анализ в этом отношении более осторожен... Человеческая природа способна продуцировать мощный деструктивный импульс хищника. Все готовы это признать вчуже. Мы даем ему выход в «благородной ярости» возмездия инициаторам нарушения мира, приписывая Другому эту инициативу, проецируя друг на друга, группа на группу, народ на народ абсолютную тень злодейства. Сладко претворять в жизнь зло, сознавая себя агентом добра! Но как часто, и ведая, что творит, человек не находит нужным противиться своей природе.

В представшем моему вниманию случае происходило нечто иное. Человек внезапно получил «изолированное» (то есть с вытесненным эмоциональным компонентом) знание о себе – носителе абсолютного зла. Активация архетипа тени привычно сдерживалась контролем Сверх-Я, в надежности которого пока не было оснований сомневаться.

Однако сильное и самонадеянное Эго моего клиента усомнилось в надежности бессознательного контроля. Все происходило, как если бы человек в один прекрасный момент осознал, что умрет, если сердце его перестанет биться в резуль-

тате сбоя врожденного автоматизма. Осознал и не мог с тех пор избавиться от навязчивого убеждения, что волевой контроль за работой сердца был бы надежнее. За работой сердца, легких, мозга, каждой клеточки... Чтобы, знаете ли, «все схвачено»!

Нет, клиент не просил меня помочь ему ощутить в себе садиста, чтобы затем волевым усилием его подавить. Его Эго как раз боялось появления тени, не уверенное в своих силах тягаться с «дьяволом». Оно апеллировало к Богу как к светлому, в его представлении, полюсу неосознаваемого... И обращалось за посредничеством к аналитику, подобно героине моей «психоаналитической версии» «Пестрой ленты».

В данном случае требовалось не осознание вытесненного. Эго требовало хотя бы приблизительного отчета о полезном действии защитных механизмов его личности, чтобы быть спокойным за их надежность. Но, поскольку именно чувственная сторона теневых влечений была давно утрачена, «отчет» этот должен был заполнить эмоциональный вакуум. Гипотетическое описание работы Сверх-Я оказалось бы неудовлетворительным (если бы вообще и было возможным).

Живи мы в архаическом сообществе – «во времена снов» – шаман изготовил бы, наверное, моему клиенту амулет, оберег, – чтоб сердце успокоилось. Будь он верующим христианином, церковь нашла бы в своем арсенале средство оградить от искушения.

Нам же оставалось «выйти на берег моря» (классическая метафора бессознательного) и ждать, чтобы прибой воображения вынес к нашим ногам талисман – залог того, что склонность потребностью не станет.

Мирные картины наших виртуальных странствий, сколько я могла заметить, сами по себе оказывали благотворное влияние, но, что самое важное, оказывали и последствие, как вскоре выяснилось. «Берег моря» же на деле обернулся краем поля...

Клиент рассказал мне сон, в котором он любовался, как волнуется под ветром нива. И вдруг увидел странный предмет, похожий на мотоциклетный шлем, плывущий к нему над самыми колосьями. Когда «шлем» уже был совсем близко, оказа-

лось, что весь он состоит из живых мотыльков, тесно сбившихся, точно рой пчел.

Сон на этом прервался, сновидец же проснулся, чувствуя себя именинником. Несколько дней его не отпускало ощущение, будто получен дорогой подарок. Покой снизошел на него, кровавые видения больше не повторялись.

Похоже, бессознательное выслало образ-оберег, предоставив тем самым надежные гарантии. Губительным опытом могла оказаться попытка человека взглянуть в лицо абсолютного зла своей природы, повторю я слова Юнга...

Метафорический смысл образа не всегда вербализуем: ну как бы вы расценили фразу: «Тебе не нужно опасаться своей кровожадности, потому что ты видишь шлем из мотыльков»? Бред? Оракул?

Мотылек – цветок, лужок, лето, солнышко... – ассоциативный ряд релаксации: мило и безопасно. Шлем – дополнительная защита. А именно защита головы, в чем особенно нуждался мой клиент (в пушкинском смысле «не дай мне Бог сойти с ума!»). Кроме того, сновидец, конечно, знал, что мотылек, бабочка – поэтический образ души, восходящий к индоевропейской мифологии... И видел какой-то детский фильм, где бабочки слетались к доброму волшебнику...

Но свободно мог бы и не помнить всего этого: исцеляющее действие сна было оказано помимо сознания. Сон в толковании, собственно, не нуждается. Нуждается в толковании сна наше рациональное начало, в том числе и для того, чтобы избавиться от неотступного впечатления, произведенного сном. Рациональное начало всегда требует разъяснений, как объяснения анекдота требует от рассказчика обделенный чувством юмора.

В данном сновидении наглядно был передан тот смысл, что душа надежно и трепетно хранит рассудок – в подобном заверении как раз и нуждался сновидец. Несколько расширенная амплификация образа сновидения добавила нюансы смысла: в славянской мифологии мотылек не просто душа, но душа родственника, предка. Род (хотим ли мы его понимать как сонм духов, наследственность или как прочную традицию воспита-

ния), гарантирующий вашу благопристойность, согласитесь, солидный поручитель.

Впрочем, я поведала клиенту и одно поверье, согласно которому кровопийца был вполне обезврежен, только когда возле него показывалось множество бабочек.

Согласно наблюдениям Юнга, тень – известный мотив мифологии. В фантазиях и снах тень также может являться в персонифицированных образах. В обыденной жизни тень обнаруживает себя только в проекции, то есть, оправдывая свое метафорическое название, буквально падает от субъекта на Другого, навязывая тому собственные негативные свойства «проектора», о чем я уже рассказывала подробно в первой главе, приводя пример защитного механизма проекции.

Итак, персоне и тень составляют пару, обретающуюся, по преимуществу, на двух тесно взаимосвязанных уровнях психики: в сознании и в личном бессознательном. Персона, скорее, осознанна и позитивна, тень негативна и, скорее, неосознаваема. Как все бессознательное, согласно постулату Юнга, она может проецироваться вовне.

На уровне коллективного бессознательного столь четкое разграничение невозможно: «архетип морально нейтрален и становится злым или добрым, а точнее, парадоксальной смесью того и другого, в контакте с сознательной мыслью»⁶⁹. Таким образом, архетип целостен, и мы можем говорить лишь о позитивном и негативном его аспектах, а также о различии образов, воплощающих и тот и другой.

АНИМА И АНИМУС. Первая составляющая данного архетипа – предзнание суженой/суженого, невыразимый и, вместе с тем, определенный идеал женщины (для мужчины) или мужчины (для женщины). Анима является отпечатком всего опыта предков мужчины в отношении женщины, опыта, запечатленного в его органической системе как наследственный фактор и предоставляющего бессознательной психике храни-

⁶⁹ Юнг К.Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. С. 52.

лице всех впечатлений, когда-либо производимых женщиной на мужскую половину человечества.

Впрочем, такой подход не вполне объясняет избирательность человеческой любви, если не вспомнить юнгианское положение о поверхностных слоях коллективного бессознательного вплоть до семейного и если не учитывать фактор, который я бы условно назвала «аленький цветочек юкки».

Я позволяю себе подобный метафорический гибрид, имея в виду как известную благодаря С.Т. Аксакову русскую сказку, так и любимый пример Юнга про симбиоз американского растения юкка с одним из видов бабочки. Сложный механизм размножения последней запускается единственным сигналом: цветением растения юкка в течение всего одной ночи (опыление цветков юкки без участия этой бабочки также невозможно).

По всей видимости, архетип «суженого/суженой» включает в себя не только сам виртуальный объект, но и интуитивное предзнание особенных условий, обставляющих его появление, особенных характеристик объекта. Иначе откуда бы у младшей купеческой дочери из сказки такое навязчивое, необъяснимое для нее самой, как позже выясняется, даже опасное желание обладать «аленьким цветочком, краше которого нет на белом свете»? (Если бы американская бабочка могла говорить, то именно так бы и нарекла, наверное, скромный цветочек юкки, к которому ее непреодолимо влечет инстинкт.)

Точно так же у героини другой русской сказки является непостижимая уверенность в существовании никому не ведомого перышка Финиста Ясна Сокола, также указавшего ей путь к единственному избраннику.

знаком близости такого «перышка», т. е. пускового механизма активации архетипа, является необъяснимое волнение, которое человек испытывает в определенных ситуациях, порой только воображаемых, литературных, например.

Про «Аленький цветочек» я вспомнила не случайно. Мне довелось познакомиться с женщиной, назовем ее Ириной, которая считала эту сказку для себя «программной» и в шутку, и всерьез.

В детстве она ей нравилась больше всех. Но вовсе не похвальное самопожертвование младшей купеческой дочери привлекало Ирину, а ее любовь к чудищу.

Эта любовь, как чувствовала маленькая девочка, родилась вовсе не из благодарности к обходительному зверю, а много раньше, в виде страсти к невиданному цветку. Так что, собственно, дочь отца даже нарочно «подставила», чтобы потом отправиться в странствие.

Рассматривая картинку в книжке, где в зеленых зарослях смутно маячил сутулый и косматый великан, маленькая Ирина сама испытывала что-то вроде влюбленности-сочувствия: такой страшный, нелепый, такой одинокий, никому не нужный и, конечно, такой благородный в душе. Этого скрытого благородства было настолько достаточно, что финальное превращение в принца казалось излишним и надуманным. (Вот уж кто не стал бы жечь лягушачью шкурку, в отличие от Ивана-царевича, так это Ирина!)

Прочитав в отрочестве Гюго, девочка немножко и в Квазимодо узнала свое чудовище. Снова испытала жаркое волнение, как бы в предчувствии собственной любви. «Где мой суженый?.. Холодно? Теплее?» – «Совсем горячо!»

Нет, первая любовь, к счастью, предстала не в виде горбуна, не в виде «зверя лесного, чуда морского», хотя «заморским», то есть иноземным, «принц», действительно, оказался. И было, со всей яркостью теперь вспыхнувшее, узнавание своей детской влюбленности в сказочного героя: «Его никто не любит, потому что не понимают. Все видят чудовище, я одна – принца. Поэтому он только мой!».

Архетип анимуса, такой, каким всегда жил в душе, активировался в проекции на реального парня. Каким тот молодой человек был на самом деле? Кто знает... Наверное, иным. Во всяком случае, в один момент он и Ирине показался не принцем, а просто жалким изгоем. Они расстались.

Ко мне Ирину привела ситуация совсем, на первый взгляд, не сказочная и очень типичная для жен «новых русских»: молодая женщина с приличным образованием сидит в «золоченой клетке», воспитывает ребенка, растеряла

прежних друзей и с болью сознает, что медленно деградирует. Мужа почти не видит: он рано уходит, поздно возвращается, выходные и отпуска для него не существуют.

Войдя в курс ее семейных дел, я уподобила дом Ирины дворцу чудища из «Аленького цветочка»: незримые руки исполняют все, чего душа пожелает, только не видно в пустом доме Хозяина. И все без него не мило красавице. Хоть страшищем, да чтобы дом был обитаем, ей нужно!

Переведя таким образом типичную ситуацию в архетипическую, я и не подозревала, насколько точным окажется попадание. Ирина была потрясена, что и мне пришла в голову ее «программная» сказка. Доверие с ее стороны заметно возросло.

История замужества Ирины тоже вписывалась в канву «Аленького цветочка». Выходила она не за «нового русского», а за самого скромного из претендентов на ее руку, разглядев и в его сердце скрытые от посторонних глаз достоинства. Да и пожалев: жених ее в то время стоически переносил свалившиеся на его голову неприятности.

Подруги посмеивались над ее выбором (точно как сказочные сестры, желавшие себе драгоценных подарков, на цветик аленький не льстившиеся). Неожиданно для всех муж Ирины проявил деловые качества, и девушка, мечтавшая о цветочке, обнаружила себя в золотом дворце. «Вроде и в облаках витаешь, и все у тебя нормально...» – не без зависти обронила как-то одна из школьных подруг и, кто знает, может быть, как-нибудь «перевела часы», так что счастья с мужем вдруг у Ирины не стало.

И не поговорить ей об этом с мужем, не достучаться. Впопору воскликнуть: «Встань, пробудись, мой сердечный друг!». Спит непробудным сном ее любимый – как чудище над цветком... а может, как Финист, опоенный злой волшебницей?

Еще один мотив «программной» сказки странным образом ожил в судьбе Ирины. Несколько месяцев назад нахлынули воспоминания о первой любви. По прошествии лет многое предстало в ином свете. Ирина пожалела, что не сумела сохранить тогда отношения. И позвонила забытому другу. Ей сказали, что он погиб в автокатастрофе. Решись Ирина на звонок не-

делей раньше, она бы еще застала его в живых. Опоздала, чуть-чуть опоздала, как и сказочная ее двойница!

Кто знает, какие еще сюрпризы преподнесет Ирине завожившая ее в детстве сказка, в которой словно было пророчески зашифровано будущее ее души... Узнавание наступит по мере осуществления.

Э. Бёрн, о котором речь у нас впереди, считал, что многие люди бегают в своей жизни по заколдованному кругу определенных сказочных сюжетов. Не все они об этом догадываются.

И все же что, кроме интригующих совпадений, можно разглядеть в «романе» Ирины с аксаковской сказкой? Только ли подтверждение уверенности Юнга, что все возможное уже было однажды, уже было не раз, а мы лишь разыгрываем бесчисленные вариации тем, старых, как мир?

В родственных, дополняющих одна другую сказках о красавице и чудовище и о Финисте Ясном Соколе используется очень древняя, известная в Европе с античных времен, мифологема – путешествие девушки за утраченным суженым. Апулей использует этот сюжет в своей истории про Психею и Амура, юного ее супруга. Душа в поисках Любви... («Трое посохов железных изотрешь, трое хлебов железных изгрызешь...») – тогда найдешь, как говорится в русской сказке.)

Брачный союз, слияние души с любовью составляет смысл развития личности, становится ее вратами в бессмертие, как учила Сократа наставница его Диотима. Поэтому любовь дальше этой черты выходит из берегов земного эротизма, сливаясь с религиозным инстинктом, преображаясь в божественную сущность человеческого естества.

Роль проводника души, манящего ее на этот тернистый путь, выполняет третья ипостась архетипа анимы/анимуса. Но не станем забегать вперед...

Второй составляющей данного парного архетипа является феминность, присущая мужчине, и маскулинность, свойственная женщине. «Нет мужчины, который был бы настолько мужественным, чтобы не иметь в себе ничего женского. Как раз очень мужественным мужчинам (хотя бы втайне и замаски-

рованно) свойственна весьма нежная (часто не по праву называемая «женственной») жизнь чувств. Мужчине вменяется в добродетель в максимальной степени вытеснять женственные черты, так же как для женщины неприлично быть мужеподобной»⁷⁰.

Анима, душа, согласно концепции Юнга, – архетип женского начала, обнаруживаемый у мужчин и компенсирующий его сознательное мужское начало. Женщина компенсируется мужским началом, и поэтому ее бессознательное несет на себе мужской отпечаток. «Анимус» означает вместе «дух» и «ум».

Анима соответствует Эросу, что выражает ее функцию соединения и эмоциональную природу, анимус – Логосу, которым обозначена функция различения и познания. Именно поэтому, по мнению Юнга, интеллектуальное развитие женщины часто сопровождается появлением мужских черт»⁷¹.

Как и тень, анима противостоит сознательной персоне. Чем больше идентичность субъекта со своей персоной, тем легче бессознательная анима проецируется, наделяя спутницу «сильного мужчины» его собственными слабостями и, кроме того, нуминозным, вдохновляющим очарованием, свойственным только архетипу, но исходящим теперь, как кажется, от реальной женщины. Этот иллюзорный эффект подвигает к заключению многих браков, он же, когда пелена спадает с глаз влюбленных, обеспечивает и высокий процент разводов в первые годы супружества.

Однако очарованность может принять и характер фатальной зависимости, что, при случае, вызывает трагические последствия. «Чем больше ограничено поле сознания человека, тем многочисленнее психические содержания, которые посещают его в качестве квазивнешних видений: ...в виде магических сил, спроецированных на живых людей»⁷².

Женщина, будь то мать, традиционно первый объект проекции анимы, или возлюбленная, представляется тогда монст-

⁷⁰ Юнг К.Г. Психология бессознательного. С. 254.

⁷¹ Юнг К.Г. Душа и миф. С.228.

⁷² Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С.149.

ром, змеей, парализующей волю и поглощающей. В этом случае приходится говорить о негативном аспекте анимы. «Так как женщина представляет для мужчины величайшую опасность, то и требует от него всего его величия. Она – утешение за всю горечь жизни. И, в то же время, Она – великий иллюзионист»⁷³.

Особый, хотя и весьма распространенный, случай, отмеченный Юнгом, представляет собой одержимость неспроецированными анимой/анимусом. Мужчина во власти анимы делается тщеславен, сентиментален и обидчив, женщина во власти анимуса – властна и фанатична. Исход встречи двух таких людей, то есть доминирующих анимуса и анимы, «не всегда негативный, так как оба ее участника с той же вероятностью могут влюбиться друг в друга (особый случай любви с первого взгляда)»⁷⁴, – кажется, не без иронии констатирует отец аналитической психологии. Таков закон: анимус «подманивает» аниму.

Мне приходилось слышать, как милая, хрупкая на вид женщина сокрушается: «Я вышла замуж, потому что он казался мне надежным, уверенным, способным вести за собой, чтобы, равняясь на мужа, я могла развиваться. А получилось, что он будто тянет меня вниз: я содержу семью, я делаю карьеру. Он же зарабатывал так мало, что, когда нашему ребенку исполнился год, мы решили, что не я, а он оставит работу, чтобы сидеть с малышом. И вот уже десять лет, как он освоился в роли домохозяйки и не думает ничего менять!».

И все же, как выяснилось из дальнейшего разговора, в таких отношениях женщину устраивает многое: и ужин на столе, и то, что с сыном есть кому заниматься, и свобода собственного профессионального самовыражения, и даже зависимость мужа, эмоциональная и экономическая. Не устраивают две вещи: недостижимость идеала «сильного мужчины» рядом и социальное неодобрение, что, собственно, одно и то же: несоот-

⁷³ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 161.

⁷⁴ Там же. С. 164.

ветствие традиционным представлениям о ролях мужа и жены, в том числе интериоризированным.

Единственный выход – за рамки стереотипов, принять все таким, как есть.

Впрочем, не всегда степень маскулинности жены вполне соответствует степени феминности мужа. Как тут не вспомнить шкалу психологической выраженности пола, намеченную В.В. Розановым⁷⁵. На этой шкале мужской пол обозначен отрицательными величинами, а женский – положительными, причем координаты человека на этой прямой могут быть не связаны напрямую с его биологическим полом.

Предположим, психологическая интенсивность пола одержимой анимусом женщины – «+1», а одержимого анимой мужчины – «-2». Если эти мужчина и женщина составят супружескую пару, возможно влияние на мужа, усиливающее его феминность. Под воздействием анимуса жены показатель мужественности супруга составит уже, допустим, «-1», но может вернуться в норму при устранении этого воздействия.

Открыть глаза на нестандартный характер своих взаимоотношений, освободиться из плена гендерных штампов парам иногда способна помочь «мифо-», или, как ее еще иногда называют, «сказкотерапия». Приведу один пример.

Девушка озадачена странным своим «романом» с неким молодым человеком. Она сочла, что встретила свой идеал мужчины и определенно почувствовала ответную симпатию с его стороны. Однако их отношения никак не развиваются вот уже несколько месяцев.

Сначала она совершенно терялась в его присутствии, ощущая себя глупенькой девочкой и надеясь на проявление им инициативы. Наконец, сама, потеряв терпение, сделала первый шаг. «Он» обнаружил явное удовольствие, но продолжал бездействовать и даже как бы сопротивлялся ее попыткам сближения.

⁷⁵ Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика Христианства // В.В. Розанов. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 31.

Бедная девушка заподозрила, что попала в руки хладнокровного соблазнителя. Но, странное дело, любовь-восхищение, которую она испытывала вначале, незаметно трансформировалась в какое-то ироническое умиление с примесью охотничьего азарта!

В беседах с ней мы стали называть предмет ее нежной страсти Емелей – за ленцу, строптивость и то, что завладел сердцем «царевны» словно «по щучьему веленью», палец о палец не ударив, а сам вернулся на печь.

Будто царевыми гонцами в сказке, наш Емеля уже пренебрег парой приглашений от влюбленной «царевны», очевидно ими польщенный, однако. Недоумение «царевны» росло, а гордость ее страдала. Но, как та с удивлением обнаружила, не «девичья гордость», а что-то вроде гордости зверолова, дело чести которого добыть дичь.

Все это уже совсем разонравилось Я моей знакомой: «Мы словно поменялись местами: не он, а я за ним ухаживаю! Я хочу, чтобы меня добивались!».

А как там было дело в сказке? В сказке упрямого Емелю накормили-напоили, бросили в карету и увезли во дворец.

Однажды, сверкая от удовольствия глазами, «царевна» сообщила, что, за неимением придворных вельмож, сама взяла да и «умыкнула» своего Емелю, как кавказскую невесту: предложила подвезти до дома, а вместо этого умчала к себе на дачу. Емеля, казалось, только того и ждал.

Они составили очень красивую пару, только... Только жаль было «царевне» призрака идеального мужчины, при котором она когда-то не смела поднять глаз и чувствовала себя нежной и глупенькой. «Емеля-Емеля, нельзя ль тебе сделаться добрым молодцем, писанным красавцем?» – робко спрашивала в сказке та, настоящая, царевна, тоже, видимо, обнаружив несоответствие любимого умозрительному идеалу.

Такие постъюнгианские авторы, как Н. Гольденберг и Э. Самуэлс, подвергают сомнению симметрию концепции Юнга. Теория анимуса, полагают они, в гораздо большей степени является искусственным построением, она была разработана

позднее теории анимы и гораздо менее продумана. Критики уподобляют в этом смысле анимус комплексу Электры в классическом психоанализе, к разработке концепции которого, как мы помним, Юнг также приложил руку.

В частности, отношения женщины со своим анимусом, по мнению постъюнгианцев, гораздо менее драматичны, нежели мужчины и его анимы. Что же касается четко обозначенных Юнгом функциональных различий обоих архетипов и связанного с ними очевидного эмоционального предпочтения классиком анимы, глубинные психологи начиная с Бинсвангера отказались от подобной предвзятости.

«Видимо, Юнг не очень осознавал, насколько он отражал свое культурное сознание, включая общие предрассудки своего времени... Его, казалось, озадачивало то, что женщины думают, а не чувствуют... Для того чтобы понять точку зрения Юнга, важно принять во внимание этот контекст»⁷⁶.

Современное восприятие понятий анимы/анимуса основано на том, что противоположный пол символизирует некую психологическую противоположность. «Пол здесь метафора... Анимус и аниму можно интерпретировать как представителей альтернативных способов восприятия и поведения и как различные системы ценностей»⁷⁷.

В этой связи вспоминаются слова Юнга о том, что «в той степени, в какой человек не принимает действительности другого человека, он отказывает в праве на существование «другому» внутри себя, и наоборот»⁷⁸.

Помочь устранить этот изъян, указать путь в сокровищницу бессознательных возможностей, пробудить их к жизни призвана... **третья составляющая архетипа анимы/анимуса**, названная у Юнга «психопомпом», т. е. «проводником души», посредником между сознательным и бессознательным, персонификацией последнего.

⁷⁶ Самуэлс Э. Указ. соч. С. 341.

⁷⁷ Там же. С. 336.

⁷⁸ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 309.

Любопытно, что эта третья составляющая архетипа разработана Юнгом как раз на примере анимуса, так что идеи постъюнгианцев представляются мне не столько новаторскими, сколько углубляющими русло, намеченное основателем аналитической психологии.

Об аниме в этом значении Юнг говорит лишь то, что за ее проекцией кроются духовные содержания, часто лишь скрытые под эротической маской. (Образ Вечной Женственности русских символистов – прекрасный пример тому.) Анимус же прямо отождествляется Юнгом с психопомпом, Гермесом. «Анимус... выражает то, что мы называем «духом», – в частности, философские или религиозные идеи, а вернее, вытекающую из них позицию»⁷⁹.

Анимус наделяет сознание женщины способностью к самопознанию, персонифицирует те содержания коллективного бессознательного, которые при извлечении их из проекции могут быть интегрированы в сознание. Собственно, на этом положении и построена юнгианская интерпретация терапевтического эффекта перенесения (трансфера), возникающего в процессе психоанализа.

Бессознательные стремления имеют цель за пределами конкретного человека. В ходе анализа, по мнению Юнга, происходит бессознательное разворачивание «трансперсонального пункта управления», исподволь разрушающего перенесение проекции анимуса на терапевта. Раздутый до сверхчеловеческих размеров образ врача «невозможно описать иначе как образ Бога... Стремление к Богу есть та страсть, что бьет ключом из нашей темнейшей инстинктивной природы... более глубокая и сильная, чем любовь к человеку... Возможно, в стремлении к Богу – смысл той неуместной любви, которую мы называем «перенесением»⁸⁰.

Не проецируемый вовне анимус может стать «зачинающим существом... Внутреннее мужское начало в женщине производит творческие зародыши... подобно тому, как мужчи-

⁷⁹ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 165.

⁸⁰ Там же. С. 88-89.

на дает своему творению родиться на свет из своего внутреннего женского начала»⁸¹.

Как видим, анимус – проводник к божественному, анимус – аналог поэтической Музы (все той же анимы-вдохновительницы)... Тем не менее анимус и в третьей своей ипостаси сохраняет способность быть спроецированным на реального человека. Тогда, когда эта проекция не оказывается иллюзией, она способна отыскать действительно незаурядного мужчину, не распознанного массой, открыть героя и даже помочь ему достичь своего истинного предназначения, оказывая моральную поддержку.

В.Б. Сосинский, близкий знакомый семьи М.И. Цветаевой в первые годы эмиграции, вспоминал о вдохновителе ее «Поэмы Горы» К.Б. Родзевиче: «Мы все считали его... парикмахером! Думали, что она в нем нашла? Он и стихов ее совсем не понимал... Но... он оказался героем потом: организовал подполье в фашистском концлагере!»⁸².

Сам Родзевич только много лет спустя осознал, сколь многому помогла раскрыться в нем встреча с Цветаевой. «Любить – видеть человека таким, каким его задумал Бог...»⁸³, – заметила однажды Марина Ивановна.

И все же, прежде всего, «анимус выражается в летучих голландцах и иных неведомых пришельцах... всегда неопределенно-неуловимых»⁸⁴. В наиболее банальных случаях анимус осеняет собой облик кинокумиров и т. п.

«Самость есть образ Бога или, по крайней мере, самость невозможно отличить от Него»⁸⁵. Мне кажется, именно поэтому не стоит упрощать путь к недостижимой для осознания самости, полагая, будто овладение названными архетипами, во-

⁸¹ Юнг К.Г. Психология бессознательного.

⁸² Сосинский В.Б. Неопубликованные воспоминания // Архив автора.

⁸³ Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. Т.4. М., 1994. С. 485.

⁸⁴ Юнг К.Г. Психология бессознательного. С. 280.

⁸⁵ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 173.

первых, достаточный, во-вторых, единственный способ максимального приближения к цели.

Как мы помним, чем ближе к солнцу поднимался Икар, тем жарче были лучи и тем слабее воск, скреплявший крылья, что занесли его так высоко. Цель в данном случае разрушает средства.

Да и строительство Вавилонской башни закончилось некогда разноголосицей, опасность чего сохраняется и в отношении каждой научной школы. Аналитическая психология не исключение.

ДУХ и МАНА-ЛИЧНОСТЬ. «Дух – та имманентная субстанция или существование, которые на самой высокой и универсальной ступени называются Богом»⁸⁶, – пишет Юнг в статье «Феноменология духа в сказке».

Психическое проявление духа, архетипичное по природе, обладает свойством порождения образов и манипулирования ими помимо чувственного восприятия. Подобное функционирование рассудка, по убеждению Юнга, противостоит примитивному человеку и потому наделено в его глазах признаками автономии, определившими религиозный праопыт человечества.

Автономный архетип духа, персонифицируя мысль, явившуюся субъекту в сверхсознательном психическом пространстве, преподносит ее устами Мудрого сказочного старца или иной авторитетной фигуры в кризисной ситуации, «когда «еще» или «уже» невозможно сознательное размышление»⁸⁷.

По мере развития человека духовная сущность оказывается в области его сознания и, утрачивая автономный характер, становится лишь функцией интуиции в познании.

Архаическое понимание духа как природного демона, как языческого бога находит отражение в сказках разных народов, где на распутье, на грани жизни и смерти герою является кто-

⁸⁶ Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996. С. 87.

⁸⁷ Там же. С. 94.

то, кто напутствует его добрым советом. Так дух обнаруживает сам себя.

Животный облик (вещие звери сказок и инициационных видений) указывает на пребывание по ту сторону человеческого сознания функции духа. «Звериный аспект не означает уменьшения его ценности... Ведь в некотором отношении животное превосходит человека: оно... не противопоставляет себе равное Я той силе, которой оно живет и которая в нем господствует»⁸⁸. Однако то, что животное-помощник часто оказывается верховым, указывает на возможность «оседлать» функцию нерассудочного знания и интуиции.

Типичным мифологическим воплощением духа являются антропоморфные фигуры, предстающие герою посреди дремучего леса его бед и сомнений. Это может быть седенький дедушка, протягивающий путеводный клубочек, Баба Яга, сменившая гнев на милость, или юная красавица – «хитрая», премудрая, то есть обладающая волшебным ведением. Последнюю, как и вещего зверя, можно «приручить», то есть сделать своей постоянной помощницей-супругой. «Дух может также появляться в образе отрока или юноши. У женщин эта фигура соответствует «позитивному» анимусу»⁸⁹.

Какой бы человеческий облик ни принимал архетип, действия его (обратите внимание: образцовые для психотерапевта!) совершаются в три этапа: 1) персонифицирующий архетип духа персонаж сначала расспрашивает героя, кто да откуда, куда да зачем, помогая таким образом герою проанализировать свое положение, собраться с мыслями и сконцентрировать моральные силы; 2) затем герой получает волшебный дар, который, по мысли Юнга, «воплощает своеобразие объединенной личности в добре и зле»⁹⁰; 3) мобилизовав героя, вещий персонаж сказки на прощание изображает ситуацию в целом не столь безнадежной, демонстрируя образец софистической мудрости,

⁸⁸ Юнг К.Г. Структура психики... С. 102.

⁸⁹ Там же. С. 92.

⁹⁰ Там же. С. 95.

по Протагору, или совершенное владение рефреймингом, как сказали бы современные технологи НЛП.

По окончании миссии мудрого помощника герой преобразуется: бывший неудачник предстает несокрушимой личностью, причастной волшебному миру. «Концентрации и напряжению психических сил свойственно нечто такое, что всякий раз появляется как магия: дело в том, что развивается неожиданная пробивная сила, которая зачастую многократно превосходит результат сознательной воли»⁹¹.

Все архетипы, как я уже говорила, имеют и позитивный, благоприятный, светлый, и, напротив, негативный, неблагоприятный, темный аспекты. Архетип духа не исключение. Однако, по убеждению Юнга, мы никогда не сможем узнать, какое зло необходимо, чтобы приблизиться к благу (нет худа без добра), и какое благо совращает ко злу.

Поэтому часто мудрец выступает отнюдь не опекуном, как нам бы того хотелось, но дарителем опасной судьбы, толкает на риск, исход которого не ясен. (Учить языки лучше всего «методом погружения», как и учиться плавать: не утонешь, так выплывешь.)

Профессиональный психотерапевт иногда вынужден обмануть доверие к нему клиента как к «доброй няне», чтобы оправдать его надежды на психолога как на такого вот архетипического мудреца. Архетип духа, действует ли он как интуитивный импульс, предстает ли персонифицированным видением или проецируется на реального человека, очень мало склонен «нянчиться» со своим ведомым. «Это очень даже возможно, — замечает Юнг. — Обыденный опыт показывает, что обдуманное, но сублиминальное знание судьбы инсценирует досадный инцидент, чтобы согнуть в бараний рог дурашливое Я-сознание и вывести его на путь истинный, которого оно иначе никогда не отыскало бы из чистой робости»⁹².

То, какой явится в сказке Баба Яга — мудрой старицей или ведьмой, пожирающей младенцев, — зависит от того, кто

⁹¹ Юнг К.Г. Структура психики. С. 94.

⁹² Там же. С. 100.

окликнет ее избушку или постучится в нее. (Обратите внимание: просят избушку повернуться «к лесу задом, ко мне передом» только те, кому хозяйка в конце концов поможет, остальные, надо полагать, так в нее и лезут, как стоит, т.е. не с «парадного крыльца», не как дорогие гости!)

Контактирующий с героем полюс архетипа, иными словами, определяется потенциальной готовностью героя воспринять от духа магический дар как причастие высшему знанию. В переносном смысле говоря, Баба Яга кинет в свой котел каждого, только один подумает: «Для того, чтобы сварить!» – и сварится, другой же решит: «Чтобы научить плавать!» – и будет благодарен за науку невредимым выйти из кипятка. «Имеющий уши да слышит»... «Имеющего уши» определяет его готовность развить в себе «мана-личность».

Термин «мана», употребляемый Юнгом, обозначает совокупность оккультных качеств, магических знаний и сил, представляющую собой «наивную проекцию бессознательного самопознания»⁹³.

По мнению Юнга, идентификация Я-сознания с этим архетипом – величайшая опасность для личности. Свобода устремления к самости, кажущаяся теперь достигнутой, – лишь иллюзия: Я снова попадает в плен, в новую смесь с очередной коллективной фигурой.

Наделяя субъекта ведением, т.е. объемом осознания большим, нежели средний для данной эпохи, делая из него фигуру Учителя (фигуру-Гуру) или, что чаще, Послушника, активированный архетип мана-личности погружает человека в социальный вакуум. Путь к самости лежит через растворение мана-личности посредством осознания ее. Но нет единого рецепта, как это сделать. «Тайну душевного развития невозможно выдать при всем желании просто потому, что развитие есть вопрос собственных возможностей каждого конкретного человека»⁹⁴. Каждый, обнаруживший себя чем-то вроде двойника мудрого старца или восторженно-просветленным после-

⁹³ Юнг К.Г. Психология бессознательного. С. 299.

⁹⁴ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 188.

дователем оного, ищет свой способ выхода из тупика, если пребывание в нем не предел его возможностей и желаний, конечно.

Рассказ об архетипических фигурах с мифологическими иллюстрациями некоторые находят занимательным, но как-то не вяжущимся с действительностью, лишенным прагматического смысла. Действительно, я еще не встречала никого, кому бы привелось увидеть хотя бы во сне белобородого старца с самокатным клубочком.

Зато в сновидении нежданно-негаданно возникала давно забытая старая «нянечка» из детского сада, о которой, «всамделишной», воспитанница только и помнила, как та припрятала осколки разбитой детьми вазы, ничего не сказав крикливой воспитательнице. Во сне эта тихая голубоглазая старушка, вовсе не похожая на Бабу Ягу, что-то говорила такое ласковое и простое про отношения с людьми, что, ни слова не помня из этого, сновидица проснулась в благодатном умилении... и спустила на тормозах конфликт с братом, эскалация которого давно и со злорадным вожделением ею планировалась.

А один молодой человек во сне долго шел за лысым дедком, пьяным и в промасленной спецовке, пока тот не вывел его к дому, в котором наяву вскоре состоялся решающий для этого юноши разговор. Мудрого старца трудно было признать в неказистой фигуре проводника, зато выяснилось, что он персонаж реального прошлого молодого человека. Когда-то в детстве, плохо связав «доверенные» ему учительницей коробки в школьной подсобке, мальчик рассыпал их. Все стали его ругать, только старый грузчик, подмигнув: «Смотри сюда!» – ловко завязал хитрый узелок и: «На, попробуй сам!»

Как Бог ходил среди людей в образе нищего, так и величественный архетип духа предстает, как правило, без сияющих риз.

Воплощением духа является и образ того, что заложено в первоначальном значении этого слова: «пневма», «дыхание», «движение воздуха» – ветер! Вотан, любое другое языческое божество ветра, сохранившее следы своего оплодотворяющего

начала даже в христианских мифологемах, где Богородица зачинает младенца от Духа, а сама в средневековой традиции символизируется коршуном. (Коршун представлялся видом, состоящим только из одних лишь самок, оплодотворяемых в полете ветром.)

Бессмертие как возможность, как привилегия породить в Духе – выход из личностного тупика, миража одержимости архетипом духа. Мать и дитя – символ такого прорыва. Но они же – множественная модель реальных детско-родительских отношений, во многом определяющих социальное поведение и взрослого уже человека.

МАТЬ И БОЖЕСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК. Человеческому рассудку трудно смириться с амбивалентностью явления, рассудку современного европейца – в особенности. И поскольку чудовищным выглядит негативный аспект материнства, фольклор и обыденное сознание отделили его от образа матери – Млекопитательницы, Заступницы, Покровительницы, Утоли-тельницы всех печалей (можно перечислять и все прочие эпитеты Богородицы).

Негативный аспект архетипического материнства вызвал к жизни ведьминские образы мачех, свекровей и тещ всех сказок и семейных драм. «Тень Мадонны была перенесена в ад, где сейчас ведет ничтожное существование в качестве чертовой бабушки»⁹⁵. Понятие «черт в юбке» и характеризует все выше-названные персонажи.

Проявления позитивного аспекта архетипа матери настолько воспеты в нашей культуре, что не стоит повторяться, перечисляя их. Поговорим о темной стороне.

Помимо матери как плодородного и доброжелательного божества этот архетип таит в себе, по выражению Юнга, «оргастическую эмоциональность и стигийские глубины»⁹⁶. Заботливая – убаюкивающая – обволакивающая – удушающая –

⁹⁵ Юнг К.Г. Душа и миф... С. 241.

⁹⁶ Там же. С. 219.

пожирающая – вот направление не приметного скольжения архетипа от его положительного полюса к отрицательному.

«Каждая женщина простирается назад – в свою мать и вперед – в свою дочь... ее жизнь простирается над поколениями, что несет с собой и чувство бессмертия»⁹⁷. Однако чувство это подвергается испытанию, когда однажды ему начинает противоречить «свет мой зеркальце», в котором увядание матери отражается в обратной пропорции к дочернему расцвету. И, если женщина не готова еще отказаться от царского венца молодости в пользу наследницы, негативный аспект матери активируется в ее бессознательном, завладевая всей личностью. Мать, конечно, пробует осознать себя птицей Феникс: пусть я сгораю, но в дочери восстану из пепла... Увы, мачеха-завистница в ней часто берет верх.

Тогда мать пытается обмануть время, удерживая дочь в лоне своей заботливости, делая ее беспомощной и инфантильной, как прежде молодящиеся дамы старались подольше своих дочерей-подростков выводить в коротких – детских – платьицах (ведь непростительно молодой женщине иметь взрослую дочь!). Или мать пытается отвести глаза людям, отвлечь на себя внимание мужчин, превращая Золушку в дикую «неблагодарную» замарашку.

Мать-колдунья может «пить кровь» дочери, вмешиваясь «материнским советом» в отношения той с молодыми людьми. Причем обе женщины, находясь в открытой уже конфронтации, как правило, не подозревают в этих бесцеремонных вторжениях злого умысла старшей.

«Проблемой, и серьезной, стали для меня отношения с моей мамой, – пишет 17-летняя девушка. – Она постоянно вмешивается в мою личную жизнь, пытаясь оградить от ошибок, которые совершала сама когда-то. Я понимаю, что мама – человек, который не просто может, но и должен советовать мне, опираясь на свой опыт и на свое знание и понимание меня. Но в последнее время эти советы стали при-

⁹⁷ Юнг К.Г. Душа и миф... С. 184.

нимать форму наставлений по принципу «так и только так!».

Весь полуденный мир, ускользящий из ее собственных рук, мать-мачеха ревнует к дочери. И снится одной из таких дочерей, что они с матерью – во дворе на детской площадке. Дочь хочет уйти, но мать вдруг обхватывает ее шею и виснет за спиной грузной отвратительной старухой (это ее-то стройная моложавая мамочка!). Виснет, и душит, и не пускает... Так и крутится дочь на детской площадке, нелепо и безнадежно, со своей безобразной ношей.

«Дочь не могла сознательно разглядеть пагубного материнского влияния, отсюда и компенсирующая критика со стороны бессознательного»⁹⁸, – резюмирует Юнг описание другого, почти столетней давности, сна, в котором мать кровожадной ведьмой гналась за любящей ее и чрезвычайно послушной взрослой дочерью (которой неприятный сон и приснился). В XXI в. сюжет воспрянул в фильме М. Ханеке «Пианистка».

Шанс разглядеть мачеху в матери, ведьму среди русалок (вспомним «Майскую ночь» Гоголя) предоставляет функция Логоса, как мы помним, даруемая женщине ее анимусом. В результате прозрения, могущего и не быть допущенным в сознание, дочь оказывается во власти одного из женских материнских комплексов, описанных Юнгом; неосознаваемым лейтмотивом жизни в этом случае становится: не быть всем, чем была мать. А если перефразировать: не быть всему, чем была мать, как бы ни компенсировалась сознательно такая революционная установка.

Овладевший женщиной анимус-Логос противостоит бессознательности. «Для Логоса это само зло. Поэтому его первый творческий акт освобождения – это матереубийство»⁹⁹. Как позитивный анимус убивает мачеху-змею, дракона бессознательного, так негативный анимус поражает само стихийное плодородное начало в женщине. (Палка, как обычно, о двух концах.)

⁹⁸ Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. С. 139.

⁹⁹ Юнг К.Г. Душа и миф... С. 233.

Матереубийство – творческий акт освобождения поднимающего голову «мужского», то есть, по Юнгу, сознательного начала (в том числе и в женщине). Однако мы помним из греческой мифологии, как мстительные эринии преследовали Ореста за пролитую им материнскую кровь.

Если Электру и Ореста представить как единое существо, а не как сестру и брата (ибо едины они были в стремлении к возмездию), Орест предстанет анимусом Электры – ее волевой и осознанно-рациональной сущностью, которая и получает поддержку Афины, богини разума, не матерью рожденной. В суде над Орестом его сторону также принимает Аполлон.

Итак, разум и индивидуальное сознание оправдывают уничтожение бессознательного – темного, утробного – материнского начала. Но голоса за и против Ореста разделяются на суде поровну. И, хотя формально обвинение снимается, тени эриний маячат над ним, а значит, и над его сестрой, до конца их жизни.

Не решен еще человечеством вопрос о приоритете – коллективного ли, родового, над индивидуальным, или дневного света сознания над мглой.

Такое мучительно неуравновешенное состояние души человеческой иллюстрирует сон одной молодой женщины. Частный случай ее взаимоотношений с матерью служит метафорой внутренних противоречий, отражает архетипическую борьбу разнородных начал психики. Сон является следствием угрызения эриниями совести после свершения акта символического матереубийства.

Предыстория сна такова, насколько я могу передать ее со слов Татьяны: она, ее молодой муж и новорожденный ребенок жили с родителями Татьяны. Мать ее стремилась провести в жизнь свои представления о семейном укладе, свято веря в их безальтернативность. Дочь воспринимала активность матери грубым вторжением в ее частную жизнь, в жизнь ее собственной – маленькой, новорожденной, как и ребенок, семьи.

Попытки Татьяны отстоять независимость высмеивались, к тому же пришлось выслушать много обидного. Наконец,

Татьяна – с мужем, дочерью в коляске и кошкой в сумке – ушли из дома, благо было куда.

Мать же была убита крушением идеала большой семьи, в которой она хозяйка, страшно опустевшим домом, внезапно открывшейся неприязню к ней дочери и безразличием зятя, исчезновением долгожданной игрушки – внучки.

Молодые супруги стали жить независимо, деля между собой ответственность за ребенка и обеспечение семьи. Творческий акт освобождения (читай: взросления и осознания многого из того, что скрыто было прежде пеленой инфантильной привязанности к родителям) состоялся. Но эринии не давали Татьяне покоя: мать-то была убита и искренне считала себя невинной жертвой дочернего эгоизма.

Тогда-то и приснился Татьяне сон. Носят ее морские волны метрах в ста от берега. Видит она все так, словно не погружена в воду, а стоит на поверхности, только тела своего Татьяна совсем не ощущает.

Берег представляет собой отвесную скалу, на которой изображен огромный черный женский силуэт. «Мать», – знает Татьяна и чувствует, что, хотя женщина и нарисована, она – живая. Плоское изображение одушевлено даже как-то более человеческой меры одушевленности. И портретного сходства с ее собственной матерью никакого нет, лица вообще не разглядеть. Это – просто – Мать.

В голове Татьяны звучит Голос. Уверенный баритон произносит: «На мать обижаться нельзя». И тотчас Татьяна понимает, что, раз Голос сказал, значит, истинно так. Кому принадлежит Голос, она не задумывается, но неоспоримость истины такова, как если бы была она провозглашена Богом.

Однако изреченную истину еще предстоит принять – не на веру, а в сердце своем, то есть согласиться с ней, проникнуться ею. И Татьяне известно, что это – ее последняя в жизни задача и цель. Что она так и будет носиться здесь по волнам, пока не сумеет выполнить этого.

И вот, по мере того как Татьяна добросовестно старается все более «вчувствоваться» в смысл фразы, волна, несущая ее на гребне, все более разгоняется, мча девушку на скалу, чтобы

(Татьяна знает) разбить ее у ног черной Матери, чуть только озарение наступит. Татьяна не боится, напротив, она понимает: это – последнее, что ей суждено в жизни.

Но в какой-то момент последней правды, несмотря на все Татьянино прилежание, в голове прорезывается другая мысль, возражающая изреченной Голосом: «Но я не могла иначе!» (Имеется в виду разрыв с реальной ее матерью).

Волна тотчас откатывает обратно в море, и все – не раз – повторяется сначала. Сон обрывается.

Голосом ли Бога, совести, или Супер-Эго была изречена формула культурного запрета, неважно. Важно то, что искреннее принятие покаянной роли «блудного сына» (блудной дочери) в данном случае ведет к гибели, вопреки традиционным представлениям. К гибели чего? Индивидуальности, конечно, личности.

Ни Афины и Аполлона, светоносных покровителей личного сознания, ни эриний, стражей родового закона, нет на фоне средиземноморского пейзажа этого сна, но спор между ними продолжается и в XXI веке.

Иные отношения складываются под воздействием негативного архетипа матери у женщины с ее сыном. Здесь ревность – не к сыну, а, напротив, сына ревнует мать ко всему миру со всей своей «оргиастической эмоциональностью». Сын – неутолимая мечта женщины о мужчине, я писала уже об этом в первой части, предлагая фрейдистскую интерпретацию отношений матери и сына. По Юнгу, это лишь одна из составляющих возможного отношения, так как сын для матери представляет собой ее анимус, явленный, наконец-то, во плоти, тем более достоверно, что также из глубин ее животного естества.

Вспомним три составляющие архетипа анимуса и увидим, какие бессознательные ожидания наполняют сердце матери: 1) сыну предстоит стать ее идеальным возлюбленным; 2) в то же время сыну надлежит представить собой материнское маскулинное начало в полном его расцвете, освобожденным от малейших признаков «бабства»; 3) наконец, трансцендентная функция анимуса реализуется, способствуя проецированию на сына **архетипа божественного ребенка**, суть которого в том,

что «ребенок – это потенциальное будущее... предвосхищение грядущего развития»¹⁰⁰ и всех связанных с ним упований, зреющий плод творческого начала бессознательного, таинственный и многообещающий в своей нерастленной целостности.

В первом случае страстная мать ассоциируется с негативной анимой, с Майей, обольщающей и уводящей в медовый плен от опасного мира. То мир мужских войн и женских обманчивых соблазнов, грозящий матери утратой сына, а сыну – утратой безопасной инфантильности. Только оставаясь пажом королевы, «вечным мальчиком или сыном благоразумия»¹⁰¹, реальный сын может остаться архетипическим сыном-любовником. Мать «заедает» его взросление, его потенциальное возмужание. Или же, в случае неудачи, впадает в грех инцестуальных желаний с поистине архаической необузданностью, даже если не отдает себе в них отчета.

Во втором случае, дабы воплотить в сыне собственное мужское начало, мать должна сделаться отцом собственному ребенку. Скажем мягче, «духовной матерью», активировав в себе, по выражению Э. Нойманна, «уроборический» аспект архетипа матери. (Уроборос – змей, кусающий собственный хвост – символ одновременно оплодотворяющего и оплодотворяемого, женско-мужского, в данном контексте, начала.)

Но происходит эффект, обратный желаемому: духовно оплодотворяемый материнским анимусом, сын все больше проникается «анимозностью», женственностью. У сына материнский комплекс нарушает мужской инстинкт посредством «неестественной сексуализации»¹⁰² вплоть до гомосексуальности и импотенции.

Оба этих трагически типичных случая наиболее полно представлены в мотивах мифа о Кибеле и Аттисе, на который ссылается Юнг¹⁰³. Аттис был сыном великой матери богов, двуполого божества Кибелы, и речной нимфы. Кибела влюбляется в прекрасного Аттиса и мешает его свадьбе с царевной.

¹⁰⁰ Юнг К.Г. Божественный ребенок. М., 1997. С. 361.

¹⁰¹ Юнг К.Г. Душа и миф... С. 234.

¹⁰² Юнг К.Г. Душа и миф... С. 223.

¹⁰³ Там же. С. 217.

В итоге Аттис сходит с ума, оскопляет себя и погибает. Прекрасное тело его, по воле безутешной Кибелы, возрождается в весеннем цветении трав.

В третьем случае (проекции на сына архетипа божественного ребенка) сын должен воплотить и превзойти мать в ее творческом начале, стать ее самоотверженным даром миру, последним земным ее движением в бесконечность самости.

«Нечто, вырастающее в самостоятельность, не может состояться без отторжения от истоков. Поэтому покинутость является не только сопутствующим, но просто необходимым условием»¹⁰⁴ архетипа божественного младенца.

В практической же действительности материнская проекция этого архетипа на сына может раздавить его личность едва ли не более успешно, чем проекции двух первых элементов анимуса: проекция может остаться жить в сыне автономно, подчиняя его судьбу своей программе.

На материнском и, более глобально, на родительском программировании ребенка строит свою сценарную теорию Э. Бёрн.

Признавая себя последователем и Фрейда, и Юнга, Бёрн создал в своем детище – транзактном анализе – синтез обоих направлений. В более популярном и остроумном изложении сокровища психоаналитической мысли породили, благодаря Бёрну, почти алгоритм терапевтических манипуляций, упрощенных, но поистине чарующих.

Переняв от Юнга отношение к мифологемам как к элементарной схеме аттитюдов и социального поведения человека вообще, Бёрн отказался от юнговской гипотезы «врожденности» подобных схем. Акцент на социальном происхождении так называемых архетипических установок социального восприятия, признание потенциально неограниченной свободы Эго и авторитарный метод терапевтического воздействия (очень напоминающий методы «дрессировщиков»-бихевиористов) – вот что отличает Э. Бёрна от К.Г. Юнга.

¹⁰⁴ Юнг К.Г. Божественный ребенок. С. 366.

Рассмотрим сценарную теорию в следующей главе и все же попытаемся вернуться в конце ее на позиции, более близкие Юнгу.

Глава вторая. Сценарная теория Э. Бёрна. Практическая работа с семейной мифологией.

«Ребенок рождается свободным, – утверждает американский психолог, основатель транзактного анализа Эрик Бёрн, – но очень скоро теряет свободу. В первые два года его поведение и мысли программируются в основном матерью»¹⁰⁵.

В «самый пластичный период детства», от двух до шести лет, **родительское программирование**, по мнению Бёрна, определяет, когда и как проявляются влечения, когда и как они ограничиваются. Нервная система ребенка сконструирована как программирующаяся: она воспринимает чувственные и социальные стимулы и строит из них устойчивые модели, которыми управляется поведение.

По трем причинам ребенок охотно воспринимает родительское программирование (хоть, разумеется, и не осознает пока этих причин): во-первых, оно придает жизни смысл, позволяя до поры до времени, а то и вовсе никогда, не заниматься его поисками самостоятельно; во-вторых, выполнение программы дает готовый способ структурировать время своей жизни в соответствии со сроками выполнения задач, поставленных родителями, или в соответствии с самим достижением целей, когда бы оно ни произошло. В-третьих, что самое важное, практичнее учиться на чужих ошибках, насколько это возможно (тем более что своих в жизни все равно окажется достаточно). А родители, программируя жизнь своих детей, как раз и пытаются передать им свой опыт, все то, чему они научились («...или думают, что научились», – уточняет Бёрн¹⁰⁶).

Родители, как правило, бывают расположены к программированию своих детей, поскольку миллионы лет эволюции запечатлели в них желание защищать и обучать своих отпрысков. Однако некоторые родители чувствуют себя обязанными

¹⁰⁵ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб., 1996. С. 213.

¹⁰⁶ Там же. С. 178.

преподносить ребенку наставления в объеме гораздо большем, чем этого требует долг.

В подобном гипертрофированном желании Бёрн также выделяет три аспекта: во-первых, стремление продлить свою жизнь в потомках (все та же жажда бессмертия); во-вторых, действие указаний собственной программы родителей, доставшейся им от их родителей в диапазоне от «только не допусти ошибки!» до «погуби своих детей!» (как ни страшно это звучит). В-третьих, родителями может бессознательно руководить и желание избавиться от собственных тяжелых «программных» характеристик, передав их кому-то другому (ребенку). Если родители неудачники, то часто, вопреки собственной воле, они передают именно свою программу неудачников.

По мнению таких родителей, их неудачи – следствие обстоятельств, помешавших воплотить конкретные идеалы. На самом же деле причина неудач – в самой системе ценностей, которую они лелеют в себе и теперь пытаются привить детям.

Бывает, конечно, и так, что родители отдают себе отчет в подлинной причине своих ошибок. В этом случае называемые Бёрном **заповедями** родительские наставления, действительно, хороши. Родители желают ребенку добра, учат его тому, что, согласно их картине мира и жизненным представлениям, принесет ему благополучие и успех.

Однако часто возникает противоречие между «заповедями», носящими характер вербальных деклараций, и программой, реально воспринимаемой ребенком от родителей. Это происходит потому, во-первых, что помимо родительских «заповедей» ребенку предъявляется **родительский образец** поведения, которому – и это не является открытием Бёрна – дети более склонны следовать, нежели пустым словам.

Есть и вторая причина противоречивого воспитательного воздействия. Пример его я позволю себе привести, отвлекшись от Бёрна, из «сентиментального романа» Ф.М. Достоевского «Белые ночи». Настеньку, юную героиню этой, по сути, повести, слепая бабушка ее держала в такой строгости, что даже «пришпиливала» булавкой девичье платье к своему, дабы внучка неотлучно сидела дома. Бабушка, единственная воспи-

тательница сироты, страшно боялась, как бы ту не соблазнил какой-нибудь повеса. Чтобы предостеречь девушку от опасности, бабушка пересказала ей, о чем писано во французских любовных романах (ими бабушка, оказывается, зачитывалась в молодости). Бабушка все выпрашивала у внучки, кроме того (в неподдельной тревоге!), хорош ли собою и молод ли их новый жилец.

В такой форме предостережение воспитателя является, скорее, подстрекательством. Да и произносимый текст часто противоречит невербальным приказам и поощрениям, исходящим от взрослого. «Мать может совсем не знать о том, – пишет Бёрн, – что выражение ее лица очень сильно влияет на ее детей»¹⁰⁷.

«Заповеди» взрослого также могут идти вразрез с его подлинными интересами. Начиная с того, что в отпрыске всегда приятно видеть свое отражение, даже отражение собственных негативных сторон, кончая бессознательным стремлением воспитателя извлечь из общения с ребенком сиюминутную, актуальную в настоящий момент, выгоду для себя.

Приведу на сей раз нелитературный пример взаимодействия бабушки с внучкой.

Бабушка контролирует выполнение девочкой домашних заданий и постоянно ругает ее за несамостоятельность, мол, вечно над ней надо стоять, иначе не поймет, закопается или вовсе что-нибудь сделать забудет.

При этом бабушке приятно чувствовать свою востребованность. При «самостоятельной» внучке ей стало бы одиноко, ведь она в душе не уверена, будет ли нужна девочке, если перестанет помогать делать ей уроки.

Ребенок, в свою очередь, не умеет выразить привязанность к бабушке (или лишен этой возможности), иначе как устраняя тайные опасения и оправдывая ожидания той, т.е. демонстрируя полную зависимость от ее помощи. В результате девочка все более теряет уверенность, находясь в школе без бабушки. А бабушка, сердясь из-за плохих отметок, с нежностью

¹⁰⁷ Там же. С. 317.

глядит на свою подопечную: не время еще мне скучать: вон сколько с внучкой возни.

Маленькие трагедии такого рода возможны, поскольку «заповеди», полезные наставления, исходят от так называемого **Заботливого Родителя**, провокациями и подстрекательством занимается в родителе **Сумасшедший Ребенок**, а чудеса интуиции демонстрирует **Профессор – Взрослый в Ребенке**.

Терминология Э. Бёрна останется непонятной, если мы не обратимся к его концепции **трансакций**, необходимой для понимания сценарной теории.

Но прежде стоит сказать о позиции Бёрна в отношении глубинной психологии. «В доктринальном смысле сценарный подход тесно связан с психоанализом, представляет собой одно из его ответвлений»¹⁰⁸, – признается сам Бёрн. Так что не совсем прав Э. Самуэлс, относя его в своей классификации к «неосознанным юнгианцам»¹⁰⁹. Бёрн признает «родство» и с Фрейдом, и с Юнгом. Тем не менее, в отличие от юнгианского, сценарный анализ предпочитает рассматривать модели социального восприятия и поведения человека скорее как результат его социализации, а не генетической предрасположенности, что не мешает Бёрну заимствовать у Юнга примеры этих моделей и отношение к мифологии как к реестру оных.

Если сценарная теория соотносится с аналитической психологией К. Г. Юнга, то прослеживается очевидная связь так называемых **Эго-состояний** в трансактном анализе со структурными элементами личности, по З. Фрейду.

Бёрн обнаруживает три основных Эго-состояния: Родитель, Взрослый, Ребенок (Р, В, Ре приблизительно соответствуют Сверх-Я, Я и ОНО).

Эго-состояния представляют собой набор согласованных поведенческих схем, они являются не ролями, но стабильной психологической реальностью, находящей выражение в эмоциональном состоянии человека, его тоне, позах, интонациях.

¹⁰⁸ Бёрн Э. Указ. соч. С. 353.

¹⁰⁹ Самуэлс Э. Указ. соч. С. 33.

Все три Эго-состояния доступны и необходимы каждому человеку, если не нарушен их баланс. В каждый конкретный момент, в каждой ситуации общения поведение человека определяется одним из трех Эго-состояний.

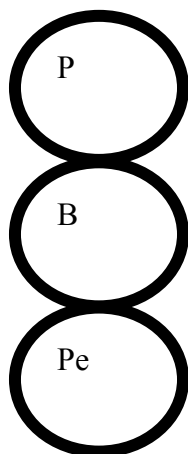
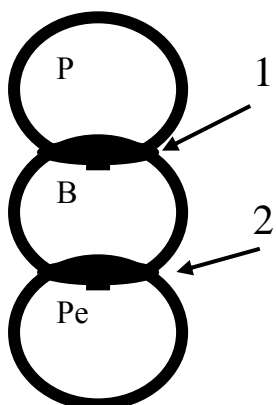
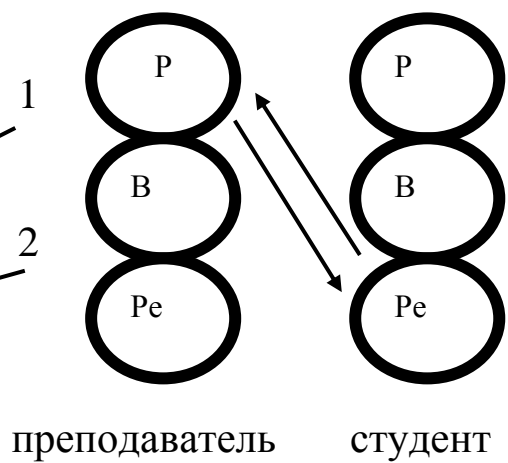
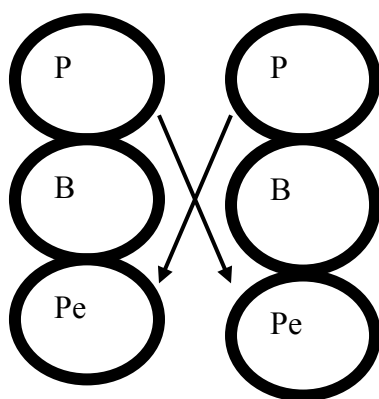
Родительское Эго-состояние соответствует образу реального родителя в памяти человека. Это, как правило, поучающий (строгий или заботливый) родитель, но иногда и провоцирующий (родительская ипостась Сумасшедшего Ребенка). Родительское состояние активируется для освобождения от принятия решения в каждом тривиальном случае, а также помогает человеку выполнять обязанности родителя собственных детей.

Эго-состояние **Взрослого** направлено на объективную оценку реальности. Пребывая в нем, человек способен эффективно и рационально строить свои отношения с окружающими, а также разрешать внутриличностные конфликты собственных Родителя и Ребенка.

Эго-состояние **Ребенка** не отличается единообразием. Бёрн обнаруживает три линии поведения в этом состоянии: 1) поведение слабого, пугливого и обидчивого, капризного существа; 2) поведение так называемого Естественного Ребенка – бунтующего, иногда проказника, но, в целом, неистощимо творческого, радостного и свободного; 3) наконец, поведение маленького Профессора (психологии) – интуитивного знатока душ, манипулятора, изобретателя, порой интригана.

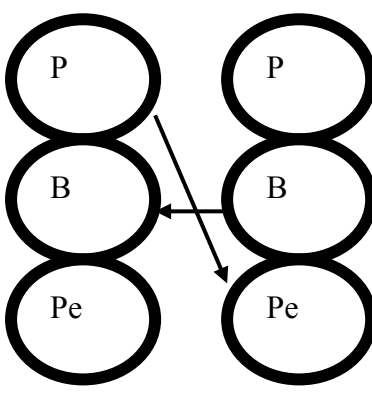
Сумасшедшим Ребенком, проявившимся в обоих моих примерах с бабушками, Бёрн называет некоего эгоистичного и злокозненного бесенка, исподтишка сводящего на нет все усилия как благонамеренного Родителя, так и мудрого Взрослого.

В соответствии с теорией Бёрна, каждый человек, единый в трех лицах (т.е. в трех Эго-состояниях), может быть схематически изображен чем-то вроде снеговика (см. рис. 1), хотя правильное изображение выглядело бы так (см. рис. 2), где «1» – область обманов, а «2» – область иллюзий. То, что остается в итоге от зоны Взрослого, и есть область подлинной автономии человека, позволяющей ему осознанно принимать независимые решения.

Рис.1Рис.2Рис.3Рис.4: а)

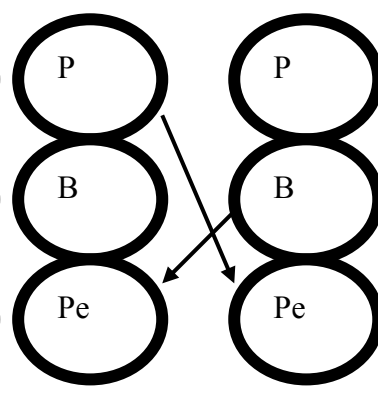
препод.

студ.

б)

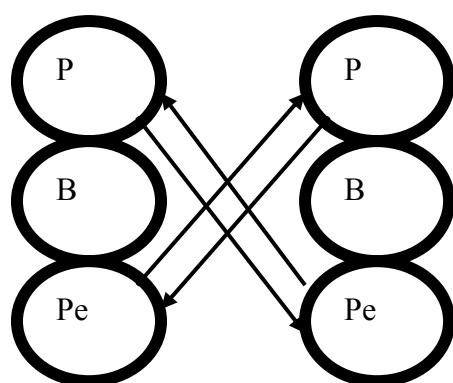
препод.

студ.

в)

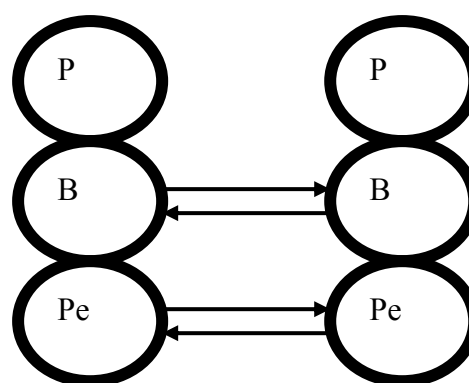
препод.

студ.

Рис.5

препод.

студ.

Рис.6

дьяк

Солоха

Единицей общения двух людей, по теории Э. Бёрна, следует считать **транзакцию**, состоящую из «транзактного стимула» (со стороны одного участника диалога) и «транзактной реакции» (ответа другого участника диалога). На схеме изображаются разнонаправленными стрелками.

Такой обмен репликами (вербальными или невербальными) может происходить в одном из Эго-состояний собеседников или осуществляться одновременно на двух уровнях.

Наиболее распространены **простые дополнительные транзакции** (см. рис. 3), где реакция исходит из того же Эго-состояния, к которому обращен стимул, и направлена к тому же Эго-состоянию, от которого стимул исходил.

Например, диалог на экзамене между преподавателем и студентом:

– Как, Вы этого не знаете?! Я посвятил этому две лекции!

– Извините, как раз эти две лекции я проболел.

Этот обмен репликами вполне укладывается в представленную схему. Строгий наставник (P) обращается к Ребенку (Pe) в студенте, рассчитывая получить в ответ оправдание. Расчет оказывается верен. В случае простых дополнительных транзакций, считает Бёрн, процесс коммуникации может протекать гладко и до бесконечности.

Но представьте гипотетическую ситуацию, когда в ответ на свою реплику:

– Как, вы этого не знаете?! Я посвятил этому две лекции!
– экзаменатор услышит от студента:

– Две сумбурные лекции, из которых трудно было что-либо понять! Следует четче формулировать свои мысли.

Или просто:

– Когда мне можно будет пересдать экзамен?

Процесс коммуникации в тоне, заданном репликой преподавателя, в обоих случаях прервется незамедлительно, как и после третьего варианта студенческого ответа:

– Вы предложили настолько нестандартный ракурс рассмотрения проблемы, что тема оказалась выше моего понимания.

Схемы трех последних вариантов трансакций см. на рис. 4.

Именно из-за того, что «копья скрещиваются» на этих схемах, Бёрн назвал подобные трансакции **пересекающимися**. Реагирующий собеседник отвечает в Эго-состоянии, неожиданном для стимулирующего, приводя того, по меньшей мере, в замешательство. В случае «а» вместо ожидаемого оправдания экзаменатор получает от студента строгий «родительский» выговор. В случае «б» – слышит вопрос Взрослого, переводящий диалог из эмоционального в конструктивное русло. В варианте «в» Взрослый студента льстит Ребенку в экзаменаторе, маскирующемся под Родителя: ведь именно Ребенок обижен, что его лекциями пренебрегли!

Третий тип трансакций, обнаруженных Бёрном, – **скрытые трансакции**, происходящие одновременно на двух уровнях – социальном и психологическом. Приведенный мною вариант «в» пересекающейся трансакции можно ведь было бы представить и так (см. рис. 5):

Социальный уровень:

Родитель в экзаменаторе:

– Вы не исполняете свой студенческий долг.

Ребенок в студенте:

– Извините, я глупенький.

Психологический уровень:

Ребенок в экзаменаторе:

– Ты меня не любишь, не хочешь слушать! Сейчас я тебе отомщу!

Родитель в студенте:

– Я тебя люблю, деточка, не плачь! Вот тебе конфетка: ты выдающийся ученый, твои лекции – не для средних умов.

Чтобы представить наиболее простой случай скрытой трансакции, вспомним разговор дьяка и Солохи из «Ночи перед Рождеством» Н. В. Гоголя. «Дьяк подошел к ней ближе, кашлянул, усмехнулся, дотронулся своими длинными пальцами ее обнаженной полной руки и произнес с таким видом, в котором выказывалось и лукавство, и самодовольствие:

– А что это у вас, великолепная Солоха? – и, сказавши это, отскочил он несколько назад.

– Как что? Рука, Осип Никифорович! – отвечала Солоха»¹¹⁰.

Мы видим в этой ситуации флирта двойную скрытую дополнительную трансакцию (см. рис. 6). На социальном уровне происходят запрос и передача информации между двумя взрослыми. На психологическом уровне два Ребенка обмениваются сигналами готовности к некоей увлекательной игре.

Слово «игра» в транзактном анализе Э. Бёрна – одно из ключевых. Под игрой автор теории подразумевает серию скрытых дополнительных трансакций с иногда бессознательно, но всегда четко определенным исходом. Игры в человеческом общении характеризуются наличием скрытого (порой от сознания самого игрока) мотива и обязательным получением выигрыша по крайней мере инициатором игры.

Играют люди ради выгоды, а не веселья, поэтому исходы игр могут быть трагичны, а ставки высоки – от известной черной шутки «вот отморожу уши маме назло!» до войны, самой зловещей, по мнению Бёрна, из человеческих игр.

Разоблаченным им играм Бёрн дает забавные и не лишённые цинизма названия: «Ну что, попался, негодяй!», «Гость-

¹¹⁰ Гоголь Н.В. Собр. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1999. С. 131.

растяпа», «Если б не ты...», «Загнанная домохозяйка», «Отшлепай меня, папочка!» и т. п.

Человеческое общение Бёрн подразделяет на пять видов по степени возрастания доверия и эмоциональной заинтересованности партнеров по общению друг в друге.

Процедура – серия простых дополнительных Взрослых транзакций, характеризующихся целесообразностью и эффективностью. Процедуры мы выполняем в ситуациях ролевого, профессионального общения, например, в ситуации «покупатель – продавец».

Ритуал – стереотипная серия простых дополнительных транзакций, заданных внешними социальными факторами. Ритуальное общение планируется Родителем и осуществляется полуавтоматически. Примером ритуальной служит светская беседа, содержащая нормированные «поглаживания» (дежурные комплименты, проявления умеренного участия и проч.). Ритуальное общение позволяет успешно структурировать время и присматриваться к собеседнику на безопасном расстоянии.

Времяпровождение – серия полуритуальных дополнительных транзакций вокруг одной темы из разных Эгосостояний. Времяпровождения классифицируются в зависимости от пола, возраста, социальной и культурной принадлежности участников. Главная функция времяпровождений – предоставить людям возможность бессознательного отбора себе партнеров по играм.

Игры позволяют все еще избегать пугающей **Близости**, но уже избавиться от скуки времяпровождений. Играют все (пожалуй, кроме прямолинейных шизоидов), боясь выпустить из рук этот спасательный круг ни к чему не обязывающего контакта, боясь остаться беззащитными в бушующем океане подлинных человеческих страстей.

Однако если счастливая возможность подлинной близости улыбнется, многие рискуют отбросить игры ради нее. Важно сохранить способность вовремя отказаться от игры, не стать жертвой манипуляций более ловкого игрока. Важно осознавать происходящее, чтобы оградить собственную независимость.

Процесс воспитания ребенка, его **социализации** – это, считает Бёрн, обучение его процедурам, ритуалам и времяпрепровождениям. Происходит оно путем усвоения инструкций и подражания ребенка окружающим. Своевременное усвоение трех базовых видов общения определяет социальные возможности, доступные взрослому индивиду.

«Наследование», также путем имитации, игр из поколения в поколение определяет, как человек воспользуется своими социальными возможностями.

Именно любимые игры (в Бёрновском смысле) определяют во многом судьбу человека в качестве элементов его жизненного сценария.

Сценарий, как легко догадаться, основное понятие сценарной теории Э. Бёрна, получает у него множество определений. Попробуем их свести воедино.

Сценарий – постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется еще в раннем детстве в основном под влиянием родителей, а позже дорабатывается ребенком под иными внешними влияниями. Каждый сценарий базируется на ограниченном количестве тем, большинство которых можно найти в греческой драме и мифологии. Сценарию всегда противостоит подлинная личность, живущая в реальном мире.

Бёрн предлагает даже формулу сценария: РРВ – Пр – Сл – ВП – Итог, то есть Раннее Родительское Влияние – Программа – склонность Следовать программе – Важнейшие Поступки (брак, воспитание детей, развод и др.) – Итог (предполагаемые сцена собственной смерти и надпись на могильной плите).

Американский психолог вовсе не хочет сказать, что вся наша жизнь строго детерминирована родительской программой или сценарием. «Сценарная теория утверждает, что в определенные критические моменты человек следует сценарным указаниям; в остальное же время он идет туда, куда его влечет, и делает то, что диктует его воображение»¹¹¹.

¹¹¹ Бёрн Э. Указ. соч. С. 357.

В зависимости от степени влияния программы, Бёрн обозначает **три типа судьбы**: сценарный, насильственный и независимый. А также, соответственно, **три типа личности**: 1) руководимая сценарием; 2) одержимая сценарием (как правило, роковым, с трагическим итогом); 3) о полностью «несценарном» типе личности говорить не приходится, да формирование такой личности и не является целью, к которой нужно стремиться. Поведение же будет не сценарным, если результат его можно изменить и сложилось оно не под влиянием родителей.

«Жизнь моя, – говорит о себе Э. Бёрн, – представляется осмысленной потому, что я следую долгой и славной традиции предков, донесенной до меня моими родителями. Но я знаю, что есть области, где я способен импровизировать»¹¹². Именно такая позиция характеризует сценарный тип судьбы и личность, руководимую сценарием.

Критерий степени влияния родительской программы на судьбу человека не единственный в **типологии личности**, насколько в теории Бёрна можно вычленить типологию. Само качество этого явления становится **вторым критерием** и дает два основных типа: Принцев/Принцесс (Победителей) и Лягушек (Неудачников).

«Победитель – человек, преуспевающий (с его точки зрения) в том деле, которое он намерен сделать. Неудачник – тот, кто не в состоянии осуществить намеченное»¹¹³.

Неудачник, как правило, жертва прошлой активности Сумасшедшего Ребенка его воспитателя. Победитель – продукт «хорошего сценария», благожелательные предписания которого носят адаптивный, а не запрещающий характер, сценария, снабженного многими «разрешениями».

«Чем больше у человека **разрешений** [от родителей], тем меньше он связан сценарием»¹¹⁴. Эти разрешения не надо путать со вседозволенностью. Важнейшими среди них Бёрн назы-

¹¹² Там же. С. 335.

¹¹³ Бёрн Э. Указ. соч. С. 207.

¹¹⁴ Там же. С. 240.

вает разрешения быть красивым, любить, изменяться, успешно справляться со своими задачами.

Поясняя свою мысль, Бёрн ссылается на сказку о Золушке Шарля Перро, подчеркивая роль феи в судьбе героини. Фея не только снабдила девушку в нужный момент платьем и экипажем, но наделила Золушку счастливым даром, обаяние которого больше, чем красота. Именно этот дар сделал замарашку Принцессой.

«Перро делает вывод о необходимости родительского разрешения в том случае, если ребенку суждено совершить в своей жизни что-либо важное. Он говорил о том, что человеку, бесспорно, нужны ум, отвага и благородство. Но ни одна из этих добродетелей не проявит себя в жизни, если человек не получит благословения от волшебников и пророков»¹¹⁵.

А именно волшебниками и пророками, как утверждает Бёрн, представляются маленькому ребенку его воспитатели. На первой стадии своего развития малыш вообще имеет дело с «магическими» людьми. Даже герои телерекламы излучают на него волшебный свет. Родители же являются ребенку гигантскими фигурами, вроде мифологических титанов, что позволяет Бёрну говорить о сценарии как о родительском «колдовстве» или «заклятии».

Магическое детское восприятие и обеспечивает трепетную чувствительность ребенка к программе. Оно вообще является основой существования человечества, если под этим подразумевать преемственность культурной традиции.

Третий критерий в типологии Э. Бёрна – иллюзорная установка в отношении судьбы, определяемая сценарием. По этому основанию люди делятся на две категории: 1) ждущих Санта Клауса (и собирающих поэтому подарки судьбы); 2) ждущих Смерти с косой (как избавительницу от постоянных ударов судьбы). Первая иллюзия предпочтительней, но утрата обеих бывает чрезвычайно болезненной.

Четвертый критерий – социальные установки личности. Он связан с разделением людей на Принцев и Лягушек. Тип

¹¹⁵ Там же. С. 305.

социальной установки, диктуемый сценарием, Бёрн называет **позицией-местоимением** и связывает также с установкой личности в отношении судьбы.

Первое, что люди чувствуют друг в друге, – это их позиции... В западных странах, считает Бёрн, одежда свидетельствует о позиции своего хозяина значительно ярче, чем о его социальном положении. Люди со сходными установками, как правило, стремятся вступить в контакт друг с другом.

Обозначив Принца (Победителя) знаком «+», а Лягушку (Неудачника) знаком «-», Бёрн выводит формулы четырех базовых позиций:

- 1) Я«+» Ты«+» (ориентация на успешный итог сценария);
- 2) Я«+» Ты«-» (установка превосходства);
- 3) Я«-» Ты«+» (депрессивная установка);
- 4) Я«-» Ты«-» (безнадежность, предполагающая самоубийство, психиатрическую лечебницу и т. п. в итоге сценария).

Путем включения в формулу местоимения «они» и прилагательных-антонимов количество позиций может быть увеличено «до количества людей в мире»¹¹⁶, как заявляет создатель типологии, обозначая тем самым известную ее условность (свойственную и всякой типологии).

Э. Бёрна интересует не строгость классификации, а возможность «внесения поправок» в сценарий, в частности, возможность достижения устойчивого изменения социальной установки. Что же касается частых и непродолжительных перемен позиций, то они – признак нестабильной, тревожной психики, возможно, признак «сценарного сбоя».)

«Устойчивые изменения позиции, – пишет Бёрн, – могут происходить... спонтанно либо с помощью психотерапевтического воздействия. А могут наступить и благодаря возникшему сильному чувству любви – этому целителю, представляющему собой естественную психотерапию»¹¹⁷.

¹¹⁶ Бёрн Э. Указ. соч. С. 209.

¹¹⁷ Там же. С. 205.

Направить изменения в нужную сторону терапевту помогает анализ **«сценарного аппарата»**, т.е. анализ элементов неудачного сценария.

Антисценарий – заложенный в ходе программирования способ освобождения от сценария. Он может быть ориентирован на событие (определять продолжительность сценарного диктата до рождения третьего ребенка, допустим) или на время («после 70 лет можно забыть о чувстве долга и делать, что хочется»).

Об антисценарии Бёрн пишет: «Так же, как многих взрослых занимает вопрос, как добиться своего, не нарушая закона, так и дети стремятся быть такими, какими им хочется, не проявляя при этом непослушания... Хитрость воспитывают и поощряют сами родители: это часть родительского программирования. Иногда результатом может стать выработка антисценария, в связи с чем ребенок сам меняет смысл сценария на противоположный, оставаясь в то же время послушным изначальным сценарным указаниям»¹¹⁸.

Интересно, сколько психиатров выбрали специальность как антисценарий к родительскому проклятию: «Психушка по тебе плачет!»?..

Как видим, следование антисценарию все же не есть освобождение от родительской программы. Даже «бунт» может предполагаться сценарием, а действительно независимые попытки эмансипации привести не к замене программы, а всего лишь к глубокой депрессии как следствию «проваленного» (невыполненного, но и ничем не замещенного) сценария. «Там, где свобода ведет к поражению, – горько констатирует Э. Бёрн, – она иллюзорна»¹¹⁹. И продолжает: «Избавившись от родительского «колдовства», некоторые люди становятся незащищенными и легко могут попасть в беду. Это хорошо показано в волшебных сказках, в которых проклятие влечет беды и несча-

¹¹⁸ Бёрн Э. Указ. соч. С. 219.

¹¹⁹ Там же. С. 241.

стья, но оно же спасает от других бед... Так, Спящую Красавицу сто лет защищали колючие заросли...»¹²⁰.

Определяя **задачи сценарного анализа**, Бёрн ставит основную его **цель**: помочь любому обратившемуся за консультацией человеку стать свободным в осуществлении своих намерений, пересилить родительское программирование и страх перед наказанием за непослушание (речь идет, разумеется, о «плохой» программе).

Метод аналитической работы близок юнгианской амплификации: «Одну из целей сценарного анализа, – пишет Бёрн, – мы видим в соотнесении жизненного плана пациента с грандиозной историей развития человеческой психики с самых пещерных времен вплоть до наших дней»¹²¹. Чтобы докопаться до сути «сценарной иллюзии», следует прибегнуть к помощи **волшебной сказки**.

Иногда пациент сам знает не только то, какая сказка произвела на него в детстве сильное впечатление, но и «программный» смысл ее сюжета для себя (вспомним случай с девушкой, любившей «Аленький цветочек»). Но обычно сценарному аналитику приходится работать только с эмоциональным, неотрефлексированным, предпочтением.

При этом важно не ошибиться, не навязать человеку сценарное значение мифа, нейтрального в его жизни. Бёрн предлагает проверять «**сценарный диагноз**», сверяя выводы нескольких независимых аналитиков и сопоставляя их с информацией о жизни пациента хотя бы последних пяти лет.

Увлекательная процедура амплификации (сопоставления реалий с мифологемами, наложения сказочной рамки на действительность или, точнее, возведение последней в непреходящую область мифа) напоминает мне настольную игру для дошкольников «Домики-сказки», которую мне подарили в детстве.

В нее играют по принципу лото. Выигрывает тот, кто быстрее закроет лежащие перед ним картинки маленькими кар-

¹²⁰ Там же. С. 276.

¹²¹ Там же. С. 185.

точками, которые в случайном порядке показывает ведущий. На каждой карточке – один сказочный герой, на каждой большой картинке – пустующий сказочный домик. По некоторым признакам (вроде забытой на подоконнике красной шапочки) можно догадаться, персонажами какой одной сказки предстоит этот домик заселить.

Малышу очень важно правильно определить, каких именно сказок домики оказались в его распоряжении. Во-вторых, важно не перепутать царевен, например, или волков (царевну Несмеяну с царевной-лягушкой, коварного волка из «Красной Шапочки» с прямолинейным его сородичем из «Трех поросят»).

Если дошкольника так и не выучить справляться с этими двумя задачами, в зрелом возрасте ему не миновать аналитика с его сказкотерапией. Сценарный анализ определит, в конце концов, правильно набор «больших карт» («домиков-сказок») клиента и займется «идентификацией личности» жильцов.

Быть может, нужно не менять сценарий, а всего лишь проверить аккуратность его сценической постановки? Ведь царевне Несмеяне не видать радости с Иваном-царевичем, который и сам всегда «невесел, буйну голову повесил». Дурачку не потешить Василису Премудрую (сама кого хочешь удивит), а хам и лежебока Емеля из «По щучьему велению» не станет прыгать на коне за перстнем царевны из «Сивки-Бурки», как ей бы того хотелось...

Анализ поможет понять, «вашего ли романа герой» (вашей ли сказки!) тот, к кому вы, возможно, ошибочно (и тщетно) предъявляете собственные сценарные требования.

Убедившись, что терапевтическая версия имеет под собой почву, Бёрн предлагает окинуть сказочный сюжет «взглядом марсианина». Вопросы при этом могут возникнуть у исследователя самые неожиданные: как могла, например, мать отправить Красную Шапочку через лес, зная, что в нем водятся волки?! И каких приключений искала бабушка, живя в таком лесу одиноко, с незапирающейся дверью?.. А не стоит ли, учитывая финал сказки, вывести из нее мораль, обратную общепризнан-

ной? Это волкам опасно заговаривать в лесу с маленькими девочками, которые кажутся наивными, а не наоборот!

Дело в том, что, говоря об актуализации мифологического мотива в жизни современника, следует помнить: мифологема помимо традиционной имеет множество иных интерпретаций, любая из которых может пригодиться для прояснения смысла и направленности реальных событий человеческой жизни.

На пути к истокам сценария своего клиента аналитик не должен пренебрегать мелочами (и это вновь заставляет нас вспомнить Шерлока Холмса). Большой удачей можно считать обнаружение самой формулы родительского «заклятья», самого «заклинания». Ведь, как правило, оно складывается из повседневных указаний, которым родители и не думали придавать столь «судьбоносного», как нынче стали говорить, значения.

По мнению Бёрна, социализация малыша пойдет совсем разными путями в зависимости от того, что говорили ему родители во время приема гостей: «Не открывай рот, пока тебя не спрашивают!» или «Представься гостям и расскажи им стишок!» (смысл: «не высовывайся!» или «покажи, на что ты способен!»).

На сценарий может оказать также влияние то, что человек узнает об обстоятельствах собственного зачатия и рождения, имя, которым его нарекли, и фамилия, доставшаяся от предков как благословение или проклятие.

Вообще **влияние предков** трудно переоценить, считает Э. Бёрн. «Как показывает мифология и практическая деятельность, к прародителям относятся с благоговением или ужасом, тогда как родители вызывают восхищение или страх. Изначальные чувства благоговения и ужаса оказывают влияние на общую картину мира в представлении ребенка на ранних стадиях формирования его сценария»¹²².

Как явствует из этой цитаты, родители вызывают более реалистичные эмоции, образ же предков (к которым Бёрн причисляет уже и бабушек с дедушками) овеян поистине религиозным чувством в детском восприятии.

¹²² Бёрн Э. Указ. соч. С. 193.

Истоки многих жизненных сценариев можно проследить, вглядываясь в события жизни прародителей, считает Бёрн. Семейные предания наравне с национальной и всемирной мифологией определяют характер социализации индивида. Если К.Г. Юнг усматривал в этом архетипическую природу, близкую генетической программе, как мы бы сказали теперь, Э. Бёрн видит исключительно социальное влияние.

Я склонна придерживаться классической, юнгианской, точки зрения, поскольку открытым в теории Бёрна остается вопрос о причинах бессознательного предпочтения ребенком того или иного влияния, если они оказываются параллельно несколькими значимыми фигурами.

Утверждая, что сценарий складывается, в основном, к шести-восемью годам, Бёрн, как я уже говорила, допускает возможность и более позднего внесения поправок (не говоря об оптимизме его терапевтической установки). «Сценарный аппарат гораздо более подвижен, чем аппарат генетический, и постоянно изменяется под воздействием внешних факторов, таких как жизненный опыт и предписания, получаемые от других людей. Очень трудно предсказать, когда и как кто-то из посторонних скажет или сделает что-то, что изменит весь сценарий человека. Возможно, это будет реплика, случайно услышанная... в толпе»¹²³, – признает аналитик.

С моей точки зрения, никакая реплика, случайно услышанная однажды или вбиваемая в голову ежедневно, не окажет ни малейшего воздействия на судьбу человека, если не ляжет на уже имеющуюся архетипическую предрасположенность, возможно, дремлющую до поры.

В испанской сказке о птице Правде дети срочно должны получить от филина сведения, для них бесценные. Но филин спит, и только одно волшебное слово способно пробудить его. Дети забыли какое! Случай помогает: в отчаянии дети шепчут: «Какая страшная ночь!»

¹²³ Бёрн Э. Указ. соч. С. 349.

Эта случайная реплика в сказке оказывается той, что «изменяет весь сценарий», потому что волшебным словом-будильником и было слово «ночь». Филин заговорил.

То же самое происходит и в человеческой жизни: архетипическая модель может и не «проснуться» – не активироваться, если не будет приведен в действие «пусковой механизм» (о нем мы уже говорили, рассматривая теорию Юнга). Однако, скорее всего, механизм приведен в действие будет – тогда, когда созреет необходимость. Ибо он заложен в самой модели. Ибо что более естественно было прошептать в полночь испуганным детям, чем «ночь... какая страшная ночь!»? Так ли уж случайно доносятся до нас «случайные реплики»?..

Однако Бёрн прав, говоря о возможности свободы при выборе человеком модели своего поведения (впрочем, это – краеугольный камень психоаналитического подхода вообще).

Как цепь простых дополнительных транзакций можно оборвать пересекающейся транзакцией, так и бессознательно осуществляемую череду сценарных поступков можно приостановить в критической точке, «объективировав» происходящее (термин Д.Н. Узнадзе).

Тогда, в пустоте этой напряженной паузы, сознание свободно оценит диапазон доступных возможностей, а интуиция подскажет, куда ступить.

Каждый из нас когда-нибудь становится «витязем на распутье» в своей жизни. Все мы сначала едем, бросив поводья и задремав в седле, пока дорога кажется единственной, а умный конь сам везет нас по ней. Но как только покажется, что путь оборвался (в пропасть ли или в чисто поле), – глядь, а не оборвалась дорога, но разбежалась на три стороны. А на камне написано... Не для коня, для витязя написано, что будет, если по каждой из тропок пойдет. Ему решать.

Сценарный анализ семейной мифологии.

Рассказывая о защитных механизмах личности, я, если помните, привела пример молодой женщины Ларисы, вытес-

нявшей свои подозрения о супружеской измене мужа, однако решившейся, наконец, взглянуть правде в глаза.

Правда выглядела удручающе: муж (Сергей) признался, что его посетила большая любовь, и ради нового брака он «почти уже совсем» решился оставить жену и пятилетнюю дочь.

Лариса подождала месяц, не созреет ли решение. Оно все не вызревало, а муж теперь всегда приходил за полночь. И Лариса приняла ответственность на себя: потребовала, чтобы Сергей не приходил домой вовсе.

Я познакомилась с Ларисой вскоре после этого. В психологе она искала собеседника, способного вернуть ей равновесие и волю к душевной концентрации. Почва была выбита из-под ног, Лариса не узнавала себя в женщине, три дня лежавшей пластом и – безо всяких рыданий – источавшей слезы из глаз. «Слезы текли непрерывно, сами собой, заливая уши... Как героиня А. Мёрдок, я даже удивлялась, откуда столько влаги. Разверзлись хляби небесные!» – усмехалась Лара.

Наши с ней встречи продолжались около трех месяцев. В это время Лариса с дочкой жили одни. Муж продолжал давать деньги и отчасти помогал по хозяйству. Он стал похож, по словам Ларисы, на собственную тень, на привидение, которое все бродит среди людей, не в силах расстаться с земным существованием.

Ларисе показалось, что Сергея можно вернуть. Но счастливое прошлое их жизни умерло безвозвратно, а призрак его в лице мужа был жалок и страшен.

Обнаружив себя жертвой банальной ситуации адюльтера, исключенного, казалось ей прежде, в ее безоблачном браке, Лариса стала невольно прислушиваться к житейским историям о неверности и обмане, чтобы узнать, «как это у других». Прислушиваться и вспоминать...

Благодаря рассказам матери и бабушки по отцу, Лариса неплохо знала свои корни до четвертого колена. Мы извлекли с ней из семейных преданий все случаи адюльтера, пристально вглядываясь в женские лица, отошедшие в историю вместе с XX веком.

Первые четыре «легенды», записанные мной, повествуют о событиях молодости Ларисиной прапрабабки Анны и жен троих ее внуков (последним Лариса, в свою очередь, доводилась внучатой племянницей) – Зои, Нины и Раисы. Вот эти семейные мифы.

1. Мифы Кибелы¹²⁴

1. Пани цыганка (миф об Анне)

В последней четверти XIX века русский прапрадед Ларисы Павел, служа в г. Лодзи, женился на польке. Анна родила ему троих детей (младший из них стал прадедом Ларисы). И неожиданно сбежала с таборным цыганом! Несколько лет спустя Павел узнал, что Анна с двумя кудрявыми младенцами вернулась в родительский дом из своего романтического кочевья. Посоветовавшись с детьми, Павел решил звать жену обратно. Та согласилась. Цыганят Павел усыновил.

Доминантную роль Анны в семье позволяет предположить то обстоятельство, что, зная польский, немецкий и французский, по-русски все дети объяснялись с трудом первое время после возвращения из Польши в Москву.

2. Ремейк (миф о Зое)

Петр, старший внук Павла и Анны, повторил судьбу деда, также приняв после нескольких лет отсутствия жену с маленькой дочкой от ее возлюбленного.

Ради вернувшейся Зои, красавицы с на редкость крутым нравом, Петром тотчас была оставлена некая кроткая особа, которую семья уже принимала как свою. Позже Зоя, держа в повиновении мужа и двух своих детей, не раз показала себя как

¹²⁴ Кибела – древнегреческая богиня плодородия, требовавшая, в отличие от благостной Деметры, кровавых жертвоприношений и полного самоотречения слугителей ее оргиастического культа.

жесткая и мудрая правительница своего маленького государства.

3. Приворот (миф о Нине)

Игорь, второй внук Павла и Анны, вернувшись к жене и дочери со Второй мировой, недолго с ними пробыл: ушел к Нине воспитывать ее сына и осиротевшего племянника. С Ниной Игорь завел потом еще двоих общих детей.

От первой жены Игорь уходил трудно, обливаясь горячими слезами, вспоминал ее всю жизнь с нежностью, а Нину за глаза величал «фашисткой». Но не мог от нее оторваться, преодолеть приворотную силу. Говорили, Нина опоила его зельем. Лариса же убеждена, что сила Нины заключалась в нестигаемой воле и поразительном шарме, даже в старости не утраченном.

4. Соавтор (миф о Раисе)

Третий внук Павла и Анны, Андрей, тоже бросил первую жену под влиянием роковой страсти, но так и остался холостяком, не оставив потомства: Раиса уже была замужем.

Раиса не хотела жить без Андрея, но и без собственного мужа, с которым растила детей, тоже не могла. А тот то ли не хотел, то ли не мог то ли без детей, то ли без Раисы. Так и стали жить: милое семейство и Андрей – в соседней комнате коммуналки.

С законным мужем Андрей дружил, вместе дачу Раисе строили. Муж так Раису и величал – «наша дама». А Андрей, написав книгу по искусствоведению, взял Раису в соавторы. С тех пор Соавтором та и стала его называть в шутку.

На похороны Андрея законный муж Раисы с трудом ее сопровождал, сам полупарализованный к тому времени. На вопрос Ларисы, как он решился выйти из дома, старик неожиданно лукаво блеснул глазами: «Как же я мог не пойти?!»

Эти четыре мифа – хотя только один из них относился к жизни кровной родственницы – юная Лара воспринимала как базовые при построении собственного образа брачных отношений. Ларисина мать, в своем заурядном единственном браке, видимо, тосковавшая по чему-то, романтизировала истории дамского адюльтера, внушив их дочери скорее как образцы для подражания.

Героинями «мифов Кибелы», безусловно, были женщины-Победительницы. Красивые и страстные, свободные в любви, но отнюдь не легкомысленные, они вполне прагматично выбирали себе спутников жизни. Поскольку дети и благосостояние собственной семьи определенно входили в систему ценностей этих женщин, от мужей они ждали терпимости, привязанности к дому, готовности содержать домочадцев. Во всех мужчинах, оказавшихся в тени четырех легендарных особ, можно предположить глубину чувства за внешней сдержанностью.

Воображая себя «женщиной-вамп» в будущем, шестнадцатилетняя Лариса встретила Сергея, который первые годы брака, действительно, соответствовал ее сознательным ожиданиям.

Но Лариса сама обманывала собственные надежды. Пережив после свадьбы два-три легких платонических увлечения, она что-то не спешила впадать в «цыганские страсти», а, напротив, все более привязывалась к дочке и милому, кроткому Сергею. Должно быть, и Сергей, некогда влюбившийся в насмешливую красавицу Ларису, перестал узнавать ее в своей «домашней» жене. Сценарная потребность в «роковой женщине» увлекла его, наконец, на путь адюльтера от Ларисы, переставшей таковой казаться.

А Лариса внезапно прозрела, обнаружив себя обманутой женой. Она вдруг заметила четырех мужчин, своих дедов, и, по меньшей мере, еще трех безответных женщин – жертв темперамента или расчета «любимых» Ларисиных героинь. Вдруг оказалось, что именно с «жертвами» Ларисе приходится отождествлять себя. Как сфинксы, люди эти были загадочны и

безличны, они не давали ответа Ларисе, как ей теперь поступать. Если терпеть, то почему?

И в новом свете предстали тогда «говорящие» ее сердцу образы еще двух родственниц (по другой линии) – сестры деда Полины и Любви, Полининой золовки.

II. Мифы Афродиты¹²⁵

1. Красавица (миф о Полине)

Полина, блестящая красавица, на которую заглядывались прохожие, источала аромат Праздника. Выйдя замуж совсем молоденькой девушкой за человека старше себя, она получила возможность снова окунуться в достаток, к которому привыкла с детства, когда, единственная из своей бедной семьи, воспитывалась в доме тетки, богатой купчихи.

Таким образом, материальная база оказалась благодатна для проявления природных веселости и кокетства Полины. А постоянное пребывание мужа в деловых разъездах способствовало учащению буйных пиров в знаменитом московском доме. По количеству поклонников с Полиной могла соперничать разве что Люба, сестра ее мужа, ставшая ближайшей подругой.

Овдовев незадолго до Великой Отечественной войны, Полина вышла замуж второй раз – по безумной любви, которая изменила весь стиль ее жизни. Роскошь была сведена мужем к минимуму, веселые компании – к обществу бывшей золовки и сына. (Сын вскоре погиб в ополчении.) А кавалеры получили отставку: Полина жила только мужем, прощала тому измены и сама оставалась ему верна. Полина сделалась образцовой сиделкой у постели долго и трудно умиравшего, однако памяти его изменила: себя похоронить завещала с первым мужем.

2. Старшая жена (миф о Любви)

¹²⁵ Афродита – древнегреческая богиня прелести и любовных чар, мать Влечения (Эрота) и Гармонии.

Эта «сказка» о сестре первого мужа Полины, о подруге ее по разгульным пирам, такая же страшная, как «Соавтор». Этими двумя сказками Ларису можно было пугать на ночь, по ее признанию.

Хорошенькая Любочка, не страдавшая от отсутствия женихов, выбрала самого настойчивого из них, покоровшего ее своим бешеным и властным нравом. С тем же напором муж делал карьеру. И к тому времени, как любовь его к Любе остыла, оказалось, что официальный развод ему не к лицу, то есть не к общественному лицу – «моральному облику строителя»... Тогда и заключил муж с Любой сделку: он ей – личную свободу и все материальные блага своего положения, она ему – «неделание» публичного скандала из того, что живет он на два дома: с Любовью, женой законной и старшей, и с любовью фактической, поселенной им – для удобства – через улицу.

Люба заливала обиду вином и мужским вниманием, а прожила «старшей женой» не один десяток лет. Кто говорил, что из корысти – ведь у нее дети росли, и только Полина знала, что сильно любит мужа ее подруга.

Две эти последние истории как-то совместились в восприятии Лары. Дедова сестра Полина, в пером браке сиявшая в ряду «женщин Кибелы», теперь навязчиво являлась печальной «рабой любви» и обстоятельств в своем втором браке. Теперь почти казалось, что Любина трагедия разыгралась в жизни самой Полины.

Да что там Полины! В жизни самой Ларисы! Это она, Лариса, прежде любимая и избалованная, вчера видела, замерзая на автобусной остановке, как муж вез в машине свою «подругу». Это она, Лариса, сегодня вскружила кому-то голову в гостях – чтобы узнать, способна ли еще, и чтобы не одной возвращаться по ночным улицам.

Это она сегодня много смеялась и залила шампанским вечернее черное платье... Потому что... потому что муж сказал, что та женщина родила от него сына.

III. Мифы Гекаты¹²⁶

1. О законной и благодатной (миф про Веру)

На веселые пиры молодой Полины всегда званы были ее братья. Там и увлекся один из них некоей особой. Оставив законную жену Веру и дочь, пропал на три года. И вторую дочку завел – уже не с законной, а с «благодатной» супругой.

Когда же надумал вернуться к Вере, та его и на порог не пустила. Сказала: «Одному ребенку ты уже причинил горе, так не делай несчастным другого!» Муж стал жить со второй семьей, но с Верой разводиться не захотел: долго еще надеялся, что та сменит гнев на милость.

Однако Вера была непреклонна. Много работала ради дочери, мужчин в ее жизни больше не было. Да и дочь замуж не вышла, сидела в старости с внуками единокровной сестры, которой – в память отца – помогала.

Сергей приходил теперь почти каждый вечер, гулял с их собакой, занимался с дочкой и жаловался Ларисе на тяжелый характер сожительницы. Лариса даже перестала понимать, что теперь сильнее душит ее по утрам – боль утраты или отращение к мужу.

Величественная фраза, произнесенная некогда неведомой Верой, уже готовилась слететь и с Ларисиных губ. В себе не находя оснований желать особенного счастья чужому непрошеному сыну, в альтруизм Верин Лара не верила. То была месть, конечно. И сцена окончательного изгнания мужа из рая, каковым сегодня представлялся уже Сергею их с Ларисой дом, пленяла воображение покинутой жены.

Но вот останется ли рай раем, сможет ли стать им снова, лишившись Адама? Верин опыт, да и опыт нескольких подруг

¹²⁶ Геката – древнегреческая богиня колдовства. Змееволосая покровительница покинутых возлюбленных. По некоторым источникам, мать Медеи. отождествлялась с римской «богиней трех дорог» – распутья – Тривией.

Ларисиной матери показывал, что избежание зла в лице предателя-мужа само по себе вовсе не гарантирует от других зол: одиночества, безденежья, унижительных зависимостей.

Гордо указав на дверь запутавшемуся в своих долгах и чувствах супругу, Лариса, как ей теперь стало ясно, не учла главного – интересов дочери и собственных, с нею связанных. Маленькая дочь долго не позволит Ларисе быть свободной, даже от своего отца, даже после Ларисино с ним развода.

Так что же – выбор из двух зол? Терпеть, как Люба, или тянуть лямку, как Вера?

Путь Гекаты – путь мести и деструкции брака. Быть может, не только собственного, но и грядущего дочернего. А Верин путь – лишь одна из трех дорог Гекаты-Тривии.

Вот вторая.

2. Гекатэриния¹²⁷ первая (миф про старшую Екатерину)

Ларисиной прабабке по отцу, Екатерине, семья не разрешила выйти замуж за любимого и бедного. Тогда угодному родне богатому жениху Акиму Катя поставили невыполнимое условие: креститься перед свадьбой в новую веру. Старообрядец Аким невыполнимое исполнил, смягчив тем самым сердце красавицы.

Шестерых сыновей растили Аким с Екатериной. Старший уже собрался жениться, когда неожиданно запросилась на свет его сестра – седьмой ребенок в семье, вторая Катюша – будущая Ларисина бабка.

¹²⁷ Слово образовано мной от имени Гекаты и эриний – древнегреческих богинь безумной мести, хранительниц архаичного материнского права.

Не успела она еще родиться, как бес ударил в ребро отца: Аким ушел из дому и загулял на чужой стороне.

Отчаяние Екатерины, прежней желанной невесты, недавно счастливой матери, а теперь привязанной к неподъемному для женских рук хозяйству... Отчаяние Екатерины ненавистью обрушилось на голову нерожденного младенца. Екатерина прыгала с крыши избы, чтобы выкинуть плод, но Катя-младшая крепко держалась. Мать пыталась убить ее, новорожденную, – сыновья отняли.

Аким, прослышав обо всем, одумался и вернулся. Но через год умер. Решили, что грибами отравился.

А младшую Екатерину – много позже – мать прокляла-таки. За то, что московского жениха предпочла деревенскому – сыну того, с кем старшей Екатерине не позволили в свое время обвенчаться. Дочь отказалась исправить судьбу матери.

3. Гекатэриния вторая (миф про младшую Екатерину)

Материнское проклятие, должно быть, предопределило разыгравшуюся в молодой семье драму. Через год после рождения сына (отца Ларисы) Екатерина случайно узнала не только о неверности любимого мужа, но и о том, что ради нее, Екатерины, им брошены «гражданская» жена и дочь.

Атмосфера в семье накалилась. А два месяца спустя муж Кати застрелился. Он узнал, что на него, штабного офицера, написан донос. И обвинения, по военному времени, были тяжки. Поговаривали, что автором доноса могла быть Екатерина, вот уже несколько лет «работавшая на органы».

Овдовев, Катя отправила сына в деревню, избавилась от второго, еще не рожденного, ребенка способом более надежным, чем прыжки с крыши, и занялась устройством личной

жизни. Верность – вот что требовала Катя от претендентов на ее руку.

Ей было уже под шестьдесят, когда открылась измена последнего мужа, отца ее второго, уже взрослого, сына. Екатерина немедленно подала на развод, вернула себе девичью фамилию и сумела сделать процесс раздела имущества столь шумным и обременительным для бывшего супруга, что тот не дотянул до его завершения – сердце не выдержало. Последнего мужа Екатерина пережила на двадцать лет.

Второй деструктивный путь Гекаты – в судьбе Медеи, мстительницы и детоубийцы.

Лариса не ощущала своей мифологему, столь близко к оригиналу «отыгранную» ее прабабкой и бабушкой. Но она стала понимать то, что прежде казалось немислимым: как любовь превращается в ненависть, как почти религиозное преклонение (перед христианской кротостью Сергея) оборачивается презрением (к его нерешительности и легковерию). Лариса – с ужасом – заметила свои тяжелые взгляды, устремленные порой на дочь: если б не она, все было б проще... Но дочь Ларе была дороже свободы.

А стало быть, мстить нужно, не разрушая дочернего благополучия. Геката готовилась открыть Ларисе свой третий путь...

Любовь предполагает уважение к любимому и, прежде всего, принятие его выбора. Презрение допускает манипуляцию человеком. С горечью отметив в себе произошедшую перемену, Лариса стала учиться манипулировать мужем. Лара не сомневалась, что импульс бабкиного мстительного злорадства дал ей на это силы.

Лариса, врач-эндокринолог, легко могла подобрать средство для «остуды». А выровняв эмоциональный фон мужа, Лариса стала терпеливо вытягивать его из чужих рук, укротив собственные обиды, недоумения, претензии.

Лариса теперь часто принимала гостей (муж бывал в их числе), придерживала на почтительном расстоянии пару поклонников (для демонстрации мужу). Дом и дочь Ларисы сияли

уютом и благополучием. Сама хозяйка была ухожена, ровна и сердечна. Казалась увлечена работой, болтала о живописи, в беседах с мужем являла себя приветливым, всепонимающим другом.

Оставшись одна, Лариса в ярости била тарелки о входную дверь, которая снова и снова закрывалась за Сергеем, уходившим ночевать «туда»... Но завтра опять делала все, чтобы противопоставить в глазах Сергея свою «светлую» жизнь его новой – неустроенной, с крикливым младенцем и его уставшей, теперь заметно немолодой (много старше Ларисы) матерью, у которой, судя по жалобам Сергея, все чаще сдавали нервы.

Чтобы узнать, с кем имеет дело, Лариса даже позвонила «разлучнице», чтобы выразить сочувствие. И обнаружила, что та на самом деле в нем нуждается: завидует Ларисе, зла на нее и впечатления умной соперницы не производит.

Лариса утроила энергию. Возвращение мужа домой – в вечный сон их жизни без страсти (а теперь и без любви) – представлялось ей идеальным возмездием Сергею с утилитарно полезными следствиями.

Лариса сознавала, что ее «коварная месть» – путь, деструктивный не для брака, но для души. Причем, не только Сергея – для ее собственной. Ложь иссушает. Но не она первая начала лгать, она лишь хочет оказаться сильнейшим игроком в любой игре, навязанной обстоятельствами.

Настал тот день, когда Сергей вернулся домой. Другой Сергей к неузнаваемой Ларисе. Лара почувствовала себя муравьем, затащившим, наконец, в муравейник – на прокорм братии – огромную парализованную гусеницу. Смесь муравьиного торжества и человеческой гадливости.

Месть утолена была в душе женщины. Геката-Тривия открыла ей свой третий путь, на придорожном камне проступила надпись... И Лара, выбрав его, испытала потребность обратиться к двум последним историям адюльтера – к жизни других своих, по матери, бабушки и прабабки.

*IV. Мифы Геры*¹²⁸

1. Крах журналиста (миф о Софье)

Из двух влюбленных в нее братьев (сыновей «пани цыганки») 26-летняя Софья выбрала младшего, 18-летнего Георгия. В браке с ним родила троих сыновей (см. мифы 1.2–1.4.) и дочь, Ларисину бабку.

В отличие от своей свекрови и будущих снох, Софья не отличалась красотой, зато превосходила их всех энергией и практической сметкой. На ней держался дом.

Муж, до революции 1917 г. упражнявший свои литературные дарования в разных газетах, после почти уже ничего не зарабатывал. Держался (да и выглядел), скорее, как младший брат Софьи, а не муж.

Роман, захвативший Георгия лет пятнадцать спустя женитьбы, имел трагикомичный, на взгляд Ларисы, финал, казавшийся и профессиональным крахом Георгия-журналиста. Софья диктовала прощальное послание, а Георгий писал: «Милая Люся, я люблю тебя и вечно буду помнить, но четверо детей... жена... долг...» (и т.д. и т.п.)

Софья однажды услышала, что загулял ее брат. «Ничего, мы его вернем, – заверила невестку Софья. – Купи себе новую шляпку и приходи ко мне по ночам чай пить!»

Неделю, другую муж приходит за полночь, а жена – под утро (довольная и в шляпке). Призадумался Софьин брат, стал за женой следить, выследил, наконец, у родной сестры. И все у них на лад пошло.

Семейные предания Ларисы умалчивают о том, сколько шляпок сменила сама Софья, прежде чем начать диктовку (и сколько слез пролила). Зато известно, что в Великую Отечественную только трудами Софьи не голодали ее семья и вся родня мужа.

¹²⁸ Гера – сестра-супруга Зевса, верховного бога-олимпийца в древнегреческой мифологии. Покровительница брака и рождения законных детей. Требовала супружеской верности, противостоя воле Зевса.

2. «Ольга Георгиевна» (миф про Ольгу)

В тридцатые годы Софья запретила дочери принять предложение того, кого Ольга любила: социальное происхождение его было по тем временам опасно. А Софья не затем «маскировала» после семнадцатого года дворянство своего мужа, чтобы теперь иметь проблемы с зятем.

Ольга послушалась, а ее любимый уехал в другой город и там быстро женился – в пику отвергшей его невесте. Тогда и Ольга поспешила выйти замуж за будущего Лариного деда, пожалев недавно осиротевшего скромного Алешу.

Ольга днями была на работе, вечерами училась. Алексей, скучая, все чаще заходил к сестре – той самой пирами славной красавице Полине. Он стал уже сутками там пропадать, когда Ольга, не желая разделить участь Веры, явилась к золовке и – раз и навсегда – извлекла мужа из «вертепа».

Рождение Ларисиной матери совпало с несчастным случаем, постигшим Алексея. Оставив работу по инвалидности, он занялся воспитанием дочки. Вкусно готовил, придумывал сказки и в одиночестве попивал.

Ольга же посвятила себя заработку и научной карьере.

Ее бывший жених раз в год бывал проездом в Москве и с некоторых пор всякий раз стал звонить Ольге. Они встречались на пару часов и, кажется, оба год жили этой встречей. Еще три раза Ольга отклоняла предложение любимого: потому что дети еще маленькие; когда дети выросли – потому что она не может бросить инвалида мужа; наконец, когда овдовела – потому что не хочет разбить жизнь другой женщины. Слишком порядочная была? Слишком гордая? Или слишком боялась?..

Последний «визит проездом» не застал Ольгу в живых.

«Миф про Ольгу» Лариса узнала позже, от матери. В детстве же видела бабушку в ее комнате, заваленной рукописями и книгами, в институте, где все ее знали, видела смеющейся в кругу студентов, табунившихся за седовласой обожаемой «Ольгой Георгиевной».

Почтенный образ бабушки Ольги не вязался как-то ни с семейной жизнью, ни тем более с легкомыслием любви в представлении Ларисы. Странно, что именно молодую бабку – в материнском изложении – все больше стала напоминать себе Лара с того дня, как вернула Сергея дочери.

«Положив на место» то, что, оказывается, плохо лежало, потому и было украдено у нее, Лариса спросила себя, как смогут они с мужем жить дальше. Неожиданным ответом стало то, что Лара затеяла писать диссертацию, до ночи пропадала по клиникам и библиотекам, стараясь как можно меньше с Сергеем пересекаться.

Сергей же охотно впрягся в домашние заботы, ощутив себя снова в своей тарелке. И начал время от времени навещать «вторую семью», боязливо скрывая это от Ларисы. Та знала и не отказывала себе в удовольствии иногда «пугнуть» мужа неожиданным проявлением осведомленности. Но боли уже не чувствовала: потерявши голову, по волосам не плачут. Явилась жалость: Сергей казался затравленным озябшим существом, жмущимся к родному очагу.

Утолив в себе жажду мстительной Гекаты, почти утешив негодующую Геру и, кажется, уже к Афине, целомудренной и рациональной, обратив внутренний взор, Лариса вдруг оглянулась на смертных – Анну, Зою, Нину...

Она подумала, что считанные годы в жизни этих женщин были отданы любви, а каждой долгий век был отпущен. Никто не знает, как провели они череду лет, какие иллюзии испытали, какие разочарования. Какие они проглотили обиды и какие мозоли натерли на их ладонях вожжи семейной упряжки...

Царственный блеск и твердая рука этих женщин, насмешливо взиравших на «физические» измены преданных мужей, – в каком огне закалились? «Земной любви недовесок», выражаясь стихом М. Цветаевой, гнал их в «цыганский табор», отказ «слезой солить» его и там приводил домой.

Лариса заподозрила, что, обойдя хоровод богинь, взглянув каждой в лицо, она опять приблизилась – только с черного хода – к наивному идеалу своей юности, образу «роковой женщи-

ны», манящему сияющим фасадом. Круг богинь замкнулся: в циничной Кибеле сквозило видение Геры (пробовавшей однажды родить дитя без Зевса), Геката скользила вослед Афродите, та милостиво сменяла Кибелу.

В каждой реальной женской судьбе танец богинь не прерывался. Лишь мифы, как старые снимки, являли застывшие па. Очередное рождение в мир все приводило в движение.

Утешительно всякое новое открытие, что земля бесконечно кругла, как замкнуто и коловращение образов нашей души. «Хоровод богинь» вселил в Ларису надежду на возрождение.

V. Миф назидательный

Чужая сказка

Вдоль чешской дороги стоят рядом одиннадцать простых деревянных крестов. Они поставлены там, по преданию, в память расстрелянного свадебного поезда. Дело было так: девушка вылечила раненного охотника и обещала стать его женой. Но изменила данному слову: собралась замуж за другого. Охотник не пощадил свою спасительницу: спрятавшись в лесу у дороги, он застрелил молодых после венчания, перебил восьмерых их родственников, а одиннадцатую пулю послал себе в сердце.

Когда я рассказала Ларисе эту легенду, мы обе уже знали, что она может быть только «чужой сказкой». Смерть, истребление рода разомкнут божественный хоровод. На «мертвый» миф некому будет смотреть из будущего. Никто в него не вдохнет жизнь.

Собственно, некому будет создать этот миф. Потому что связь жизни с мифологией – обратная причинно-следственной. Эта связь определяет зависимость прошлого от настоящего, а не наоборот.

Не бывает четко прописанного сценария и его реализации. Однако человек нуждается в **сценарной интерпретации** мифа, меняющейся в зависимости от жизненного опыта. Диапазон

возможностей человека постепенно вскрывает в мифе соразмерный диапазон архетипических моделей. Узнавание происходит, как правило, постфактум, поэтому рискованно пророчить. Но обратить человека к мифологии – этнической ли, семейной – полезно: взгляд в вечное поможет организовать хаос настоящего в направлении будущего.

«Я почувствовала, как тени моих предков обступили меня почти осязаемым хранительным кругом, спасая от беспомощности перед лицом разразившейся беды», – написала мне Лариса после завершения наших с ней встреч.

Каждому из нас кажется, что он идет по целине. Но часто «новая стежка» пролегает уже по чьим-то следам, замеченным временем. Нанесены они или нет на карту семейных преданий, главное, чтобы путь, который мы выбираем, вел нас правильно, то есть к себе подлинному, к себе самому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уважаемый читатель! Тем, что вами здесь прочитано, не исчерпываются ни теория, ни методы, ни область применения на практике социальной психологии личности. И в списке литературы вы найдете учебники и монографии, способные расширить представление о предмете.

Я же ставила себе главной целью распахнуть академическую мантию, в которую облачают Психологию многие учебники, чтобы показать ее роскошные карнавальные костюмы, под которыми всегда замирает и бьется живое сердце самой загадочной из наук. Если вы все это увидели, считайте, что Психология раскрыла вам объятия.

Дело в том, что личность – не «предмет такой-то дисциплины», это – вы, неповторимый! Вы сегодняшний, вы завтрашний... А «социальная психология личности» не набор абстрактных терминов! Это ваши любовь и неприязнь, размолвки и примирения, ваши обольщения и разочарования, вы – всегда среди «чужих» и «своих». Психология – вечное «познай ближнего как самого себя», простите за кентаврическое смешение заповедей.

«Надеюсь, – сказал как-то мой Учитель, профессор МГУ Валерий Викторович Петухов, завершая лекционный курс, – я коснулся вопросов, которые будут теперь вставать перед вами всю оставшуюся жизнь». И добавил: «Университетское образование ведь тем и отличается от просто высшего, что не отвечает на вопросы, а учит задаваться ими».

Курс психологии в таком молодом университете, как МГИМО(У), – тоже, прежде всего, курс пробуждения любопытства к себе и к внутреннему миру того, с кем встретился взглядом.

Хорошо, если уже в семнадцать лет этому интересу будет придано верное направление. Ведь «юношеский возраст, – пишет Э. Бёрн, – преподносит наибольшее число самоубийств, употребление алкоголя и наркотиков, а также значительное количество психозов. Однако и провал на экзаменах надо прини-

мать всерьез, так как одной такой «метки» порой бывает достаточно, чтобы определить судьбу человека на всю жизнь... В юности человек решает, что он будет делать в своей жизни или, по крайней мере, чем заполнит время до такого решения»¹²⁹.

Вы выбрали специальность, связанную с человеческим общением. Поэтому психологом станете неизбежно, если Вам суждено добиться профессионального успеха. Но я бы хотела, чтобы университетский курс психологии избавил вас от необходимости заново изобретать велосипед. Я надеюсь также, что познакомила вас с книгами, которые станут вашими неизменными собеседниками, и с «породой» людей (практических психологов), по которым в час сомнений можно прочесть самого себя.

Учась договариваться с людьми, преследуя при этом определенные цели, сверяйте эти цели по камертону своей души: подлинно ли они ваши. Став знатоком «слабых струн» людей и мастером манипуляции, не перехитрили ли вы самого себя? Чтобы показать, как это бывает, я позволю себе привести слова другого моего университетского профессора, Елизаветы Петровны Кучборской, о журналисте Эмиле Блонде из «Шагреновой кожи» Бальзака: «Он был психолог: он умел выбирать себе убеждения и покровителей. Победителем он должен был стать, но нет, нет, не стал! Это огромная ведь бальзаковская тема – побежденные, победители. Сколько людей, принадлежащих к профессии Эмиля Блонде, оказываются в стане побежденных, хотя умеют выбирать убеждения и покровителей! Чего-то им не хватает?».

Понимания себя, верности себе, памяти о себе, юном... Желаю, чтобы вас, уважаемый читатель, сия чаша миновала – не без помощи прослушанного когда-то курса социальной психологии личности!

¹²⁹ Бёрн Э. Указ. соч. С. 259, 270.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М., 1990.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000.
3. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М., 2001.
4. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996.
5. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998.
6. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.
7. Асмолов А.Г. Психология личности. М., 2001.
8. Барц Э. Игра в глубокое: Введение в юнгианскую психодраму. М., 1997.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
10. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. М., 2001.
11. Бёрн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб., 1996.
12. Бёрнс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
13. Богданов В.А. Социально-психологические свойства личности. Л., 1983.
14. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1999.
15. Гулевич О.А., Безменова И.К. Аттитюды и их взаимодействие с поведением. М., 1999.
16. Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995.
17. Додельцев Р.Ф. Фрейдизм: Культурология, психология, философия: Учебное пособие. М., 1997.
18. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.
19. Кембриджское руководство по аналитической психологии. М., 2000.

20. Келли Дж. Психология личности: Теория личных конструктов. СПб., 2000.
21. Конан Дойл А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Ростов н/Д; Волгоград, 1993.
22. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы. М., 2001.
23. Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов, 1986.
24. Лакан Ж. «Стадия зеркала» и др. тексты. Париж, 1992.
25. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
26. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
27. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
28. Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983.
29. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.
30. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
31. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб., 1999.
32. Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г.М. Андреевой и А.И. Донцова. М., 1981.
33. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998.
34. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. СПб., 1999.
35. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. М.; Киев, 1998.
36. Нуркова В.В. Совершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
37. Перельман Х. Из книги «Новая риторика» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
38. Перотти А. Аргументы в пользу мультикультурного образования: подход Совета Европы. М., 1995.
39. Петровская Л.А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982.
40. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., 1992.
41. Петухов В.В. Природа и культура. М., 1996.

42. Платон. Федон. Пир. Федр. СПб., 1997.
43. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
44. Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. М.; Киев, 1997.
45. Розанов В.В. Люди лунного света: метафизика христианства // В.В. Розанов. Сочинения. Т. 2: Уединенное. М., 1990.
46. Розанов В.В. Смысл аскетизма. Библиография // В.В. Розанов. Сочинения. Т. 1: Религия и культура. М., 1990.
47. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.
48. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы: Курс юнгианского психоанализа. М., 1997.
49. Социальная психология: Хрестоматия / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М., 1999.
50. Социальная психология личности. М., 1979.
51. Социальная психология личности в вопросах и ответах. М., 1999.
52. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
53. Столин В.В. Самосознание личности. М., 1984.
54. Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. М., 1993.
55. Теплов Б.М. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М., 1985.
56. Трусков В.П. Когнитивные процессы в социальной психологии. Л., 1983.
57. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966.
58. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб., 1999.
59. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1991.
60. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992.
61. Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995.
62. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989.
63. Фромм Э. Психоанализ и этика. Человек для самого себя. М., 1993.
64. Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994-95.
65. Хиллман Дж. Архетипическая психология. СПб., 1996.
66. Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. СПб., 1997.

67. Хрестоматия по истории философии: от Лао-Цзы до Фейербаха. М., 1998.
68. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
69. Эткин А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб., 1993.
70. Этническая психология и общество / Под ред. Н.М. Лебедевой. М., 1997.
71. Юнг К.Г. Божественный ребенок. М., 1997.
72. Юнг К.Г. Душа и миф: Шесть архетипов. Киев; М., 1997.
73. Юнг К.Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. М., 1998.
74. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1996.
75. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. СПб.; М., 1997.
76. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996.
77. Ядов В.А. Социальная идентификация личности. М., 1994.
78. Якоби М. Встреча с аналитиком. М., 1996.
79. Янссон Т. Волшебная зима. СПб., 2000.

Литература на английском языке

1. Hillman, J. The Myth of Analysis: Three Essays in Archetypal Psychology. New York, 1992.
2. Hillman, J. Re-Visioning Psychology. New York, 1992.
3. Hillman, J. The Thought of the Heart and the Soul of the World. Dallas, 1992.
4. Jung, C. Modern Man in Search of a Soul. New York, 1933.
5. Jung, C.G. Psychology and Religion: Based on the Terry Lectures delivered at Yale University. New Haven and London, 1999.
6. McDougall, W. An Introduction to Social Psychology. Boston, 1926.
7. Rokeach, M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco, 1968.

Статьи

1. Мир психологии: Научно-методический журнал. М.; Воронеж, 2001. №3 [посвящ. научн. проблеме «Понять Другого – условие и вершина человеческого бытия»].
2. Зеленский В. Аналитическая психотерапия К.Г. Юнга // К.Г. Юнг. Практика психотерапии. СПб., 1998.
3. Раевский С.О. Аналитическая психотерапия // Хрестоматия по глубинной психологии. Вып. 2. М., 1997.
4. Фонарев А.Р. Профессиональная деятельность как смысл жизни... // Мир психологии. М.; Воронеж, 2000. №2.
5. Хегай Л. Глубинная психология // Дж. Хендерсон. Психологический анализ культурных установок. М., 1997.
6. Хегай Л. Психология и зло // Хрестоматия по глубинной психологии. М., 1996.